

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (181)
МАЙ, 2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 4 (181). Май, 2019

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Н. В. Патроева, доктор филологических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор, Президент
международного общества Достоевского (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор кафедры
русского языка, Университет Дзёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, академик РАН,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор,
Институт российской истории РАН
(Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

В. И. ГОЛДИН

доктор исторических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Ю. М. КИЛИН

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

С. Г. КАЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук,
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, Карельский научный
центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

доктор исторических наук, профессор,
Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. А. РАЗУМОВА

доктор исторических наук, профессор,
Кольский научный центр РАН
(Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

А. М. ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

доктор исторических наук, профессор,
Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

доктор философии,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

М. И. ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 4 (181). May, 2019

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philological Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

<p>V. BARISHNIKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg University
(Saint Petersburg, Russia)</p> <p>YU. VASIL'EV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)</p> <p>M. VITUKHNOVSKAYA
Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)</p> <p>V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor, President
of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)</p> <p>S. ZOLYAN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Yerevan, Armenia)</p> <p>Y. INOUE
Professor, University of Dzei (Tokyo, Japan)</p> <p>T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)</p> <p>I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)</p> | <p>S. MIZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)</p> <p>V. PLUNGIAN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)</p> <p>TH. ROSÉN
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)</p> <p>E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)</p> <p>K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)</p> <p>N. FATEEVA
Doctor of Philological Sciences,
Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)</p> <p>M. CHERNYAK
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)</p> |
|---|--|

Editorial Board

<p>V. GOLDIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Northern Arctic Federal University named after
M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)</p> <p>YU. KILIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)</p> <p>S. KASCHENKO
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg University
(Saint Petersburg, Russia)</p> <p>S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences, Karelian
Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)</p> <p>A. KRIVONOSHENKO
Candidate of Historical Sciences,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)</p> <p>YU. KRIVOSHEEV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russia)</p> <p>P. KROTOV
Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg
University (Saint Petersburg, Russia)</p> | <p>K. MYKLEBOST
PhD, Professor,
UiT – The Arctic University of Norway
(Tromsø, Norway)</p> <p>I. RAZUMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)</p> <p>M. RUMYANTSEVA
Candidate of Historical Sciences, National
Research University “Higher School of Economics”
(Moscow, Russia)</p> <p>A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)</p> <p>A. POPOV
Doctor of Historical Sciences, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)</p> <p>YU. SHIKALOV
Doctor of Philosophy,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)</p> <p>M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)</p> |
|---|--|

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Вторушин М. И.</i>	
Интервью		К теории вопроса американского и прусского вариантов развития капитализма в сельском хозяйстве России XIX – начала XX века	66
Интервью с Е. В. Анисимовым	8	<i>Давыдова А. С.</i>	
АРХЕОЛОГИЯ		О конструировании биографий священнослужителей одного прихода	75
<i>Кочуркина С. И., Петрова М. И.</i>		<i>Зыкин И. В.</i>	
Археология и история Кирияжского погоста. Формирование поселенческой структуры	11	Лесопромышленный комплекс Советского Союза в годы первых пятилеток: проблемы управления, финансирования, лесопользования.	83
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		<i>Куренков Г. А.</i>	
<i>Соегов М.</i>		Защита военной и государственной тайны в деятельности Главлита в 1944 году	92
Сыны Туркменистана в Сандармохе.	19	ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		<i>Пащикова Т. В.</i>	
<i>Антощенко А. В.</i>		Религиозно-мифологические представления карелов о заболеваниях <i>kalma</i>	100
Историографический обзор исследований жизни и творчества А. В. Карташева	26	<i>Конкка А.</i>	
<i>Кукушкин В. Л., Кукушкина И. А.</i>		Ель как дерево лесных духов в традиционных верованиях и обрядах карел и населения сопредельных территорий.	103
Книга приказов Вологодского медицинского техникума 1935–1936 годов как исторический источник.	34	Рецензии	
<i>Любезников О. А.</i>		<i>Шадрин О. Н.</i>	
Архитектор Н. П. Никитин и его книга «Огюст Монферран»: проблема научной репрезентации истории Исаакиевского собора в сталинскую эпоху	41	Рец. на кн.: Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918	109
<i>Ястребова О. М., Писчурникова Е. П., Костиков С. Е.</i>		Память	
Из истории русско-персидских языковых контактов эпохи Сефевидов: русские заимствования в челобитных купчины Хваджи Рахмата	48	Памяти В. Г. Макурова.	112
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Научная информация	113
<i>Васильев Ю. А.</i>		Информация для авторов	115
Судьбы руководителей комсомола в истории «Ленинградского дела»	56	Contents	118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия) с 2019 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.05.2019. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 91

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор исторических наук
С. Г. Веригин

ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Представляя данный номер, прежде всего хочется обратить ваше внимание на новую рубрику: Интервью. Ее цель – знакомство с ведущими учеными России. Многих мы знаем по их научному вкладу, но почти не представляем их пути в науку, не все они медийные люди, но именно они продолжают лучшие традиции дореволюционной и советской исторических школ. Для молодых читателей это будет достойный пример и ориентир. Открывает рубрику интервью с известным отечественным историком Е. В. Анисимовым. Читаешь его ответы и понимаешь, что значит быть историком. Евгений Викторович выделил 10 исторических книг, которые, на его взгляд, должны быть в обязательном порядке прочитаны учителями истории, студентами, школьниками, всеми, кто интересуется отечественной историей. Анонсируется и его новая книга «Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке».

Несомненный интерес вызовет публикация коллеги из Туркменистана действительного члена (академика) Академии наук Мурадгелди Соегова о жизненном пути трех видных туркменских деятелей, расстрелянных в год Большого террора в урочище Сандармох Медвежьегогорского района Карелии. В очередной раз мы убеждаемся в том, что историческая наука, несмотря на расстояния и на изменения границ государств, объединяет нас и призывает знать и помнить не только героические, но и трагические страницы нашей общей истории.

Хотел бы отметить, что большинство статей этого номера написаны на основе архивных документов, которые авторы впервые вводят в научный оборот. Среди них следует выделить статьи московских историков Ю. А. Васильева и Г. А. Куренкова, петербургских: О. А. Любезникова и О. М. Ястребовой с коллегами, петрозаводских – А. В. Антощенко. Рубрики «Археология» и «Этнография, этнология и антропология» представлены исследованиями ученых из ПетрГУ и КарНЦ РАН. В рубрике «Память» мы вспоминаем недавно ушедшего от нас В. Г. Макурова.

Журнал не может быть в стороне от юбилейных исторических дат и событий. В рубрике «Рецензии» помещена рецензия О. Н. Шадринной (Архангельск) на монографию В. И. Голдина, приуроченную к 100-летию Гражданской войны на Европейском Севере России. Даются анонсы осенних конференций.

В этом номере мы также публикуем обновленные требования к рукописям, что связано с изменениями, которые сегодня претерпевают все научные журналы. Просим внимательно познакомиться с ними, а мы, в свою очередь, готовы к сотрудничеству.

В целом публикации номера способствуют существенному приращению новых знаний по отечественной и всеобщей истории, историографии и источниковедению, археологии и этнологии. Они будут интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей.

Интервью члена редколлегии журнала А. М. Пашкова с доктором исторических наук, профессором, главным научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН, научным руководителем Департамента истории НИУ Высшей школы экономики (Санкт-Петербургский филиал), профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге, членом Совета по науке и образованию при Президенте РФ ЕВГЕНИЕМ ВИКТОРОВИЧЕМ АНИСИМОВЫМ

Вы родились в 1947 году в небольшом городе Александрове Владимирской области. Как говорят – все великие люди рождаются в провинции. Расскажите о Вашем становлении как историка. Почему Вас заинтересовала история? Кто и что повлияли на Ваш выбор?

Известно, что существует несколько сюжетов художественного произведения, да и жизни: граф Монте-Кристо, Ромео и Джульетта, Одиссей. Мой сюжет – самый заезженный – сюжет о Золушке. Я родился в подмосковном городке, за 101-м километром. Здесь селились те бывшие политические, а в основном уголовные, преступники, которым был запрещен въезд в столицу. В соседнем доме когда-то маялась Марина Цветаева. Уже в мое время ссыльные уголовники определяли общую стилистику жизни городка. Скандалы, матерщина, поножовщина и другие «прелести» криминального мира соседствовали с жизнью обыкновенных семей горожан вроде нашей. Повальное пьянство в городе, во дворе, в семье. Моя бабушка (а я многие годы жил с бабушкой) была сторожем на ликеро-водочном заводе, и поэтому дома «праздник жизни» никогда не кончался. Тогда-то я невзлюбил советскую власть. Дело в том, что, когда веселые гости расходились из нашей кухни, по радио, которое никогда не выключалось, в полночь звучал гимн Советского Союза. Задремавшая к этому времени бабушка просыпалась и выключала свет в моей комнате как раз в тот момент, когда я дочитывал книгу до самого интересного места. Поэтому этот гимн до сих пор у меня вызывает реакцию, как у собаки Павлова, которую бьют током. Несомненно, книги были главной отдушиной в моей жизни. Я читал всегда и везде, особенно любил лежать на высокой крыше сарая

или в особом гнезде, которое сделал в развилке дерева. Голубые томики Жюль Верна, розовые Вальтера Скотта, пестрые Фенимора Купера, сиреневые Джека Лондона, сборники «На суше и на море», пиратские романы о капитане Бладе и ему подобных заполняли мое существование. А восхитительный роман Штильмарка «Наследник из Калькутты», и бессмертный «Остров сокровищ», и карты острова, которые я рисовал непрерывно, все усложняя и усложняя их! Мне было скучно на уроках истории – учебник я прочитывал в первый же день, как только покупал его в магазине со странным названием «Когиз», и вообще знал историю значительно лучше учительницы. Было еще два обстоятельства, которые определили мою жизнь. Первое – это слобода. В километре от моего дома, на противоположном берегу реки возвышался Успенский монастырь – бывшая Александрова слобода – опричная столица Ивана Грозного, место некогда страшное, лютное. Много там было перестроено позже, но главные соборы и колокольня сохранились со времен царя-убийцы. В Троицком соборе, возле медных врат, увезенных Иваном из Великого Новгорода во время кровавого погрома 1570 года, меня крестили в старинной купели, в этот собор меня приводила бабушка на богослужения, которые совершенно не волновали меня. Зато, стоя в храме, я вспоминал страницы «Князя Серебряного» и думал: «Вот тут стоял князь, а тут Малюта Скуратов, а вон оттуда выходил сам царь». Казалось, что, особенно в сумерках, царь Иван присутствует здесь. Порой я со свечой в руке поднимался по узкой лестнице на колокольню, с которой якобы слетел на крыльях отчаянный русский мужик, и видел над собой низкие покрытые копотью потолки,

наверное – думалось мне – еще от факелов времен Ивана, который тоже по этим же стертým каменным ступенькам залезал наверх трезвонить в колокола. И меня била дрожь от страха и восторга. А еще вместе с приятелями мы искали следы подземного хода из слободы к реке (нет в России ни одного более-менее известного места, где бы старожилы не рассказывали предание о тайном подземном ходе). А еще была мечта прославиться на весь мир: найти, подобно героям романа «Бронзовая птица», Либерию – библиотеку Ивана Грозного, ведь считалось, что она где-то тут закопана. Наши раскопки были недолгими – хозяева огородов, окружавших монастырь, обычно гнали нас в шею с нашими лопатами и ломami. Но все-таки раз нам крупно повезло – мы выкопали полуистлевшую рукоятку сабли. И тогда меня будто током дернуло – буду историком! Второе, что оказалось очень важным в моей жизни, – это радио, точнее, две увлекательные радиопередачи, которые я всегда слушал. Одна называлась «Клуб знаменитых капитанов» – о необыкновенных морских приключениях, о пиратах и мореплавателях, а другая – «Юнга Захар Загадкин» – о географии. Захар говорил голосом актера Льва Дурова и рассказывал удивительные вещи, а потом задавал географические загадки типа: «Маленький Зяблик прилетел в гости к другу Талсану...». Нужно было найти на карте эти объекты и написать об этом в редакцию, и я часами просиживал с атласом и сочинял письма, начинавшиеся словами: «Дорогой Захар! Вам пишет ученик 4-го класса Анисимов Женя. Я нашел реку Зяблик, которая впадает в озеро Талсан...» и т. д. С тех пор я отлично знаю географию России и сопредельных стран. А вообще же больше всего я любил читать и, когда отправлялся менять книгу в районную библиотеку, то последние кварталы перед библиотекой уже не мог пройти спокойно, а мчался во весь дух, как на пожар. Я думаю, что миллионы мальчиков были спасены книгами от подворотни...

В наше время происходит бум исторической информации. Выходит огромное количество книг, телевизионных документальных фильмов и передач, не говоря уже об интернет-публикациях. И вся эта информация имеет разную степень достоверности. В связи с этим вопрос к Вам как одному из ведущих отечественных историков, автору множества книг по истории России. Какие, на Ваш взгляд, 10 (можно 20 и больше) исторических книг должны быть в обязательном порядке прочитаны всеми учителями истории, студентами-историками, школьниками, интересующимися историей, и вообще – людьми разных профессий, которые хотят лучше знать свою историю? Итак, рейтинг качественных исторических книг по Е. В. Анисимову.

Флоря Б. Иван Грозный
 Блок М. Апология истории
 Яковенко Н. Очерк истории Украины в средние века и раннее новое время
 Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ
 Лотман Ю. Беседы о русской культуре
 Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина
 Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории в 2 томах
 Лихачев Д. С. Русская культура
 Шепелев Л. Е. Чиновный мир России
 Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры
 Козляков В. Смута в России. XVII век
 Седов П. В. Закат Московского царства
 Павленко Н. И. Петр Великий
 Скрынников Р. Г. Царство террора
 Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой
 Карпов А. Ю. Москва державная
 Александр П. Pro et contra. Антология
 Безотосный В. М. Российский генералитет эпохи 1812 г.
 Успенский Б. А. Этюды о русской истории
 Каппелер А. Россия – многонациональная империя

Для любого автора самая лучшая книга – это та, которую он еще не написал. Однако как Вы сами считаете – какие свои работы из более чем 20 написанных Вами книг самые удавшиеся, где вам удалось внести наибольший вклад в изучение той или иной проблемы, какие книги встретили наиболее высокую оценку специалистов и простых читателей, какие будут востребованы и много лет спустя после их выхода?

Про вклад и востребованность – не знаю, но самые удавшиеся книги: «Елизавета Петровна» (Афродита на троне), «Генерал Багратион. Жизнь и война», «Дыба и кнут». Но более всего цитируется старая книга (весьма несовершенная) «Время петровских реформ». Массовому читателю более всего приглянулись популярные книжки – «Женщины на троне», «Пленницы судьбы». От них воротят нос профессионалы, но они делают свое дело исторического просвещения, ради чего, собственно, мы, историки, и существуем.

Большая часть ваших работ посвящена русской истории XVIII века. Центральная фигура, определившая весь ход истории России в этом столетии, – это, конечно, Петр I. Однако в исторической науке оценка личности и деятельности царя Петра до сих пор является предметом дискуссий. А какова Ваша оценка личности и деятельности Петра I и его реформ?

Мне трудно кратко об этом сказать. У меня сложная оценка личности Петра. Я позволю себе нахальство и отсылаю интересующихся к недавно вышедшей книге «Петр Первый: благо или

зло для России?». Там все подробно разобрано, но точно, что у меня нет однозначной оценки. Пример: Петр провел фактическую индустриализацию, построил промышленность, обеспечившую стране экономическую независимость. Но промышленность эта была крепостнической (и не Вам ли это не знать), что привело с началом Промышленного переворота к застою, торможению и Крымской катастрофе, и все началось сначала. В ответ можно сказать: а какой у Петра был иной путь, кроме крепостнического, в стране без банков, инвестиций, городов с Магдебургским правом, без университетов, рынка рабочей силы, капиталов? Ну и так далее. Спор бесконечен.

Последние годы Вы работаете над капитальным трудом «Хроника жизни и деятельности Петра Великого». В каком состоянии сейчас эта работа? Каким предполагается ее объем? И, наконец, когда мы сможем ознакомиться с этой книгой?

Сейчас заканчивается загрузка Биохроники (300 а. л.) на Национальную платформу ВШЭ, и к осени она будет доступна всем. Я задумал ее как справочник для всех историков, с элементом интерактива (но не как Википедия), правка и дополнение только через меня с указанием автора исправлений и дополнений. Возможности Интернета беспредельны. В каждую «карточку» (дату) можно будет загружать по теме всякий дополнительный материал от статей, книг до фильмов и изображений артефактов и произведений искусства. Цель – создать единый всеобъемлющий ресурс о Петре и его эпохе. Это дополнение и исправление может продолжаться бесконечно, пока будет электричество и Земля. После меня придет другой координатор и продолжит начатую работу. В этом смысле так можно зацепиться за вечность.

В 2017 году Вы были избраны членом Совета по науке и образованию при Президенте РФ. Расскажите, чем занимается этот Совет, как он устроен, кто из ученых-гуманитариев входит туда кроме Вас, какие вопросы Совет рассматривает, есть ли у членов Совета возможность заранее узнать повестку дня и подготовиться к обсуждению вопросов? Слышны ли там голоса общественности? Каковы достижения Совета за последние два года?

Я там недавно и пока не очень хорошо понимаю направление работы. Я предложил доклад о том, как изменить печальную судьбу многих провинциальных вузов (вас это не касается, у вас сильный университет), которые с образованием системы федеральных университетов испытывают большие сложности и понемногу умирают, хотя известно, что Россия всегда жила землей, провинцией, но пока доклад этот не ставится в повестку дня.

И, наконец, последний вопрос. Вы уже не в первый раз в Петрозаводске. Каково Ваше мнение о нашем городе и Петрозаводском университете?

Я люблю Карелию и Петрозаводск. У вас сохраняется, несмотря на долгую нивелирующую все соввласть, своеобразие в образе жизни, характерах людей, в самом городе, в общей атмосфере. И вообще, как только переезжаешь границу, начинается прелестная страна, отличная от нашей унылой болотистой равнины, и впечатление «не совсем России» усиливается – меньше неряшливости, бардака, больше порядка, красивых пейзажей, больше гармонии и покоя. Вам повезло и в том смысле, что все-таки республиканский статус позволил остаться на том же уровне в отличие от других губернских городов. Но я знаю о многих ваших проблемах, они есть у всех, и мне кажется, что вы как-то достойнее других их решаете. Я желаю вам всего доброго!

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук, заведующий сектором археологии Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
babkin@karelia.ru

МАРИНА ИГОРЕВНА ПЕТРОВА

директор
Муниципальное учреждение культуры «Куркиёкский краеведческий центр» (Куркиёки, Российская Федерация)
аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kirjzh@mail.ru

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ КИРЬЯЖСКОГО ПОГОСТА.
ФОРМИРОВАНИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ***

Историко-археологическое изучение Кирьяжского погоста позволило наметить основные этапы развития важного торгового центра средневековой Карелии. Благоприятные природно-климатические факторы и вовлечение местного населения в международную торговлю привели в X–XIV веках к расцвету территории. Развитие поселений прослеживается по археологическим памятникам: могильникам, городищам,кладам, случайным находкам. Для исследования эволюции историко-культурных ландшафтов Кирьяжского погоста применены методы картографической документации изучаемых мест. В границах современного поселка Куркиёки локализовано 9 патронимических деревень, составлявших центр погоста. Впервые описана устойчивая поселенческая структура, непосредственно связанная с археологическими памятниками. На основе данных топонимии и письменных источников XV–XVI веков локализовано 14 прибрежных деревень. Населенные пункты возникли на местах торгового, волоков и сторожевых пунктов и в дальнейшем развились в интегрирующие культурные центры. Ядро Кирьяжского погоста с деревнями Кууппала, Рахола, Хямеенлахти, Соскуа, Риеккала, Отсанлахти отмечено концентрацией археологических находок. Отдаленные прибрежные деревни имели свои центры в деревнях Лапинлахти и Терву. Позднее церковно-административное деление на погосты и перевары сложилось с учетом древних родоплеменных границ с сохранением основных поселенческих центров.

Ключевые слова: археологические памятники, Кирьяжский погост, Куркиёки, поселенческая структура, средневековая Карелия, топография, топонимия

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Средневековья Северо-Западного Приладожья ярко освещается не только археологическими памятниками, включающими могильники, поселения, городища, клады, но и письменными источниками, раскрывающими важные события в жизни народа, оставившего эти памятники. Историко-археологические итоги исследования, осуществленные зарубежными и отечественными учеными, подробно изложены в недавно вышедшей книге [2], поэтому не считаем нужным вновь возвращаться к этим сюжетам. Исследование топонимии позволило сделать информативные выводы относительно территории расселения древнекарельского народа, путей его передвижения, особенностей хозяйственного уклада, этнокультурных контактов на протяжении нескольких сотен лет. По своим природ-

но-климатическим условиям Северо-Западное Приладожье представляет собой своеобразное и неповторимое явление, что предопределило пути заселения края, формы адаптации человека к естественно-географическим условиям, оптимальные способы природопользования, виды хозяйствования и т. д. Разветвленная водно-волоковая сеть позволяла выходить к Сайменской озерной системе и далее до Беломорья и Ботнического залива [8].

В границах Кирьяжского погоста первые средневековые памятники (объекты каменного века в данной статье не рассматриваются) датируются X–XI веками и представлены большей частью разрушенными могильниками, в которых умершие погребены по обряду трупосожжения, а также случайными находками, обнаруженными в процессе хозяйственных работ.

В деревне Кууппала и ее окрестностях на протяжении XX века были найдены артефакты, как в процессе сборов случайных находок, так и в результате целенаправленных раскопок: клады, хозяйственный комплекс в виде каменной площадки размерами 10 × 10 м (кузница?). На ней обнаружены тигель для плавки бронзы и донышко от аналогичной вещи. Курьезной находкой можно считать «клад» топоров на острове Виллапекко. В Музейном Ведомстве Финляндии хранятся 48 топоров и некоторые другие предметы с этого острова, датирующиеся X–XIV ве-

ками. Возможно, эта коллекция была создана местным жителем.

К числу редких памятников начала II тыс. н. э. на северном побережье Ладожского озера относится могильник Кууппала-Калмистомяки-Ряккеляйнен (Räkköläinen) на восточном берегу залива Куркийокский, примерно в 200 м от уреза воды. Археологические работы на могильнике производились в 20–30-х годах прошлого века. Основные исследования проведены А. И. Саксой [9: 246–254]. Инвентарь пополнился в 2018 году в результате сборов подъемного материала (рисунок).

Средневековые древности Кирьяжского погоста:
1 – клады; 2 – могильники; 3 – случайные находки; 4 – городища

В совокупности коллекции могильника включают артефакты из разновременных погребений: по обряду трупосожжения и грунтовых могил. От ранних погребений сохранились лишь разрозненные кальцинированные кости и отдельные предметы из мужских погребений (меч, наконечник ножен меча, втульчатые наконечники копий, топоры, равноплечие фибулы, бронзовая поясная гарнитура). Украшения конской сбруи представлены бронзовыми накладками, располагавшимися на пересечении ремней, тонкими бронзовыми бляшками. К женским украшениям относятся три сердоликовые бусины, два разновеликих спиралевидных цепедержателя.

Ко времени функционирования могильника по обряду трупосожжения X–XII веков относятся погребения не менее пяти мужчин-воинов с конским снаряжением (о погребении коней никаких данных нет), возможно, одно женское (если цепе-

держатели и бусы не попали в мужские захоронения в качестве дара).

В поселке Куркийёки на южном склоне возвышенности Линнавуори еще в XIX веке найдены древние предметы (см. рисунок). Часть предметов характерна для погребения мужчины (мечи, втульчатые наконечники копий, нож, топор, кнута-вище). Сохранились бронзовые изделия (орнаментированная рукоять кресала, две змеевидные накладки со штырьками, поясная пряжка). Большинство находок представлено женскими предметами украшения из цветного металла: овально-выпуклые фибулы и круглые, ладьевидные и спиральный браслеты, крупная арбалетная фибула, ложновитая сломанная на шесть частей шейная гривна, орнаментированная подвеска в виде гребня, спиральные перстни, стеклянные и сердоликовые бусы и некоторые другие предметы [3: 54–61]. Вероятно, здесь в начале

X века были погребены по обряду трупосожжения мужчина-воин (или двое, если исходить из количества боевого оружия) и две женщины. По мнению П. Уйно [16: 330], в могильнике могли быть погребены пять или шесть персон: двое или трое мужчин, столько же женщин и ребенок.

Комплекс Соскуа-Калманими исследовался С. В. Бельским в 2017 году:

«Погребение было локализовано на высоком скалистом мысу, на берегу залива северного побережья Ладожского озера, на небольшой естественной площадке. В результате раскопок площадью 62 кв. м было открыто погребение, совершенное по обряду кремации на стороне. Над ним было поставлено небольшое судно (приблизительно 6–7 (8) м в длину, судя по распределению заклепок в плане) килем вверх. Каких-либо деревянных частей судна не сохранилось. Но найдено 59 ладейных заклепок разных типов и их фрагментов. Также был обнаружен комплекс вооружения, характерный для эпохи викингов – IX – первой половины X века: наконечник копья, два боевых топора, три наконечника плетей с шумящими привесками. Помимо них обнаружены несколько стеклянных и одна каменная (сердоликовая) бусы, несомненно, побывавшие в погребальном костре»¹.

Итак, в процессе археологических исследований выявлено около 10 мужских погребений (женских захоронений единицы), датирующихся X–XII веками. Вероятно, в районе устья реки Рахоланйоки, на восточном берегу залива Куркийокский и вблизи Соскуа-Калманими существовали фактории, вооруженные мужчины которых на конях и в ладьях обеспечивали успешность торговых операций с населением обширной округи. Говорить об этнической принадлежности населения этого периода у нас нет оснований, так как материальная культура интернациональна и не имеет региональных особенностей. Кроме того, в границах погоста найдены предметы из разрушенных, несохранившихся памятников (поселения? погребения?) этого времени: Кууппала (Vas(ik)kasaari) – топор; Риеккала (Куоррамäki-Torikka) – ладьевидный массивный браслет; Корписаари – топор; Кауппакюля (Lopotti-Näreniemi) – браслет; Кауппакюля (Lopotti-Andersinmäki) – меч; Терву (Poskiparta/Kuronen) – топор, лезвие топора, ладьевидный браслет; Куркиёки (точное местонахождение неизвестно) – топор типа М; Rummunsuo (Eklund) – ладьевидный браслет и серебряная подковообразная фибула [15: 243–255]. В последние годы в процессе хозяйственных работ найдены предметы, которые хранятся в фондах Куркийокского краеведческого центра: Рахола – наконечник ножен меча, спиралевидный цепедержатель, фрагмент равноплечей фибулы, три ременных накладки; Хийденмяки – спиралевидный цепедержатель (см. рисунок).

Памятники, оставленные древнекарельским населением, представлены укрепленными поселениями (в тексте даны в хронологической последовательности). В округе поселка Куркиёки исследованы городища Хямеенлахти-Линнавуори, Терву-Линнасаари, Ранталинмяки, Соскуа-Линнамяки, Лопотти, а также городища-убежища (см. рисунок). Непосредственно на побережье Ладожского озера поселений не найдено. На некоторых памятниках обнаружены остатки более древних поселений и погребений. Судя по количеству выявленных фундаментов жилищ, население было немногочисленным, возможно, в пределах 20–30 человек.

Напряженная внешнеполитическая обстановка отразилась на топографии поселений, на конструктивных особенностях застройки с использованием защитных свойств микрорельефа. При угрозе нападения население использовало для временной защиты труднодоступные возвышенности с обрывистыми склонами, так называемые городища-убежища, заблаговременно укрепленные некоторыми дополнительными каменными сооружениями. На постоянных поселениях, помимо внешних оборонительных сооружений в виде каменных стен, валов, применялись внутренние – из домов и построек, создававших еще одну дополнительную защитную линию.

На северо-западном побережье Ладожского озера исследовано городище Хямеенлахти-Линнавуори. Оно располагается в 3 км южнее поселка Куркиёки, на южном берегу залива Хямеенлахти на границе с заливом Лайккаланлахти (на современных картах залив Куркийокский) Ладожского озера, на возвышенности высотой 50 м над уровнем моря. Топографическая особенность Линнавуори заключается в том, что она не является доминантой на местности, а представляет собой северную оконечность длинного покрытого лесом скалистого отрога, тянущегося по полуострову (местность Риеккала) от залива Хямеенлахти до залива Риеккаланлахти. Городище оконтурено, кроме южной стороны, скальными обрывами и ориентировано в направлении север – юг. Южная, лишенная естественной защиты сторона укреплена каменным валом с проемом от ворот (ширина его 3,5 м). Западный отрезок вала длиной 15 м, шириной 2–2,5 м, восточный соответственно 17,5 и 1,5–3 м сложены из камней, засыпаны землей и густо поросли деревьями. Незащищенную скальными обрывами западную часть также укрепили валом длиной 11 м, шириной 1,5–2,5 м. По краю обрывистой, восточной части городища, возможно, были сооружены в целях безопасности какие-то деревянные укрепления. Выявлены остатки каменной стены,

идущей в направлении северо-запад – юго-восток и прикрывавшей городище с северной стороны (длина 6,2 м, ширина 2,8 м), фрагменты очага 2,2 × 2 м. В скальном углублении вскрыта печь, примыкавшая тыльной стороной к возвышенной части (3,6 × 2 м), а также остатки каменного фундамента (6 × 3,6 м). Каменные фундаменты жилищ и отопительные сооружения обмазывались глиной, что подтверждается большим количеством найденных кусков обмазки.

Археологические вещи датируются XII–XIII веками: предметы женского убранства из цветного металла (фибулы, подвески, копоушка, игольник, ножны, спиральки и стеклянные бусы), бытовой инвентарь (ножи, ключи, ледоходные шипы), боевое оружие (наконечники стрел и копье), орудия рыболовства и т. д. Собраны шесть серебряных монет (одна не определена): восточная второй половины X века, из четырех немецких монет одна первой половины XI века, три второй половины XI века. Но эти монеты не могут удревить памятник, поскольку они использовались, вероятно, не в качестве платежного средства, а, скорее всего, как ценный металл для последующей переплавки.

Несколько позднее, в XIII–XIV веках, на острове построили городище Терву-Линнасаари. Остров (275 × 140 м) располагается в 2,6 км юго-восточнее поселка Терву, в удобной одноименной бухте в окружении островов, защищающих его от ветров и волн открытого Ладожского озера. В то же время с вершины острова в ясную погоду акватория озера просматривается на дальнее расстояние. В случае же вражеского нападения у жителей острова была возможность укрыться на материке. Вытянут в направлении север – юг. Южная часть округлой формы, скалистая и обрывистая (43,5 м над уровнем моря), северная – низкая и пологая, но тем не менее защищена тройной линией укреплений из крупных блоков камней вперемежку с мелкими. Городище занимает южную округлую часть острова (155 × 115 м). При раскопках вскрыт фундамент жилища. Само строение, по всей вероятности, было деревянным и, видимо, в целях предохранения от пожаров обмазывалось глиной. Этим можно объяснить огромное количество найденных кусочков глиняной обмазки. Между скальными отрогами был сооружен каменный мостик (возможно, были и деревянные ворота), созданный, с одной стороны, для обороны открытого участка и для препятствия к восхождению на городище, а с другой – для свободного прохода жителей. Собрано более 300 предметов из цветного металла, стекла, железа, камня, глины. Изделия из цветного металла представлены характер-

ными древнекарельскими украшениями: овально-выпуклыми фибулами нескольких типов, Ф-образными пронизками, цепедержателями, копоушками. Предметы вооружения единичны.

Терву-Линнасаари является, с одной стороны, типичным средневековым древнекарельским поселением с традиционными оборонительными укреплениями и жилой постройкой, а с другой – расположение его на высоком скалистом острове придает городищу исключительное своеобразие. Выбор для поселения острова, занимающего стратегическое положение в акватории Ладожского озера, не случаен – населению приходилось, видимо, обороняться как от внешних врагов, так и от разбойничьих набегов соседей, оберегая свою жизнь и имущество.

Небольшое городище Соскуа-Линнамяки (см. рисунок) находится в 4,5 км юго-восточнее поселка Куркиёки, на левом берегу реки Соскуанйоки, примерно в 1,8 км от ее впадения в залив Токкарилахти Ладожского озера. Оно располагается на возвышенности (максимальная высота над уровнем моря 44 м), окруженной лугом, кустарниками, с восточной стороны – кромкой леса. С севера и северо-запада огибается рекой. Мощные крутые скальные обрывы отмечены по юго-западному краю возвышенности. На восточной стороне на высоте 35–36 м прослежен отрезок стены, сложенной из камней без применения связующего раствора.

На Линнамяки имелось всего два участка, пригодных для проживания. Обнаруженный в раскопах материал не противоречит находкам ранее исследованных древнекарельских городищ и позволяет датировать Соскуа-Линнамяки XII–XIV веками. До сих пор отчетливо просматривается вход на городище, обозначенный крупными валунами и камнями от развалившейся стены. Большое количество углей – вероятно, следы от сгоревших деревянных конструкций ворот. В сравнении с другими известными укрепленными поселениями, Соскуа носит «провинциальный», сельский характер. Возвышенность, видимо, была рассчитана на защиту малочисленного местного населения и не носила стратегического характера. Обратим внимание, что на вскрытой площади городища нет замков и ключей, что довольно странно, если бы поселение было круглогодично обитаемо.

В районе поселка Куркиёки в XV–XVI веках функционировало еще одно укрепленное поселение, поскольку военная обстановка оставалась по-прежнему сложной. На невысокой (42 м над уровнем моря) возвышенности Лопотти (окраина поселка Куркиёки) было построено городище. С севера оно омывалось рекой Рахоланйоки, впадающей в залив Ладожского озера. Площадь

поселения около 500 кв. м. Помимо внешней линии оборонительных укреплений, сложенных из камней «насухо», защищающих возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя – из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 кв. м имели печи-каменки в северо-восточном углу. Под юго-восточным углом фундамента при раскопках обнаружено сланцевое тесло, датирующееся поздним мезолитом или ранним неолитом. Видимо, положено оно под угол фундамента с какими-то ритуальными целями.

Наступление противника можно было ожидать с севера, со стороны реки, поэтому строители постарались максимально укрепить северный мыс. Поперек возвышенности они поставили заслон из жилищ, которые одной стороной примыкали к общей каменной стене. Среди немногих находок – единичные украшения, стамески, гвозди, железные накладки, ключи, точильные бруски – нет таких, по которым можно установить точный период существования, поэтому городище Лопотти датируется приблизительно XV–XVI веками, а может быть, и более поздним временем.

Собраны случайные находки этого хронологического периода: Хямеенлахти (*Anttilanmäki*) – наконечник копья, удила [15: 257]; Риеккала – наконечник копья; Левонпелто (*Rajamäki-Rastas*) – две остроги и острие из железа; Хямеенлахти – наконечник копья; Кауппакюля (*Lopotti-Koimäki*) – наконечник копья; Хямеенлахти (*Aromäki-Tortola*) – овално-выпуклая фибула типа F; Соскуа – овално-выпуклая фибула типа H; Соскуа («*Malamiin*» *peltto*) – наконечник копья; Отсанлахти (*Merta/Kauppinen*) – овално-выпуклая фибула типа C; Терву – овално-выпуклая фибула типа H; Терву (*Poskiparta/Kuronen*) – ножницы, железная бляшка, овално-выпуклая фибула типа H; Куркиёки (точное местонахождение неизвестно) – нож, удила, топор [15: 250–255].

В 2013 году С. В. Бельским исследовалась деревня Лапинлахти и могильник Кирккомьяки. Обнаружено одно погребение (предположительно мужское), совершенное по обряду кремации, датирующееся концом XII – началом XIII века. Находки представлены секировидным топором М по Я. Петерсену, железным овалным кресалом, подковообразной фибулой с гвоздевидными головками, железной дужкой от котла, 21 фрагментом костяного гребня, кальцинированными косточками, золой, фрагментами лепного сосуда [1: 135–145].

Находки в окрестностях Куркиёки последнего времени: фибула типа H (усадьба Цайдера, Хямеенлахти), уточка нестандартная, копоушка (Рахола), цепедержатель (Лопотти), овално-выпуклая фибула (Отсанлахти), топор типа М (Вятикка), овално-выпуклая фибула (Лапинлахти), –

находятся в фондах Куркиёкского краеведческого центра (см. рисунок).

К началу XVI века ядро Кирияжского погоста – это совокупность патронимических деревень, тяготевших к устьям рек Куркийоки² и Соскуанйоки, разделенных естественными границами в виде длинных узких заливов, мысов, речных долин. Церковно-административное деление на погосты и перевары сложилось на основании древних родоплеменных границ.

Наряду с выгодным географическим положением и богатством рыбных ресурсов, плодородие почв стало одним из главных факторов земледельческого освоения территории. Обширные массивы плодородных почв простираются вдоль Вуоксинской системы на западном берегу Ладоги. На северо-западном побережье лучшие почвы сосредоточены в районах Куркиёки и Хийтола, на северном берегу – вокруг города Сортавала, в долине р. Янисйоки и берегам залива Импилахти [4: 43–45], [14: 40–41, 50]. Районы с торфяниками и песчано-гравийными моренами стали использоваться позднее.

Ценным источником, раскрывающим структуру Кирияжского погоста, является Писцовая книга Водской пятины 1500 года³. Как подчеркивает И. И. Муллонен,

«в источнике 1500 года большинство поселений являются разросшимися многодворными образованиями, что свидетельствует об их появлении в более раннее время. Наименования этих поселений, сохранившиеся на протяжении столетий, являются своего рода метками, маркерами карельского культурного ландшафта той отдаленной эпохи. Они сохраняют память об основателях и первопоселенцах» [5: 150].

Финляндский исследователь Й. Ронимус в начале XX века провел детальное изучение источника, в ходе которого сопоставил карты, документы и предания местных жителей о названиях деревень⁴ [14: 38]. Некоторые уточнения и дополнения по идентификации и локализации деревень, расположенных в черте поселка Куркиёки, внесли Э. Кууйо [12: 62], В. Ряснен [13: 492], Р. Хакулинен [10]. Описание города Кроноборга (Куркиёки) шведского периода и прилегающих к нему деревень дано в труде Т. Иммонена [11] и представлено на карте Е. Уттера 1646 года⁵. Демографические аспекты и структура поселений шведского периода Кирияжского погоста были рассмотрены М. И. Петровой в отдельной статье [6: 80–90]. Опираясь на труды предшественников и дополняя их собственными исследованиями, мы стремились составить целостную картину, отражающую структуру важного центра, расположенного на перекрестке международных торговых путей. Идентификация новых и уточнение ранее выявленных деревень проводились с использованием данных археологии, топонимии, письменных источников XIV–XVII веков и картографических

материалов XVII–XXI веков. Сложности анализа были связаны с множественностью одинаковых или близких по написанию населенных пунктов в переварах (административно-территориальных единицах, входящих в погост), в том числе и в группах патронимических, семейно-родовых деревень. Кроме того, необходимо было учитывать изменения в названиях в русских и шведских источниках, которые возникали в результате смены землевладельцев или слияния ряда деревень.

Места некоторых исчезнувших поселений определялись с помощью растений-индикаторов, являющихся своеобразными маркерами исчезнувших поселений с их хозяйственными комплексами, системой обороны, культовыми местами и кладбищами [7: 319–320]. Метод фитоиндикации служит вспомогательным инструментом при археологической разведке и изучении историко-культурных ландшафтов.

Перейдем к описанию центральной части погоста, которая представлена в таблице.

Деревни центральной части Кирьяжского погоста*

№	1500 год	Число домов	Первая половина XX века	2019 год
Кирьяжская перевара				
1	д. Рекола Микулино	2	Риеккала	п. Ласанен
2	д. Рекольская весь	4		
3	д. Ловгола в Рекале	3		
4	д. Каллила в Рекале	3		
5	д. Подгородищем	3	Куркиёки (Лопотти)	Куркиёки, ул. Заречная
6	д. Ладикола на лахте Ладикольской	10		Куркиёки, берег залива Лайккаланлахти
7	д. Ладикола	2		Куркиёки, район улиц Лесная, Советская, Пролетарская
8	д. на Гиёмкумбе	1		
	д. на Гиёмкумбе	2		
9	д. Нивкола на реце на Кирьеше	7		Куркиёки, район улиц Полевая и Совхозная
10	д. Койгуево у погоста	4		Куркиёки, часть ул. Заречной
11	д. Погицы	16	Похьии	Куркиёки, район улиц Полевая и Совхозная
	д. Рагола	8	Рахола	частично входит в поселок Куркиёки (ул. Полевая, ул. Заречная) и простирается вдоль р. Рахоланйоки
12	д. Гемелакша	8	Хямеенлахти	граница с п. Куркиёки, дачный поселок в районе залива Хямеенлахти
13	д. Гемелакша же в Лахте	2	Каннансаари	дачный поселок в районе залива Хямеенлахти
14	д. Очелакша	7	Отсанлахти	п. Отсанлахти
15	д. Куппола	16	Кууппола	граница с п. Куркиёки, дачный поселок
Перевара Лапилашская и Сошковская				
16	д. Оллила на реце на Сошкове за лахтою	13	Соскуа	п. Соскуа
17	д. Сошково за лахтою	4		
18	д. Сошково на другой стороне реки	9		
19	д. Сошково на той же стороне	7		
20	д. Верхняя Иерва над озером над Иярвем	1	Ихоярвенкюля	п. Ихоярвенкюля
21	д. Нижняя Иерва	4		
22	д. Лапилакша	46	Лапинлахти	Сельскохозяйственные угодья юго-западнее п. Вятккя
Соральская перевара				
23	д. Тервозимская весь	30	Терву	п. Терву

Примечание. * – Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 12. М.: Университет. тип., 1852. С. 120–143. Из обширного перечня источника в таблице представлены лишь те деревни, которые упоминаются в тексте статьи.

В устье реки Кирияж (Куркийоки) располагалась *деревня Подгородищем* (то есть непосредственно под городищем) с удобной для торга ровной площадкой. На правом берегу реки стояла церковь Рождества Богородицы, поэтому Кирияжский погост назывался Богородицким. Центральные деревни погоста, которые в настоящее время слились с современным поселком Куркийоки, относились к Кирияжской переваре. Река Кирияж полукругом огибала Городище, образуя полуостров. Ручей, протекающий в долине к юго-западу от горы Линнамьяки, служил естественной границей между *деревнями Подгородищем и Койгуево у погоста*. С горы Коймьяки открывался вид на *деревню Рагола* и соседний залив *Гемелахша* с одноименной деревней.

На левом берегу реки Кирияж, у южного и юго-восточного подножья горы Хийденмьяки располагалась *деревня на Гиемкумбе*. Гора состояла из двух возвышенностей, между которыми проходила дорога. На одной из них было четыре холма. Можно предположить, что дома деревни располагались на террасе. В более позднее время название деревни изменилось на Хийденмьяки. С горы открывался обзор на дальние острова залива с *деревнями Кууппола и Гемелахша*. На другом берегу располагалась *деревня Нивкола на реце на Кириеши*. Возвышенность плавно понижалась и доходила до клина, образовавшегося в результате слияния реки Кирияж и ее притока Хейнийоки. Деревня *Погицы (Похьи)* также имела удачное расположение с выходом к берегам двух рек и далее простиралась на северо-запад. Позже *деревня Нивкола* растворилась в деревне Похьи, но еще в 1828 году в земельном кадастре была отмечена запись «*Похьи или Нивкола*». *Деревня Ладиккола на лахте Ладикольской* простиралась вдоль берега залива Лайккаланлахти, где в XIX–XX веках располагался комплекс зданий Куркийокиской высшей школы земледелия [12: 62]. Можно предположить, что *деревня Подгородищем* размещалась непосредственно под горой Линнамьяки,

в то время как *деревня Ладиккола* выходила на оба берега реки Кирияж и залива Лайккаланлахти.

В заливе Риеккаланлахти зафиксирована группа из четырех деревень с названиями, имеющими общую основу Рекола (см. таблицу). Вдоль ручья Сорсаноя и его притока шел прямой путь в *деревню Рагола*. *Деревня Кууппола* располагалась на полуострове между заливом Отсанлахти и устьем реки Соскуанйоки. По широкой долине простиралась группа из четырех деревень с общим названием Сошково, получивших наименование по одноименной реке, известной сейчас как Соскуанйоки. В центральной части деревни располагалась гора Линнамьяки. Долина, ведущая от горы на юго-восток, проходила через земли соседней *деревни Лапилакша* с выходом к заливу Рюхмялахти. Эта деревня имела обширные территории от долины реки Соскуанйоки на северо-западе до берегов Ладожского озера на юге и юго-востоке. *Деревня Тервозимская весь* располагалась на берегах бухты Терву, в долине реки Тервунйоки, озера Ихоярви и приустьевой зоне реки Ихойоки. Вход в устье реки Тервунйоки закрывал остров Линнасаари. Сеть рек и озер соединяла бухту Терву с озером Терварви и рекой Соскуанйоки, что позволяло выйти в Сайменскую систему озер [8: 563–571].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, по книге 1500 года в описанной части Кирияжского погоста насчитывалось 23 деревни с 212 дворами (см. таблицу), что свидетельствует о сохранении традиции освоения этой территории с эпохи Средневековья по XVI век включительно. Население Кирияжской округи, несмотря на некоторые внешнеполитические события и связанные с ними экономические потери, неблагоприятные природно-климатические стрессы, продолжало совершенствовать поселенческую структуру, развивать комплексное крестьянское хозяйство и охотничье-рыболовецкие промыслы.

* Работа выполнена из средств федерального бюджета по государственному заданию КарНЦ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бельский С. В. Отчет об археологических раскопках могильника Калманиеми в Лахденпохском районе Республики Карелия в 2017 году. С. 2.
- ² В настоящее время нормы написания в названиях населенного пункта Куркийоки, реки Куркийоки и залива Куркийоковского не унифицированы.
- ³ Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 12. М.: Университет. тип., 1852. С. 120–143.
- ⁴ Ronimus J. V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus. Joensuu, 1906. S. 38.
- ⁵ Geographisch afrijtningh uppå Kürck – Jocki pogost i Kexholms Norre lähn, anno 1646. [Av Erik And. Utter (?). Jfr. Hiiitola. Papper, uppf. på väv, ritad, 58,5 x 89.] // Reversal. 1850. Nr 7/ 89. S. [?]. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельский С. В. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. Археологические исследования 2010–2016 гг. // Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы. Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 5 / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 131–262.
2. Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 280 с.
3. Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 262 с.
4. Линтунен П. Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Хельсинки: Миктор, 1998. 230 с.

5. Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка // Истоки Карелии: время, территория, народы. Междисциплинарные исследования. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 149–167.
6. Петрова М. И. Демография Кирижского погоста в период шведского завоевания в XVI–XVII веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 80–90.
7. Петрова М. И. Растения-индикаторы памятников археологии Кирижского историко-культурного ареала // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. В. Новгород, 2018. С. 317–322.
8. Петрова М. И. Реконструкция сети водно-волоковых путей Кирижского (Куркиевского) историко-культурного ареала // Притяжение Севера: язык, литература, социум: Материалы I Междунар. научно-практ. конф. Петрозаводск, 2018. Ч. 1. С. 563–571.
9. Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.
10. Hakulinen R. Kurkijoki kylästä kylään. Kurkijoki – Säätö. Saarijärven Offset OY, 2013. 475 s.
11. Immonen T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710 // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola – Kurkijoki – Jaakkima – Lumivaara. Pieksamäki, 1958. S. 83–422.
12. Kuujo E. Kurkijoen vaiheet asutuksen alusta vuoteen 1570 // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola – Kurkijoki – Jaakkima – Lumivaara. Pieksamäki, 1958. 680 s.
13. Räsänen V. Kotiseutu // Vainio V. Kurkijoen historia. Kurki – Säätö. Loimaa: Loimaan Kirjapaino, 1982. S. 452–550.
14. Saarnisto M. Karjalan geologia. Karjalan luonnonmaiseman synty // Viipurin läänin historia I: Karjalan synty. Saarnisto M. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY, 2003. S. 21–80.
15. Uino P. Ancient Karelia – Arkeological studies. Muinais-Karjala – Arkeologisia tutkimuksia // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 104. Helsinki, 1997. 426 s.
16. Uino P. Viikinkiaika // Viipurin läänin historia I: Karjalan synty. Saarnisto M. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY, 2003. S. 313–382.

Kochkurkina S. I., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

Petrova M. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ARCHEOLOGY AND HISTORY OF THE KIRYAZH POGOST. FORMATION OF THE SETTLEMENT STRUCTURE*

Historical and archaeological study of the Kiryazh Pogost enabled to outline the main stages of the development of an important trade center in Medieval Karelia. Favorable climatic factors and the involvement of the local population in international trade led to the flourishing of the territory between the X and the XIV centuries. The development of the settlements can be traced through archaeological sites: burial grounds, settlements, treasures, and random finds. Methods of cartographic documentation of the studied sites were used for studying the evolution of historical and cultural landscapes of the Kiryazh Pogost. Within the borders of the modern village of Kurkijoki, nine patronymic villages are located, which once formed the center of the Pogost. A sustainable settlement structure, directly related to the archaeological sites, is described for the first time. Fourteen coastal villages were localized on the basis of toponymic data and written sources of the XV–XVI centuries. Localities were placed on the sites of trading posts, portage tracks or watchposts and later developed into integrating cultural centers. The core of the Kiryazh Pogost with the villages of Kuupala, Rahola, Hämeenlahti, Soskua, Riekkala and Otsanlahti is marked by the concentration of archaeological finds. The remote coastal villages had their centers in the villages of Lapinlahti and Tervu. Later, the church and administrative division into pogosts and tax districts was formed taking into account ancient tribal boundaries while preserving the main settlement centers.

Key words: archaeological sites, Kiryazh Pogost, Kurkijoki, settlement structure, medieval Karelia, topography, toponymy

* The research was funded from the federal budget as part of the state project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

REFERENCES

1. Belsky S. V. Funerary monuments of the Karelian Isthmus and the Northern Ladoga area between the XI and the XIII centuries. Archaeological research of 2010–2016. *Basic archaeological sites and regional chronological schemes of Eastern Europe. Corpus of Kunstkamera's archaeological sources*. Issue 5. (G. A. Khlopachev, Ed.). St. Petersburg, 2018. P. 131–262. (In Russ.)
2. Kochkurkina S. I. Archeology of medieval Karelia. Petrozavodsk, 2017. 280 p. (In Russ.)
3. Kochkurkina S. I. Ancient Karelian settlements of the Middle Ages. Petrozavodsk, 2010. 262 p. (In Russ.)
4. Lintunen P. Cultural environment of the northern coast of Lake Ladoga. Helsinki, 1998. 230 p. (In Russ.)
5. Mullonen I. I. Formation of the dialect map of the Karelian language. *Origins of Karelia: time, territory, peoples. Interdisciplinary research*. Petrozavodsk, 2015. P. 149–167. (In Russ.)
6. Petrova M. I. The demography of the Kiryazh Pogost during the Swedish conquest between the XVI and the XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 5 (174). P. 80–90. (In Russ.)
7. Petrova M. I. Indicator plants of the archaeological sites of the Kiryazh historical and cultural area. *Novgorod and Novgorod Land. History and archeology*. Issue 32. Veliky Novgorod, 2018. P. 317–322. (In Russ.)
8. Petrova M. I. Reconstruction of the network of water routes and portage tracks of the Kiryazh (Kurkijoki) historical and cultural area. *Attraction of the North: Language, Literature, Society: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference*. Petrozavodsk, 2018. Part 1. P. 563–571. (In Russ.)
9. Saksa A. I. Ancient Karelia in the late first and the early second millennia AD. Origins, history and culture of the chronicles of the Karelian land. St. Petersburg, 2010. 398 p. (In Russ.)
10. Hakulinen R. Kurkijoki kylästä kylään. Kurkijoki – Säätö. Saarijärven Offset OY, 2013. 475 s.
11. Immonen T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710 // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola – Kurkijoki – Jaakkima – Lumivaara. Pieksamäki, 1958. S. 83–422.
12. Kuujo E. Kurkijoen vaiheet asutuksen alusta vuoteen 1570 // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola – Kurkijoki – Jaakkima – Lumivaara. Pieksamäki, 1958. 680 s.
13. Räsänen V. Kotiseutu. *Vainio V. Kurkijoen historia. Kurki – Säätö*. Loimaa: Loimaan Kirjapaino, 1982. S. 452–550.
14. Saarnisto M. Karjalan geologia. Karjalan luonnonmaiseman synty. *Viipurin läänin historia I: Karjalan synty*. Saarnisto M. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY, 2003. S. 21–80.
15. Uino P. Ancient Karelia – Arkeological studies. Muinais – Karjala – Arkeologisia tutkimuksia. *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. 104. Helsinki, 1997. 426 p.
16. Uino P. Viikinkiaika. *Viipurin läänin historia I: Karjalan synty*. Saarnisto M. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY, 2003. S. 313–382.

Поступила в редакцию 08.02.2019

МУРАДГЕЛДИ СОЕГОВ

доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана
Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)
msoyegov@gmail.com

СЫНЫ ТУРКМЕНИСТАНА В САНДАРМОХЕ

Кратко освещается жизненный путь трех видных деятелей Туркменистана, расстрелянных в Сандармохе (Республика Карелия) 27 октября 1937 года – в день 13-летия образования Туркменской ССР. Основной целью работы является реконструкция биографий этих туркменских деятелей, погибших в годы сталинского Большого террора. На основе анализа нового конкретного материала указывается на то, что 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР (контрреволюционная деятельность) 1926 года (и ее последующие редакции) послужила юридическим основанием для проведения карательными органами массовых репрессий, особенно в 1930-е годы, достигших своего пика в 1937–1938 годах. Не стали исключениями из этого общего правила и судьбы туркменских деятелей Кумушали (Кумуш Али) Бориева (1896–1937), Оразмаммеда Вепаева (Ораз Мамед Вафаев, 1885–1937) и Сейитмурада (Сеид Мурад) Овезбаева (1889–1937), которые 10 мая 1933 года были осуждены на 10 лет лишения свободы, а 9 октября 1937 года приговорены к высшей мере наказания. Данная информация впервые вводится в оборот для широкого круга читателей.

Ключевые слова: репрессии, Сандармох, Туркмения, Кумушали (Кумуш Али) Бориев, Оразмаммед Вепаев (Ораз Мамед Вафаев), Сейитмурад (Сеид Мурад) Овезбаев

ВСТУПЛЕНИЕ

В период сталинских репрессий конца 1930-х годов на территории Карелии погибли тысячи представителей разных народов бывшего СССР, среди них были и туркмены. Данная статья посвящена трем представителям туркменской интеллигенции – Кумушали Бориеву, Оразмаммеду Вепаеву и Сейитмураду Овезбаеву, осужденным и сосланным в Соловецкий лагерь особого назначения в 1933 году и расстрелянным в урочище Сандармох под Медвежьегорском 27 октября 1937 года.

Исследователи Туркменистана [8: 41–43] и некоторых стран СНГ (Азербайджан [5: 71–77], Казахстан [3: 71–75], [9: 20–25], Украина [6: 14–23]), а также отдельных республик Российской Федерации (Башкортостан [4: 262–266], Татарстан [7: 335–347]), а также Турции [12: 327–338] и Ирака [11: 14–20] в той или иной степени уже ознакомлены с жизнью и наследием видных туркменских деятелей 1920-х годов. Но в Республике Карелия, где вот уже более 80 лет покоятся их тела, данная информация неизвестна. В настоящем виде на русском языке статья публикуется впервые, но ранее была издана на турецком языке. Надеемся, что она окажется полезной для всех, занимающихся историей политических репрессий 1930-х годов.

На интернет-сайте «Ленинградский мартиролог» (Т. 6) имеется краткая информация о героях данной статьи [2]:

«Бориев Кумуш Али, 1896 г. р., уроженец аула Ходжа Мангышлакского р-на Казахской ССР, туркмен, участник съезда по созданию Кокандской автономии в 1917 г.,

переводчик хана Иомудского в 1919 г., б. член ВКП(б), литератор, составитель русско-туркменского словаря. Коллегией ОГПУ 10 мая 1933 г. осужден на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО (Управление НКВД по Ленинградской области. – М. С.) 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы О. М. Вафаев и С. М. Овезбаев);

Вафаев Ораз Мамед, 1885 г. р., уроженец аула Кызылсу Красноводского р-на Туркменской ССР, туркмен. В СССР вернулся с Ирана. Обвинялся в связи с лидером Туркестанской эмиграции М. Чокаевым и подготовке восстания в Туркестане. Коллегией ОГУ 10 мая 1933 г. осужден по ст. ст. 58-2-4-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы К. А. Бориев и С. М. Овезбаев);

Овезбаев Сеид Мурад, 1889 г. р., уроженец с. Изгант Ашхабадского р-на, туркмен, б. офицер царской и Белой армий, экономист-плановик Госплана Туркменской ССР. Коллегией ОГУ 10 мая 1933 г. осужден по ст. ст. 58-2-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках, содержался в лагунке Кремль. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 г. (Одновременно расстреляны его однодельцы О. М. Вафаев и К. А. Бориев)».

Далее рассмотрим жизненный путь К. Бориева, О. Вепаева и С. Овезбаева. Поскольку их биографии отличаются друг от друга не только по своему содержанию, но и по количеству выявленных архивных и других источников, полнота реконструкции биографии каждого из них тоже будет различной.

КУМУШАЛИ БОРИЕВ (1896–1937)

Кумушали (по старой орфографии: Кумуш Али / Комыш Али) Бориев (по-туркменски: Kümüşaly Böri oğly) родился в 1896 году в туркменской семье, которая занималась отгонным животноводством в окрестностях современного города Актау, что в юго-западном Казахстане. Их основным местом жительства было село Ходжа. Кумушали с юности наряду с родным туркменским языком владел казахским, узбекским и некоторыми другими тюркскими языками. Образование получил в Ташкенте, в 1915 году окончил учительскую семинарию. На первых порах своей самостоятельной жизни он вместе с Мустафой Чокаевым (Шокай улы, 1890–1941) и другими деятелями принимал активное участие в бурных политических событиях, происходивших в Туркестане. Сотрудничал с казахской газетой «Бірлік туы». После 1918 года работал представителем Туркменской области в центральных органах Туркестанской АССР. В последующем руководил Туркменской научной комиссией (1921), Государственным ученым советом (1924) и Институтом туркменской культуры (1928), которые были первыми официальными государственными учреждениями, непосредственно занимавшимися разработкой практических и теоретических вопросов туркменского языка. В начале 1920-х годов он был редактором и членом редколлегии газет и журналов, издававшихся в Ташкенте на туркменском языке. Занимался активной редакторской деятельностью и в последующие годы.

Обладея хорошими организаторскими способностями, К. Бориев сплотил вокруг себя лучших языковедов, сыгравших большую роль в решении нелегких задач языкового строительства того времени. Он поддерживал деловые отношения с А. С. Алиевым, М. Гельдыевым, А. П. Поцелуевским, А. Н. Самойловичем, Б. В. Чобан-заде, К. К. Юдахиним и др. и руководил коллективом ученых, которые при его участии начали составлять сравнительный словарь туркменских диалектов и переводной туркменско-русский словарь. Но эти лексикографические работы по независящим от составителей причинам остались незавершенными. В августе 1928 года К. Бориев принимает участие в Международной ярмарке книг и других полиграфических изданий, которая проходила в Кельне (Германия). Там он познакомился с директором Берлинского Азиатского музея, видным тюркологом профессором Альбертом фон Лекоком (Albert von Le Coq).

В 1927 году К. Бориев в соавторстве с М. Гельдыевым подготовил и выпустил книгу «Туркменский алфавит, составленный на основе латинских букв», в 1928 году – «Правописания нового алфавита (правила орфографии)», которые не потеряли актуальности и в настоящее время. В 1930 году вышел в свет «Букварь для колхозника», написанный К. Бориевым в соавторстве

с М. Исмаиловым с использованием нового латинизированного туркменского алфавита.

Выступая с многочисленными статьями на страницах периодической печати, К. Бориев внес значительный вклад в разработку вопросов, связанных с развитием туркменского литературного языка, обогащением и упорядочением его терминологии и орфографии. Он одним из первых указал на необходимость соблюдения в туркменской орфографии морфологического принципа. Ряд его работ посвящен переводу делопроизводства на туркменский язык, совершенствованию преподавания туркменского языка в учебных заведениях. В статьях «Первая научная конференция Туркменистана» (журнал «Türkmen medeniyeti». 1930. № 3), «Состояние туркменского литературного языка» (Там же. 1930. № 4–5), «Туркменский язык» (Там же. 1931. № 3–4) он рекомендует развивать литературный язык только на основе фактов, распространенных во всех основных туркменских диалектах и говорах. К. Бориев принимал самое непосредственное участие в подготовке и проведении Первой научной конференции Туркменистана (май 1930 года), на которой выступал с основным докладом о путях развития туркменского литературного языка.

Велики заслуги К. Бориева как переводчика. Он перевел на туркменский язык ряд учебников, методических пособий, большое количество общественно-политической литературы. Среди них «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, отдельные работы В. И. Ленина и многое другое.

Кумушали Бориев вместе с А. С. Алиевым является составителем «Русско-туркменского словаря» 1929 года – первого двуязычного лексикографического труда туркменских языковедов советского периода. Издание словаря, включившего 20 тысяч слов русского языка и их туркменские эквиваленты, стало крупным событием в культурной жизни республики 1920-х годов. Несмотря на отдельные недостатки, словарь сыграл заметную роль в расширении туркменско-русского двуязычия. Одним из достоинств словаря является то, что составители в большинстве случаев то или иное русское слово сознательно переводят не одним словом, а целым рядом близких по значению лексем, существующих в туркменских диалектах и говорах. Это, с одной стороны, обеспечило доступность семантики включенных в словарь слов русского языка для носителей всех диалектов и говоров, а с другой – имело важное значение для дальнейшего обогащения лексики туркменского литературного языка. «Русско-туркменский словарь» долгое время оставался почти единственным руководством для переводчиков и лиц, изучающих русский или туркменский язык (лишь в 1948 году вышел более полный «Русско-туркменский словарь» Ш. Батырова и И. Г. Карпова, а объемы словника

карманных двуязычных словарей конца 1930-х годов, естественно, были небольшими), заслуги его составителей в связи с репрессиями в отношении К. Бориева в 1932 году временно были забыты.

К. Бориев провел в сталинских застенках пять долгих и мучительных лет, его жизнь прервалась в 1937 году. Наряду с другими представителями туркменской культуры того периода он был обвинен в причастности к антисоветской организации «Türkmen Azatlygy». В документах ЦК Компартии Туркменистана, относящихся к 1930-м годам, встречается политический термин «бориевщина», который имеет явное антисоветское содержание. Отметим также, что в те годы подвергались репрессиям многие специалисты по другим тюркским языкам [1].

Почти во всех публикациях последних лет (в том числе в ряде наших статей), согласно архивной справке, выданной 3 марта 1971 года его дочери Аиде Бориевой, годом смерти К. Бориева указывался 1942 год. Но архивные документы, обнародованные в последнее время, позволяют уточнить дату его смерти и конкретное место, где он отбывал наказание. Дело по обвинению Кумушали Бориева было пересмотрено 17 июля 1958 года Военным трибуналом Туркестанского военного округа, решением которого постановления от 10 мая 1933 года и 9 октября 1937 года в отношении К. Бориева были отменены и он был реабилитирован посмертно.

Доброе имя К. Бориева полностью восстановлено, но до последнего времени в работах ученых совсем не упоминалось или упоминалось вскользь. Между тем изучение его богатого наследия убеждает, что бескорыстное служение народу и любимому делу – вдохновляющий пример для подрастающего поколения.

ОРАЗМАММЕД ВЕПАЕВ (1885–1937)

Оразмаммед Вепаев (по старой орфографии: Ораз Мамед Вафаев; по-туркменски: Orazmämmed Weraýew) является одним из 1111 (одной тысячи ста одиннадцати) заключенных соловецкой тюрьмы, которые были расстреляны в Сандармохе с 27 октября по 4 ноября 1937 года.

Оразмаммед Вепаев после местной школы (мектеб) поступает учиться в медресе в Бухаре, после завершения которого его в составе группы бухарской молодежи отправляют в Турцию для продолжения обучения. О. Вепаев окончил военное училище, потом обучался на юридическом факультете Стамбульского университета (Дарулфунун). В штабе войск турецкого генерала Нури Паши, захватившего в 1918 году Баку, он прибыл в Азербайджан, оттуда на корабле через Каспийское море вернулся в Туркменистан в униформе турецкого офицера. Нет точных данных о деятельности О. Вепаева в период Гражданской войны 1918–1920 годов, но можно с уверенностью предположить, что он находился

на стороне красных. В последующие годы работал в органах правосудия, руководил областным отделом просвещения в Дашогузе. Почувствовав приближающуюся опасность, О. Вепаев в конце декабря 1930 года эмигрировал в соседний Иран к туркменам этой страны. Через два года агенты ОГПУ обманным путем (пообещав полную амнистию, работу по специальности и т. п.) вернули его в Туркменистан и сразу же взяли под стражу.

Литературное творчество О. Вепаева подверглось жесткой критике в первой части статьи Ораза Тачназарова (О. Таш-Назаров), напечатанной на страницах журнала «Туркменоведение» (1931. № 5–6. Май – июнь) под названием «Лицо врага. О классовой борьбе в туркменской художественной литературе». Она была полностью посвящена «анализу» появившихся в периодической печати стихов Оразмаммеда Вепаева. Мы приводим ряд характерных цитат из этой статьи (тем более что указанный журнал уже давно является библиографической редкостью):

«Одним из ярких примеров “проявления” классового врага на культурном фронте, в частности в литературе, служит некий “туркменский” поэт Вафаев, имя которого известно туркменским трудящимся, как имя заядлого националиста. В журнале Токмак № 21 1925 года напечатано стихотворение Вафаева под заголовком: “Забавляющимся орфографией”. Вот выдержки из него:

*В ком сохранился тюркский дух –
придите, подымите нас.
Исправив нашу орфографию,
направьте нас против врага.
Но, помогая, “кто во что”,
язык творящих насмешите.
Разбить его хотите?... Лучше
скорей садитесь в поезда...*

Таким образом, уже в этом маленьком и как бы невинном стишке, помещенном в юмористическом журнале, Вафаев вполне откровенно обнажает свое лицо... По мере обострения классовой борьбы и они все ярче отражают в своих произведениях злобствующее бессилие классового врага, его идеологию. В этом отношении уже не может быть ошибки и сомнений в том, что Вафаев есть идеолог пантюркизма, хотя в то же время он является и ярким националистом. Он открыто обращается в процитированном выше стишке именно к тем, которые имеют “тюркский дух”, и ищет с ними союза для борьбы против своего врага – пролетариата, который (враг), конечно, не лично Вафаева, а класса, идеологию которого защищает Вафаев...

Он, будучи кандидатом в члены партии с 1927 года, из Ташауза писал письмо одному литератору и задавал ему такие вопросы, в которых даже не пытался скрывать своей злобы и враждебного отношения к партии и советской власти:

*Дорогой Кербабаев, к тебе мой вопрос:
Сколько лет еще нужно,
чтобы открыть глаза туркмен?...
Оглянись вокруг и ответь мне потом:
Чтобы нам разбудить наш народ,
какой нужен язык?...*

Неужели туркменские трудящиеся еще спят? Кому нужно это нелепое утверждение? Это могут говорить только слепые или сознательно нежелающие видеть

это великое дело, за которое активно борются пролетарские и полупролетарские массы Туркмении уже десяток лет. Вафаев не слеп. Значит, в нем говорит классовый враг, который не может и не хочет видеть, что трудящиеся Туркмении уже давно открыли глаза...

Вафаев продолжает свои вопросы, еще более обнажая свою «целеустремленность»:

*Строит кто-нибудь дом,
забывая проверить фундамент?
Рухнут на голову стены,
замысел весь погребя.
Какая цена головы,
если не решишь задачу:
Фундамент ли строить для дома –
или камни класть как попало...*

Господин Вафаев сомневается в крепости фундамента советского строительства и утверждает, что большевики хотят делать то, что им не по силе, что они сами не понимают того, что намечают делать. А если так – то не будут ли разваливаться эти дома на их же голову и уничтожать самих строящих? Все враги советской власти утверждают это заодно с Вафаевым и кричат во все горло, что, мол, большевики не способны что-нибудь создать, что они работают на «авось», что все их строительство рухнет на их же голову. Эти вопли уже настолько приелись, что нет надобности еще раз разоблачать их нелепость» [8: 51–53].

Подобная оценка была характерна для работ туркменских литературоведов, изданных в советский период. Лишь 26 ноября 1997 года на страницах «Мугаллымлар газети» («Учительская газета») под рубрикой «В помощь учителям литературы» появляется наша статья «Поэт и прозаик», где впервые наследие О. Вепаева оценено положительно. В 2007 году литературный журнал «Гарагум» («Каракумы». № 12) опубликовал статью о нем под заголовком «Гордость поэта». В работах ученых, вышедших в последние годы, сочинения О. Вепаева характеризуются как произведения джадидского (новаторского) периода, который в истории туркменской литературы хронологически занимает место между классическим и советским периодами. Лучшие и преданные сыны народов стали безвинными жертвами советской системы, в создании которой, как ни парадоксально, они участвовали сами, конечно, не подозревая об этом. Одним из них и стал Оразмаммед Вепаев.

СЕЙИТМУРАД ОВЕЗБАЕВ (1889–1937)

Из данных интернет-сайта «Офицеры Российской Императорской Армии» узнаем, что в списке командиров подразделений Осетинского конного дивизиона на 1 января 1910 года с дислокацией в Ставрополе среди 17 офицеров указан корнет Овез-Баев Сеит Муратович (по современной орфографии: Овезбаев Сейитмурад; по-туркменски: Sevitmyrt Öwezbaýew). В списке, составленном годом раньше, то есть на 1 января 1909 года, среди офицеров Туркменского конно-иррегулярного дивизиона, находившегося

в те годы в селе Кёши, что под Ашхабадом, указан поручик милиции Баев Нияз-Мурад-Овез. В действительности должно быть: Овез-Баев Нияз-Мурад, по современному правописанию: Овезбаев Ниязмурад, который был старшим братом упомянутого выше корнета Сейитмурада Овезбаева.

Из имеющейся справочной литературы явствует, что Осетинский конный дивизион, созданный 26 октября 1891 года на основе двух осетинских эскадронов (1887–1888), осенью 1915 года высочайшим приказом был переформирован в Осетинский конный полк. В свою очередь, Туркменский конно-иррегулярный дивизион, созданный 7 ноября 1892 года на основе Туркменской конной милиции (1885), в начале 1911 года был переформирован в Туркменский конный дивизион, а летом 1914 года – в Туркменский конный полк, который 31 марта 1916 года высочайшим повелением был переименован в Текинский конный полк, поскольку полк состоял в основном из представителей туркмен-текинцев Ахала и Мерва. Бойцы этих двух полков на фронтах Первой мировой войны показали яркие примеры храбрости, мужества и героизма во славу Российской империи. Далее будем вести речь лишь об одном из них, а именно о младшем из упомянутых выше двух братьев Овезбаевых – Сейитмураде Овезбаеве.

Он родился 10 мая 1889 года в семье Овезбай-арчина – старосты села Ызгант (исторически: Огузкент), активного участника обороны Геоктепинской крепости в 1879 и 1881 годах. После окончания русско-туземной школы молодой Сейитмурад по совету отца поступает в Оренбургский кадетский корпус, окончив который становится офицером царской армии, участвует в составе добровольческого Туркменского (Текинского) кавалерийского полка в боях Первой мировой войны в 1914–1917 годах на Австрийском и Германском фронтах. Младший командир Сейитмурад Овезбаев и его джигиты-кавалеристы в боевых действиях всегда отличались отвагой. В мае 1915 года поручик Овезбаев был награжден орденом Святого Станислава III степени, а в феврале 1916 года – орденом Святой Анны III степени. Через три месяца Сейитмурада Овезбаева производят из поручика в штабс-ротмистры.

Туркменский кавалерийский полк 23 ноября 1914 года разгромил германскую пехоту под деревней Дуплице-Дуже. 28 мая 1916 года бойцы полка отличились в бою у Доброноуца. В результате стремительной атаки они уничтожили около 2000 и взяли в плен около 3000 австрийцев, захватили большое количество артиллерийских орудий, пулеметов, винтовок, боеприпасов, лошадей и т. д. Многие всадники Туркменского полка, как и сам Сейитмурад Овезбаев, были

сыновьями героических защитников знаменитой Геоктепинской крепости в 1779 и 1881 годах, их отцы сражались против регулярной русской армии, теперь они по воле судьбы в составе этой армии участвовали в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. Следует отметить, что в составе Туркменского (Текинского) кавалерийского полка воевал взвод, который был сформирован из числа киргизов (казахов) Мангышлакского уезда Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства (края). Рядовые воины-казахи собственными глазами убедились в организаторских способностях штабс-ротмистра Сейитмурада Овезбаева. Туркмены и казахи, как и все местные жители Средней Азии, по законодательству Российской империи не подлежали призыву на военную службу. Поэтому Туркменский кавалерийский полк был добровольческим и полностью содержался за счет пожертвований местного населения Закаспийской области. «Закаспийская туземная газета», издававшаяся в 1914–1917 годах на туркменском языке в Ашхабаде, постоянно информировала читателей, как туркменское и казахское население области материально поддерживало своих джигитов, воевавших вдали от родных мест.

Свержение русского царя – Ак падишаха в феврале 1917 года для бойцов Текинского полка, так и для Сейитмурада Овезбаева, было чем-то сверхъестественным. Полк официально был расформирован в Киеве. Добровольцы были разочарованы, но остались верными своим командирам и Отечеству. В целом 1917 год стал трагическим для Текинского полка. После того как Корнилов стал Верховным Главнокомандующим (19 июля 1917 года), Текинский полк был переведен в Могилевскую ставку, а его отдельная сотня составляла конвой Корнилова во время пребывания генерала на Московском государственном совещании. В августе 1917 года начинается Корниловское выступление (мятеж), так называемая корниловщина. Распоряжением командующего 8-й армией генерала Л. Г. Корнилова из числа добровольцев Текинского полка был выделен отряд для охраны Штаба армии. Текинцы осуществляли охрану «быховских узников» – генерала Корнилова и ряда офицеров и гражданских лиц (в том числе генералов А. С. Лукомского, А. И. Деникина, С. Л. Маркова), арестованных Временным правительством по делу о так называемом Корниловском мятеже. Свидетельством верности туркмен-текинцев и казахов своему командиру является тот факт, что никто из них не поддавался агитации Могилевского совета и не покинул Быхов. В случае если бы это произошло, узников ожидала бы неминуемая расправа со стороны солдат. В октябре 1917 года Временное правительство было свергнуто большевиками. Но при

этом А. Ф. Керенский некоторое время оставался формально Верховным Главнокомандующим, а на посту начальника его штаба по-прежнему был генерал Н. Н. Духонин. Именно по его приказу 19 ноября 1917 года были освобождены из заключения «быховские узники». А следующей ночью Текинский конный полк (24 офицера, около 400 всадников и два офицера Георгиевского батальона) во главе с Корниловым походом порядком выступил на Дон. Поход был крайне трудным, не хватало теплых вещей, оружия, патронов. В столкновениях с отрядами красных было потеряно более половины состава полка. 27 ноября 1917 года в бою у разъезда Песчаники под Унечей три офицера и 264 всадника попали в плен и были помещены в брянскую тюрьму. 30 ноября в деревне Нагара Корнилов отпустил текинцев по домам, взяв с них клятву верности. 6 декабря 1917 года Корнилов и его сподвижники прибыли в Новочеркасск. В начале января 1918 года в Новочеркасск прибыла партия туркмен-текинцев, около сорока человек, которых Корнилов также отпустил по домам, выдав предварительно по 25 рублей на дорогу. До конца с Корниловым, которого по личной инициативе его адъютанта-туркмена Хана Хаджиева джигиты-туркмены и казахи продолжали называть «Верховный» даже после передачи им командования Добровольческой армией генералу М. В. Алексею, осталось 6 человек текинцев и один казах из киргизского (казахского) взвода полка, вошедших в его личный конвой и прошедших с ним весь путь, вплоть до самой гибели Корнилова 31 марта 1918 года под Екатеринодаром. Нужно отметить и то, что генерал Корнилов очень ценил верных туркмен-текинцев и казахов, всегда разговаривал с ними на их родном языке. Ибо, будучи капитаном царской армии, он еще в конце XIX столетия служил в Закаспийской области и изучал язык местного населения.

Всего до своей родины – Туркмении и Казахстана – из бойцов Туркменского (Текинского) полка в конечном итоге добралось не более 100–150 человек, среди них был и Сейитмурад Овезбаев. Он участвовал в боях Гражданской войны, развернувшейся в Закаспийской области в 1918–1920 годах, командовал большим отрядом белогвардейских войск, которые под командованием туркменского генерал-майора Ораз-сердара вели войну против Красной армии.

Как видный военный деятель из местного населения полковник Сейитмурад Овезбаев был избран военным министром заочно и в качестве как бы ассоциированного члена введен в состав правительства Туркестанской (Кокандской) автономии (с ноября – декабря 1917 до февраля 1918 года, центр – г. Коканд), возглавляемой вначале Мухамеджаном Тынышпаевым (1879–

1938), а затем Мустафой Чокаевым (Шокай улы, 1890–1941). По существу Туркестанская (Кокандская) автономия была неким, пусть неудачным и кратковременным, прототипом независимых государств, появившихся в Центральной Азии после распада Советского Союза в 1991 году.

Сейитмурад Овезбаев как военный специалист не был востребован советской властью. Никому из бывших джигитов-кавалеристов, возвратившихся в родной Туркменистан, в советское время не были оказаны надлежащие почести, которые заслужили ветераны мировой войны. Многие бывшие офицеры-туркмены были репрессированы. Накануне ареста в 1932 году 43-летний Сейитмурад Овезбаев работал рядовым экономистом-плановиком в Госплане республики. Эти и некоторые другие биографические данные о нем мы находим на сайте, который содержит важные сведения о жертвах советского режима в 1937–1938 годах. Сейитмурад Овезбаев был реабилитирован 17 июля 1958 года.

Автора данной статьи как филолога-культуролога наряду с другими фактами жизни Сейитмурада Овезбаева заинтересовало также его научное и литературное наследие. Оказывается, во второй половине 1920-х годов он выступал со своими статьями на страницах периодической печати. Так, в первом номере журнала «Туркменоведение» за 1927 год опубликована его статья под названием «Гони бек», в которой в форме воспоминаний анонимного участника-туркмена Геоктепинского сражения (скорее всего, это были воспоминания отца самого С. Овезбаева) рассказывается о трагических событиях 1879

и 1881 годов. В четвертом номере журнала за тот же год читатели познакомились с туркменскими пословицами и поговорками в переводе на русский язык, осуществленном С. Овезбаевым с туркменского оригинала, которые были собраны и изданы видным туркменским филологом Мухаммедом Гельдыевым (1889–1931) в виде отдельного сборника в 1925 году в Ашхабаде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовые репрессии 1930-х годов, охватившие почти все слои многонационального советского общества, значительно тормозили развитие национальных литератур и культур в целом. Ибо в ходе репрессий были отстранены от творческой работы путем заключения в тюрьмы на длительный срок или же подвергались физическому уничтожению многочисленные представители национальной интеллигенции, как это случилось с видными деятелями-туркменами К. Бориевым, О. Вепевым и С. Овезбаевым. Не должно быть оправдания существовавшего тогда режима. В настоящее время Туркменистан, статус постоянного нейтралитета которого подкреплен дважды специальными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 и 2015 годах, входит в число тех государств мира, где законодательно отменена смертная казнь и суды не имеют право выносить смертный приговор в отношении осужденных. Это по существу является своеобразным покаянием государства перед душами безвинно убиенных в ходе расправ над своими политическими противниками, а также олицетворением непреходящей памяти современных поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 2002. 295 с.
2. Ленинградский мартиролог. Том 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/2/120>; <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/0/300>; <http://visz.nlr.ru/person/book/t6/16> (дата обращения 16.07.2018).
3. Соегов М. Ассоциированный член правительства «Кокандской автономии»: военный министр Сейитмурад Овезбаев // Тюркологии. Научный журнал Международного казахско-турецкого университета им. Ахмета Ясави. 2012. № 4. С. 71–75.
4. Соегов М. Несправедливая критика, или Как разоблачали автора «враждебной» поэзии в 1931 году (Об О. Вепеве) // Тюркская филология в свете современных достижений: Сборник материалов Междунар. научно-практ. конф. Ч. 1. Стерлитамак, 2015. С. 262–266.
5. Соегов М. О туркменской делегации, участвовавшей в работе Первого Тюркологического съезда // Тюркология. 2016. № 3 (июль – август – сентябрь). С. 71–77.
6. Соегов М. Туркменские соратники Бекира Чобан-заде: К. Бориев и М. Гельдыев занимались теми же вопросами и их настигла та же участь, что и его // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2012. Т. 26 (65). № 1. Ч. 1. С. 14–23.
7. Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: первая половина XX века // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. Казань, 2007. С. 335–347.
8. Та ш - Назаров О. Лицо врага. О классовой борьбе в туркменской художественной литературе // Туркменоведение. 1931. № 5–6. С. 51–55; № 7–8. С. 82–88.
9. Soegov M. Turkestanec Kumushali Boriyev // Eldik-ruhani zhangyru zhane “Madeni myra” bagdarlamasy: izdenis, tazhribe, nätizhe. Halykaralyk gylimi-teorijalyk konferenciya materialdary. Astana, 2008. S. 20–25.
10. Соегов М. Кумушаллы Бориев // Туркмен дили ве эдебияты. № 4. Ашгабат, 1993. С. 41–43.
11. Söyegov M. Sandarmoh'ta Şehit Olan Üç Türkmen Aydın // Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi. Sayı: 37 Şubat. Kerkük, 2011. S. 14–20.
12. Söyegov M. Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi. Güz. Sayı: 7. Ankara, 2010. S. 327–338.

Soyegov M., National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashgabat, Turkmenistan)

SONS OF TURKMENISTAN IN SANDARMOKH

The article tells about the life of three prominent political figures of Turkmenistan, who were executed in Sandarmokh (Karelia, Russia) on October 27, 1937 – on the 13th anniversary of the establishment of the Turkmen Soviet Socialist Republic. The aim of the article is to reconstruct the biographies of these people, who were the victims of Stalin's purges. The analysis of specific new materials enables to conclude that the notorious 58th article (aimed against counterrevolutionary activity) of the RSFSR Criminal Code of 1926 (and its subsequent editions) formed the legal basis for carrying out mass repressions by punitive bodies, especially in the 1930s, with the peak of this purges reached in 1937 and 1938. Three prominent Turkmen political figures – Kumushali (Kumush Ali) Boriyev (1896–1937), Orazmammed Vepayev (Oraz Mamed Vafayev, 1885–1937) and Sejitmurad (Seid Murad) Ovezbayev (1889–1937) – did not escape the common destiny. On May 10, 1933, they were sentenced to 10 years in prison, and on October 9, 1937, were sentenced to capital punishment. This information is presented to a wide audience for the first time.

Key words: repressions, Sandarmokh, Turkmenistan, Kumushali (Kumush-Ali) Boriyev, Orazmammed (Oraz Mamed Vafayev) Vepayev, Sejitmurad (Seid Murad) Ovezbayev

REFERENCES

1. Ashnin F. D., Alpatov V. M., Nasilov D. M. Repressed Turkology. Moscow, 2002. 295 p. (In Russ.)
2. Leningrad martyrology. Volume 6. Available at: <http://vizz.nlr.ru/person/book/t6/2/120>; <http://vizz.nlr.ru/person/book/t6/0/300>; <http://vizz.nlr.ru/person/book/t6/16> (accessed 16.07.2018). (In Russ.)
3. Soyegov M. Associate member of the Government of “Kokand Autonomy”: Minister of War Sejitmurad Ovezbayev. *Tyurkologii. Nauchnyy zhurnal Mezhdunarodnogo kazakhsko-turetskogo universiteta im. Akhmeta Jasavi*. 2012. No 4. P. 71–75. (In Russ.)
4. Soyegov M. Unfair criticism, or How the author of “hostile” poetry was exposed in 1931 (About O. Vepayev). *Turkic Philology in the Light of Modern Achievements: Proceedings of International Research and Practice Conference. Part 1*. Sterlitamak, 2015. P. 262–266. (In Russ.)
5. Soyegov M. The Turkmen delegation at the First Turkic Congress. *Turkology*. 2016. No 3 (July – August – September). P. 71–77. (In Russ.)
6. Soyegov M. Turkmen colleagues of Bekir Choban-zade: K. Boriev and M. Geldiyev were engaged in the same issues and faced the same fate. *Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. Ser. Philology. Social Communications*. 2012. Vol. 26 (65). No 1. Part 1. P. 14–23. (In Russ.)
7. Soyegov M. The Turkmen language in the biobibliographies of its researchers: the first half of the XX century. *East – West: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia*. Issue 8. Kazan, 2007. P. 335–347. (In Russ.)
8. Tash-Nazarov O. The face of the enemy. Class struggle in the Turkmen literature. *Turkmen Studies*. 1931. No 5–6. P. 51–55; No 7–8. P. 82–88. (In Russ.)
9. Soyegov M. Turkestanec Kumushali Boriyev. *Eldik-ruhani zhangyru zhane “Madeni myra” bagdarlamasy: izdenis, tazhibe, natizhe. Halykaralyk gylimi-teorijalyk konferenciya materialdary*. Astana, 2008. S. 20–25. (In Russ.)
10. Soyegov M. Kümüşaly Böriyev. *Türkmen dili ve edebiyaty*. No 4. Ashgabat, 1993. S. 41–43.
11. Soyegov M. Sandarmokh'ta Şehit Olan Üç Türkmen Aydın. *Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi*. Sayı: 37 Şubat. Kerkük, 2011. S. 14–20.
12. Soyegov M. Türkmen Ceditçi Yazarlar. *Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi*. Güz. Sayı: 7. Ankara, 2010. S. 327–338.

Поступила в редакцию 16.07.2018

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

antoshchenko@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. В. КАРТАШЕВА*

Охарактеризованы основные этапы изучения жизни и творчества российского и эмигрантского историка, богослова, государственного и политического деятеля А. В. Карташева. Появившиеся до революции 1917 года первые упоминания о нем в энциклопедиях и биографических словарях были малоинформативны, но свидетельствовали о включении его в интеллектуальную элиту России. После захвата власти большевиками и эмиграции А. В. Карташева исследования о нем разделились на два русла. С одной стороны, публиковавшиеся в эмигрантской периодике рецензии на его работы признавали их значение для развития церковной истории, хотя порой и содержали критику отдельных положений. Своеобразным итогом изучения его вклада в исследование прошлого Русской православной церкви и богословие стали публикации по случаю кончины А. В. Карташева, которые представляли собой акт коммеморации теми, кто лично знал и учился у него в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. С другой стороны, в книгах советских историков о религиозной мысли накануне крушения Российской империи, о Временном правительстве, о революции 1917 года и Гражданской войне в России он характеризовался как реакционный богоискатель и контрреволюционер. После распада Советского Союза наметились также два подхода: апологетика его заслуг и сокрушительная критика. По мнению автора, перспективным направлением исследования, позволяющим преодолеть крайности идеологизированных подходов, является изучение биографии А. В. Карташева в рамках интеллектуальной истории. Основой изучения его жизни и творчества должно стать применение когнитивных принципов понимания (*verstehen*), объединенных с коммуникативным подходом и контекстуализмом, а также с нарратологическим анализом, учитывающим постструктуралистскую перспективу.

Ключевые слова: Антон Владимирович Карташев, биография, историография, история Русской православной церкви

ВВЕДЕНИЕ

Имя церковного историка, богослова, политического и общественного деятеля А. В. Карташева (1875–1960) долгое время было мало известно на его родине, как и имена большинства эмигрантов, вынужденных уехать из страны после прихода к власти большевиков. Переиздание в России в 1991 году написанных им «Очерков по истории Русской церкви»¹ положило начало возвращению на родину его творческого наследия. В этом же году была переиздана его книга «Воссоздание Святой Руси»², через три года – «Вселенские соборы»³, а еще через два был составлен и опубликован сборник его историко-публицистических статей «Церковь. История. Россия»⁴. Последним по времени, но не по значимости, стало переиздание актовой речи «Ветхозаветная библейская критика»⁵, произнесенной А. В. Карташевым в феврале 1944 года в Свято-Сергиевском православном богословском институте (ССПБИ) в Париже, за которую он был удостоен ученой степени доктора богословия *honoris causa*. Все эти работы не только неоднократно переиздавались, но и получили широкое распространение в сети

Интернет⁶. Одновременно с этим возродилось изучение его жизни и творчества, принесшее за последние три десятилетия значимые результаты, которые необходимо оценить в более широкой перспективе, чтобы двигаться дальше. В данной статье предлагается историографический обзор исследований жизни и творчества А. В. Карташева, начиная с первых упоминаний о нем, появившихся еще в дореволюционных энциклопедических изданиях и словарях, и заканчивая новейшими исследованиями.

ОЦЕНКИ В ЭМИГРАНТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первые упоминания о А. В. Карташеве, как и сами научные достижения историка, были достаточно скромны, но они свидетельствовали о признании его в качестве одного из членов интеллектуальной элиты России⁷. Стремительное восхождение до поста министра вероисповеданий во Временном правительстве завершилось его падением, заключением в Петропавловскую крепость, а затем бегством из страны, участием в Белом движении, наконец, многолетним

преподаванием в ССПБИ. Этим обуславливалось то, что систематически его творчество и деятельность стали освещаться лишь в эмигрантской литературе, особенно в связи с выходом исследований и юбилеями А. В. Карташева. Если те, кого можно отнести к старшему поколению профессуры (Н. Н. Афанасьев и В. В. Зеньковский), соглашались с основными научными выводами своего коллеги по ССПБИ⁸, то представители младшего поколения эмигрантов (М. И. Лот-Бородина, С. С. Оболенский, А. Д. Шмеман) критиковали его⁹, что указывает на важность изучения причин расхождения взглядов двух поколений эмигрантов. Если кадет И. М. Херасков подчеркивал либерализм взглядов А. В. Карташева [20], то еп. Кассиан (Безобразов), долгое время возглавлявший ССПБИ, отмечал значение Халкидонского догмата для творчества и деятельности церковного историка, связь его с представителями религиозного возрождения начала XX века, а также вклад в разработку библиистики, получивший неоднозначную оценку современников [5].

Итоговый и обобщающий характер носили оценки, высказанные коллегами и учениками в знак поминовения после его смерти и основанные в большинстве своем на воспоминаниях¹⁰. В них содержались личностные характеристики, которые позволяют понять психологические мотивы, определявшие жизнь и творчество А. В. Карташева. А. П. Князев наряду со значением разработки А. В. Карташевым концепции Святой Руси и его участия в работе совета Русского Западноевропейского экзархата отметил литургичность жизни и творчества учителя [6]. Обращение к личной памяти об учителе стало характерной чертой последующих публикаций, подготовленных эмигрантскими исследователями. Н. М. Зернов, долгие годы исполнявший обязанности секретаря православно-англиканского Содружества св. Албания и преп. Сергия Радонежского, указал на активное участие А. В. Карташева в экуменическом движении и поддержку им идеи интеркоммуниона о. С. Булгакова, отчасти реализованной в деятельности этого содружества [4]. В статье другого ученика, И. Мейендорфа, обозначившего эволюцию его публицистики от «либеральной в молодости» к «национальной» в эмигрантские годы, внимание было уделено общей критической характеристике работ А. В. Карташева «Очерки по истории Русской церкви» и «Вселенские соборы» [7]. Наконец, самым поздним отголоском воспоминаний о А. В. Карташеве как о преподавателе стали воспоминания о. Николая Озолина (старшего)¹¹, которыми он также охотно поделился и с автором этой статьи во время встречи на Сергиевском подворье в Париже.

Мемориальный характер работ учеников А. В. Карташева позволяет использовать их и как

источники, что не умаляет значения тех положений, которые были выдвинуты в них о А. В. Карташеве как о религиозном и церковном историке. Вместе с тем существенное расхождение в оценках его работ требует более внимательного отношения к тем имплицитным идейным разногласиям, которые начинают выявлять современные исследователи в так называемом парижском богословии¹², в деятельности Русского студенческого христианского движения¹³, в редколлегии журнала «Путь»¹⁴, к которым принадлежал или с которыми сотрудничал А. В. Карташев, занимая вполне определенную позицию.

В зарубежной историографии роль А. В. Карташева в выработке национально-религиозного идеала, который мог стать востребованным еще в финальной стадии советской перестройки, впервые отметил Н. Н. Петро [22]. Он, по сути, наметил те проблемы, которые станут чуть позже обсуждаться в отечественной историографии в связи с возвращением научного и публицистического наследия историка на родину. Справедливо указывая на неразрывность религиозного и национального самосознания в концепте «Святой Руси» А. В. Карташева, Н. Н. Петро отметил такие черты его построений, как признание «органической полноты» жизни народа и потребность в создании нового идеала в духе Православия, но в то же время реалистичного, в котором переосмысливались традиционные отношения между церковью, государством и обществом, представляемые в изменяющемся концепте «симфонии».

ОТ СОВЕТСКОЙ К ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СМЕНА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

В советской историографии в соответствии с идеологическими установками А. В. Карташев характеризовался как один из реакционных представителей «богоискательства»¹⁵, член «антинародного буржуазного Временного правительства» и контрреволюционер в годы Гражданской войны и эмиграции¹⁶. Его преподавательская работа или исследования по церковной истории попросту замалчивались. Хотя в книгах советских историков реконструировались отдельные факты биографии А. В. Карташева¹⁷, интерпретация в рамках марксистско-ленинского исторического дискурса с необходимостью включала их в нарративы, направленные на утверждение неизбежности установления и укрепления власти большевиков.

Положившее начало возвращению творческого наследия историка на родину переиздание его «Очерков по истории Русской церкви» предварялось предисловием А. Н. Сахарова. Высоко оценив творчество А. В. Карташева, он дал общий абрис основных положений его концепции. А. Н. Сахаров подчеркнул его

«общеисторический», «мирской», «светский» подход к прошлому церкви, превращающий труд историка «в один из вариантов русской истории, рассматриваемой сквозь специфическую историко-церковную призму» [13: VII–VIII]. В предисловии проявилось характерное для начального периода освоения интеллектуального наследия российских эмигрантов некритическое восприятие их взглядов, которое А. Н. Сахаров отчасти преодолел впоследствии, предложив более детальную и всестороннюю характеристику заслуг исследователя в контексте его биографии в двух статьях, появившихся на рубеже тысячелетий и основанных исключительно на опубликованных документах и произведениях историка [14], [15]. Об исчерпанности возможностей такого (по сути, апологетического) подхода, когда за основу берутся лишь опубликованные материалы, свидетельствовала появившаяся вслед за этим статья прот. Г. Митрофанова [8], представлявшая А. В. Карташева как «одного из самых замечательных выпускников и преподавателей Санкт-Петербургской Духовной Академии, ведущего профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже».

В отличие от А. Н. Сахарова и прот. Г. Митрофанова М. В. Назаров [9] и священник Г. Селин [16] заняли диаметрально противоположную им позицию в оценке творчества и личности историка, сосредоточив свое внимание на критике его общественно-политических и исторических взглядов. М. В. Назаров отметил влияние масонства на А. В. Карташева, правда, не конкретизируя своих инвектив, и подверг критике его пореволюционную позицию в вопросах церковного устройства за рубежом, выступив защитником иерархов так называемой карловацкой Русской зарубежной церкви. Помимо этого он указал на спорность принципа «симфонии» церкви и общества, хилиастический пафос его взглядов, еретических по своей сути, хотя и положительно оценил национально-патриотическую направленность книги «Воссоздание Святой Руси». Утверждения священника Г. Селина оказались еще более резкими по форме и по содержанию. Он практически безосновательно обвинил А. В. Карташева в фарисействе, антиевангелизме и «утрате православного смысла жизни», используя в подтверждение своих высказываний отдельные цитаты из работ историка, приводимые, как правило, без учета контекста. Эти оценки вполне соответствуют разоблачительному характеру публикаций, свойственных консервативно настроенным представителям РПЦ, осуждающим «модернизм» «школы парижского богословия» на сайте «Антимодернизм.ру»¹⁸.

НОВЫЕ ЧЕРТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ ИСТОРИКА

В иную плоскость рассмотрение взглядов А. В. Карташева перенесли А. В. Антощенко [1], Н. В. Самовер [12] и Н. В. Сомин [17], которые

в рамках формирующейся интеллектуальной истории занялись деконструкцией дискурса его публицистических и исторических текстов, что позволило «подняться над схваткой» противоположных мнений, за которыми проглядывали вполне определенные политические или религиозные симпатии их приверженцев. Н. В. Самовер, рассмотрев начальный период политической деятельности А. В. Карташева в эмиграции, на основе анализа его политической публицистики показала главные мифологемы и убедительно раскрыла механизм формирования «галлиполийского мифа». Отмечая яркую эмоциональность и риторичность, метафоричность и насыщенность религиозной символикой и терминологией его выступлений, она проследила процесс оформления его политической программы, приобретавшей благодаря указанным чертам характер религиозной веры в чудо национально-го возрождения. Исследователь наметила тему различия языков политической аргументации А. В. Карташева и П. Н. Милокова. А. В. Антощенко и Н. В. Сомин обратились к более поздним эмигрантским публицистическим работам историка, в которых на основе трансформации понятия «симфония» церкви и государства он обосновывал национально-теократический идеал Святой Руси. А. В. Антощенко отметил сочетание в работах А. В. Карташева 1920–1950-х годов органицистского представления религиозной истории русского народа с гегельянским диалектическим дискурсом, позволившем историку проследить движение от тезиса (симфонии церкви и государства в Древней и Московской Руси) через антитезис (лаической, внецерковной культуры Российской империи со времен Петровских реформ) к чаемому синтезу (симфонии церкви и культуры) в возрожденной после падения власти большевиков России. Им же была поставлена проблема выявления латентных разногласий между профессорами ССПБИ, которую исследователь детально изучил на примере различий интерпретации понятий «Святая Русь» А. В. Карташевым и Г. П. Федотовым¹⁹. Н. В. Сомин проанализировал понимание А. В. Карташевым проблемы «симфонии» церкви²⁰ и государства. Он подчеркнул особое значение в дискурсе историка понятия теократии, широко понимаемой им как устройство всех сторон жизни по заповедям Христовым и являющейся целью и оправданием симфонии. Однако, как историк, А. В. Карташев понимал, подчеркнул Н. В. Сомин, что реализация идеала симфонии всегда относительна и ее не следует абсолютизировать. При рассмотрении эволюции взглядов историка на симфонию исследователь предложил близкую А. В. Антощенко интерпретацию. Сохраняя верность идеалу церковной теократии, А. В. Карташев эволюционировал от признания возможности симфонии церкви с государством

при доброжелательном отношении последнего к канонической церковной жизни, сохраняющей свою свободу и независимость соборного управления, к симфонии церкви с общественностью (здесь можно добавить: «молекулярное» оцерковление жизни) в секулярном государстве. Вместе с тем Н. В. Сомин внес существенное дополнение в интерпретацию органицистского понимания А. В. Карташевым истории церкви, охарактеризовав его видение исторической церкви как организма, подверженного немощам и болезням, которым уподобляются ереси, ложные мнения и разделения. При этом Н. В. Сомин справедливо подчеркнул оптимистический характер мирозерцания А. В. Карташева, верившего, что эти болезни «не к смерти, но к славе Божией». Эти положения создают простор для понимания веры историка в возможность преодоления главных церковных болезней – расколов, что позволяет обратиться к интерпретации его концепции «воссоединения церквей» и связанного с ней активного участия А. В. Карташева в экуменическом движении.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дальнейшее изучение жизни и творчества историка пошло в русле, намеченном этими работами. В кандидатской диссертации С. П. Бычкова²¹, обратившегося к отечественным архивам, был представлен наиболее обстоятельный для того времени биографический очерк жизни и творчества А. В. Карташева. В нем отмечалось влияние на формирование молодого историка профессоров Петербургской духовной академии, а также Д. С. Мережковского и З. Н. Гippiус и других участников Религиозно-философских собраний на поиски им путей обновления церковного устройства в России. Правда, детального анализа его публицистических статей дореволюционного и пореволюционного периодов автор не предпринял. Он ограничился лишь тем, что в отдельной главе диссертации проанализировал взгляды А. В. Карташева на историю Русской православной церкви, особо отметив эволюцию оценок историком синодального периода.

В диссертации А. Л. Золаева²², результаты которой, как заявлено в ней, отражены в статьях, которые, однако, невозможно найти в каталогах ведущих российских библиотек, намечился переход от биографического метода изучения А. В. Карташева к проблемно-тематическому рассмотрению его творчества, что предполагает особо пристальное внимание к теоретико-методологическим и конкретно-историческим взглядам ученого. Правда, вследствие этого автор совершенно упустил из виду необходимый для интерпретации работ историка контекст. Обращение хотя бы к обстоятельной монографии А. Аржаковского²³ о журнале «Путь» позволило бы ему избежать поверхностных выводов. В отличие от

А. Л. Золаева, лишь от случая к случаю ссылавшегося на мнение российских исследователей по тем или иным проблемам отечественной истории, французский историк проанализировал все полемические ответы, которые вызывали опубликованные в журнале «Путь» статьи А. В. Карташева. Результатом такого детального анализа стали как более полная характеристика взглядов историка на ряд вопросов, даже не затронутых в диссертации А. Л. Золаева (участие в экуменическом движении, отношение к софиологии отца С. Булгакова, взаимоотношения церкви с государством, нацией, обществом и культурой), так и более адекватное определение его места среди членов «школы парижского богословия». В отличие от общего и достаточно аморфного обозначения А. В. Карташева как представителя «консервативного направления исторической и общественно-политической мысли русского зарубежья» в диссертации А. Л. Золаева, А. Аржаковский поместил его между возглавляемыми Г. В. Флоровским правыми «интеллектуалами-неовизантистами» и представителями «левого крыла», признанным лидером которого был Н. А. Бердяев, поддерживаемый Г. П. Федотовым, матерью Марией (Скобцовой) и другими. Однако конфигурации притяжений/отталкиваний между профессорами ССПБИ, участниками РСХД, членами Содружества св. Албания и преп. Сергия Радонежского, авторами журнала «Путь» были достаточно подвижными, что требует строгого следования принципу контекстуализма для адекватной оценки позиции А. В. Карташева в каждой конкретной ситуации.

А. Л. Золаев попытался опровергнуть ряд положений, высказанных предшественниками, а именно: о либерализме взглядов историка, о влиянии на него позитивистской парадигмы, об изменении оценок им синодального периода. Однако его полемические выпады вызвали ответную реакцию А. А. Пешкова, который в своей кандидатской диссертации, ставшей основой для ряда последующих публикаций, предложил новую характеристику А. В. Карташева как «либерального консерватора» [10], [11: 157–212]²⁴. Положительным следствием этой заочной полемики следует признать осознание необходимости и возможности обратиться ко всем опубликованным произведениям историка и детально рассмотреть его концептуальные построения, включая не только исследования по истории Русской церкви, но и работы А. В. Карташева о Вселенских соборах. Данный подход, несомненно, требует дальнейшего развития, то есть необходимо учитывать все работы историка, опубликованные не только на русском, но и на иностранных языках.

Неубедительной в диссертации А. Л. Золаева, продолжавшего в этом отношении линию, намеченную в статьях А. Н. Сахарова, являлась попытка охарактеризовать А. В. Карташева как

светского историка. Это привело диссертанта к реконструкции его концепции всемирной и российской истории с выделением соответствующих периодов в развитии государства и общества. При этом автор не заметил, как вступил в противоречие с собственными утверждениями о необоснованности представлений о позитивистском влиянии на формирование взглядов историка. Несомненно то, что А. В. Карташев был церковным историком и человеком глубоко верующим, что не могло не сказываться на его исторических построениях.

СТАТЬИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Более адекватным представляется обобщающий абрис творчества А. В. Карташева, предложенный Н. Ю. Суховой [19], справедливо отметившей особую значимость для него неразрывной связи духовного, сотериологического, богословского смысла истории, определенного Священным Писанием, с вниманием к миру как таковому, с его человеческой свободой и исторической конкретностью. Хотя ее утверждение о творчестве А. В. Карташева как о попытке решить методологическую коллизию, выявившуюся в дореволюционной духовно-академической науке и представляющую собой противостояние двух подходов к изучению истории Церкви – «богословско-сотериологического» и «историко-критического», требует уточнения и детализации. К сожалению, дальнейшего развития эта тема пока не нашла в ее работах: статья Н. Ю. Суховой об оценках историком значения революционных потрясений в России в 1917–1918 годах для судеб Русской православной церкви не вносит существенных дополнений в имеющиеся представления по данному вопросу, а ее утверждение о «халкидонской концепции» как «одной из характерных черт всего “свято-сергиевского” богословия» [18: 36] не учитывает уже отмечавшихся результатов исследования разногласий в рамках «парижской богословской школы». Особого внимания заслуживает анализ обоснования историком антиномического видения прошлого человечества. В пользу такого подхода свидетельствует и осуществленный французским исследователем А. Нивьером [21] анализ творчества А. В. Карташева прежде всего как историка Церкви.

Появившиеся в последние годы статьи И. В. Воронцова [2] и А. Н. Егорова [3], основанные на опубликованных эго-документах и архивных материалах, свидетельствуют в пользу не только расширения и детализации изучаемых контекстов жизни и творчества А. В. Карташева, но и необходимости широкого привлечения опубликованных, а также поиска новых архив-

ных документов для эффективного решения исследовательских задач. И. В. Воронцова, поместив процесс формирования взглядов историка в контекст изученного ею монографически движения «неохристиан», детально проанализировала его эпистолярное наследие 1906–1907 годов. В результате ей удалось четко определить отношение начинающего историка к «новому религиозному сознанию» и проследить эволюцию его взглядов на «историческую» церковь. А. Н. Егоров, опираясь на архивные и опубликованные в последние годы документы, представил развернутую характеристику общественно-политической деятельности историка в годы революции и Гражданской войны. Он верно отметил, что в начальный период эмиграции А. В. Карташев придерживался принципов «непримиримости» к коммунистическому режиму и «непредрешенчества» по отношению к вопросу о будущем устройстве освобожденной от большевиков России. Однако утверждение А. Н. Егорова, повторяющее вывод С. П. Бычкова, о том, что «многогранная научная деятельность Карташева со временем полностью заслонила его политическую роль» [3: 842], не соответствует указаниям эго-источников (прежде всего писем к Георгию Исакиевичу и Евгению Исакиевичу Новицким), найденных мною в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и публикуемых в журнале «Вестник Омского университета. Историческая серия» (2017–2018). В них научное творчество воспринимается самим А. В. Карташевым в неразрывной связи с продолжающейся для него политической борьбой, причем общественные взгляды историка оказывали существенное влияние на его исторические работы²⁵.

ВЫВОДЫ

Таким образом, изучение жизни и творчества А. В. Карташева создало основу для реализации синтетической модели интеллектуальной биографии, разработанной на основе типологии научных биографий, предложенной Д. Уокером [23]. Выделенные им типы биографий – биография личности, профессиональная биография, ситуационная биография, или биография среды, и библиографическая биография – могут быть синтезированы, что обеспечит не только целостное представление жизни А. В. Карташева, но и междисциплинарность в ее изучении. Средством для такого объединения могут послужить когнитивные принципы концепции «понимания» (*verstehen*) на основе эмпатии в сочетании с коммуникативным подходом и контекстуализмом, а также с нарратологическим анализом, учитывающим постструктуралистскую перспективу.

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00172 («В поисках Святой Руси: биография А. В. Карташева (1875–1960)»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. М.: Наука, 1991. Т. 1. 685 с.; Т. 2. 569 с.
- ² Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси. М.: Столица, 1991. 156 с.
- ³ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. 541 с.
- ⁴ Карташев А. В. Церковь. История. Россия: Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. 303 с.
- ⁵ Карташев А. В. Ветхозаветная библейская критика. М.: Познание, 2017. 113 с. Предшествующее переиздание в журнале «Альфа и Омега» (2001. № 4 (30)) было неполным.
- ⁶ Наиболее представительные электронные публикации работ А. В. Карташева см. на сайтах «Электронная библиотека Одинцовского благочиния» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/?action=search&type=doc_by_author&author=92; «Голубинский. Настоящая история церкви» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/kartashev/index.htm> и «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/.
- ⁷ См.: Энциклопедический словарь. Изд-во Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Ярославль, 1890. Доп. том 1а. С. 884; Новый энциклопедический словарь. Пг.: АО Ф. А. Брокгауз – Е. А. Ефрон, 1914. Т. 21. С. 132; Венгеров С. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Пг., 1915. Т. 1. Вып. 1–3. С. 354.
- ⁸ Афанасьев Н. Н. [Рец.] А. В. Карташев. На путях к вселенскому собору // Путь. 1933. № 37. С. 93–97; Зеньковский В. В. [Рец.] А. В. Карташев. Воссоздание Святой Руси // Вестник РСХД. 1956. № 41. С. 37–42.
- ⁹ Лот-Бородина М. Критика «Русского христианства» // Путь. 1937. № 52. С. 45–55; Оболенский С. С. Среди книг и журналов. А. В. Карташев «Воссоздание Святой Руси» // Возрождение. 1956. № 54. С. 139–142; Шмеман А. Д. Церковь, государство, теократия. По поводу «Очерков по истории Русской Церкви» А. В. Карташева // Новый журнал. 1960. № 59. С. 275.
- ¹⁰ См., например: Зеньковский В. В. Памяти проф. А. В. Карташева // Вестник РСХД. 1960. № 3–4 (58–59). С. 61–62; Никольский Л. М. Памяти учителя // Там же. С. 62–63.
- ¹¹ Озолин Н. Н. «Карташев читал вдохновенно, и все было пронизано его мыслью...» // Духовно-нравственное воспитание. 2015. № 4. С. 28–31.
- ¹² См.: Gallaher B. Bulgakov and Intercommunion // Sobomost. 2002. Vol. 24. № 2. P. 9–28; Geffert B. Sergii Bulgakov, the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, Intercommunion and Sotiology // Revolutionary Russia. 2004. Vol. 17. № 1. P. 105–14; Nikolaev S. Spritual Unity: The Role of Religious Authority in the Disputes between Sergii Bulgakov and Georges Florovsky Concerning Intercommunion // Saint-Vladimir Theological Quarterly. 2005. Vol. 49. № 1–2. P. 101–123 и др.
- ¹³ См.: Miller M. L. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham (Md.): Lexington Books, 2013. 283 p.
- ¹⁴ См.: Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940). Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев: Феникс, 2000. 656 с.
- ¹⁵ См.: Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. С. 7–10; Семенкин Н. С. Философия богоискательства: Критика религиозно-философских идей софиологов. М.: Политиздат, 1986. С. 153–154, 165; Савельев С. Н. Идеологическое банкротство богоискательства в России в начале XX века: Историко-религиоведческий очерк. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 49, 132, 155, 165, 177–179.
- ¹⁶ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 253; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. С. 111, 174, 175; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Наука, 1982. С. 22, 24, 101, 120 и др.; Старцев В. И. Крах керенщины. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1982. С. 32, 52, 53, 65, 95 и др.; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1986. С. 35, 67, 131, 157, 177.
- ¹⁷ См. подробнее: Бычков С. П. Антон Владимирович Карташев – историк Русской Православной Церкви: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 13–16.
- ¹⁸ См. сайт «Антимодернизм.ру» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antimodern.ru/kartashev/>.
- ¹⁹ Антощенко А. В. Концепция древнерусской святости Г. П. Федотова (об одной скрытой полемике в русской эмиграции 1930-х гг.) // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М.: Логос, 2004. С. 132–151.
- ²⁰ Написание слова с заглавной буквы указывает на понимание Церкви как Тела Христова. Но в дальнейшем, когда речь идет о ее исторических судьбах как социального института, корректнее представляется использование строчной буквы.
- ²¹ Бычков С. П. Антон Владимирович Карташев – историк Русской Православной Церкви: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 292 с.
- ²² Золаев А. Л. Исторические воззрения А. В. Карташева и историография русского зарубежья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 180 с.
- ²³ Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940). Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев: Феникс, 2000. 656 с.
- ²⁴ Последняя работа представляет собой расширенную версию части его кандидатской диссертации. Ср.: Пешков А. А. Философия истории П. Н. Милокова и А. В. Карташева: сравнительный анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2014. 156 с.
- ²⁵ Наиболее отчетливо это видно в готовящихся к печати письмах последнего пятилетия жизни историка, хранящихся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета: Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Georgii Isakievich Novitskii Papers, ca. 1937–1967. Box 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. Об эволюции теократического идеала А. В. Карташева // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1997. Вып. 9. С. 71–86.
2. Воронцова И. В. Участие А. В. Карташева в религиозном движении «неохристиан» и эволюция его взглядов на «историческую» Церковь (по письмам 1906–1907 годов) // Вестник ПСТГУ. 2006. Вып. 3 (20). С. 27–46.
3. Егоров А. Н. Антон Владимирович Карташев: «Мы были слишком Гамлетами и не могли утнаться за катастрофическим ходом событий...» // Российский либерализм: идеи и люди. М.: Новое изд-во, 2007. С. 831–843.
4. Зернов Н. М. А. В. Карташев // Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1975. С. 262–268.

5. Кассиан еп. (Безобразов С. С.) Антон Владимирович Карташев // Православная мысль. Париж, 1957. Вып. 11. С. 9–16.
6. Князев А. П. Памяти А. В. Карташева // Вестник РСХД. 1960. № 3–4 (58–59). С. 64–72.
7. Мейендорф И. Ф. А. В. Карташев – общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169–173.
8. Митрофанов Г. Антон Владимирович Карташев – русский богослов и церковный историк, государственный и общественный деятель [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/kartashev/mitrofanov.htm> (дата обращения 12.08.2016).
9. Назаров Н. М. А. В. Карташев – от масонского министра – к апологету Св. Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusidea.org/?a=25091005> (дата обращения 12.08.2016).
10. Пешков А. А. Антон Владимирович Карташев – либеральный консерватор // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. № 16. С. 239–248.
11. Пешков А. А. Вопросы философии истории в отечественной либеральной и консервативной мысли: избранные персоналии. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2016. 255 с.
12. Самовер Н. В. Галиполийская мистика А. В. Карташева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ, 1998. С. 334–368.
13. Сахаров А. Н. «Се тебе талант владыка вверяет» // История и историки. 2001. № 1. С. 187–210.
14. Сахаров А. Н. Апостол истории «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташев) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 89–107.
15. Сахаров А. Н. От публикатора // Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Наука, 1991. С. III–XVI.
16. Селин Г. О русской истории, историке Карташове и общечеловеческой культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/05/14/o_russkoj_istorii_istorike_kartasheve_i_obwechelovecheskoj_kulture/ (дата обращения 12.08.2016).
17. Сомин Н. В. А. В. Карташев о взаимоотношении Церкви и государства // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Материалы 1998 г. М.: ПСТБИ, 1998. С. 159–162.
18. Сухова Н. Ю. А. В. Карташев о переломе в истории Русской Церкви 1917–1918 гг.: «уравнение со многими неизвестными» // Церковь. Богословие. История: Материалы VI Всероссийской научно-богословской конф., посвящ. 100-летию мученической кончины святых Царственных страстотерпцев и их верных спутников (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 30–36.
19. Сухова Н. Ю. Антон Владимирович Карташев: попытка христианского осмысления истории // Церковь. Богословие. История: Материалы IV Международной научно-богословской конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. С. 322–330.
20. Херасков И. М. А. В. Карташев // Возрождение. 1951. Кн. 14. С. 197–200.
21. Nivère A. Anton Kartachev, historien de l'Église // Les historiens de l'émigration russe. Paris: Institut d'études slaves; Maison des sciences de l'homme, 2003. P. 121–140.
22. Petro N. Challenge of the “Russian Idea”: Rediscovering the Legacy of the Russian Religious Philosophy // Christianity and Russian Culture in Soviet Society. Boulder; London, 1990. P. 206–212.
23. Walker D. A. Biography and the study of the history of economic thought // Research in the History of Economic Thought and Methodology. The Craft of the Historian of Economic Thought (Research in the History of Economic Thought and Methodology). (W. J. Samuels, Ed.). Vol. 1. London: JAI Press, 1983. P. 41–59.

Antoshchenko A. V., Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE STUDIES ON THE LIFE AND WORK OF A. V. KARTASHEV*

The author characterizes the main stages of studying the life and work of the Russian and émigré historian, theologian, state and political figure A. V. Kartashev. Having appeared before the 1917 revolution, the first notes on him in encyclopedias and biographical dictionaries were not very informative, but they testified his inclusion in the intellectual elite of Russia. After the seizure of power by the Bolsheviks and the emigration of A. V. Kartashev abroad, the research was divided into two channels. On the one hand, reviews of his works published in the émigré periodicals recognized his contribution to the development of religious studies, although at times they contained criticism of the certain ideas of the historian. A peculiar result of the evaluation of his contribution to the studies of the past of the Russian Orthodox Church and theology were publications on the occasion of the death of A. V. Kartashev. They were commemorative actions by those who personally knew him and studied under his supervision at St. Sergius Theological Institute in Paris. On the other hand, in the books of Soviet historians on the religious thought in prerevolutionary Russia, on the Provisional Government, on the Revolution of 1917 and the Civil War in Russia, he was characterized as a reactionary God seeker and counterrevolutionary political figure. After the collapse of the Soviet Union, there were also two streams: the apologetics of his merits and shattering criticism of him. According to the author, a promising trend of research that enables one to overcome the extremes of the ideologized approaches is the study of A. V. Kartashev's biography in the framework of intellectual history. The basis for such study should be the use of cognitive principles of understanding (*verstehen*), combined with a communicative approach and contextualism, as well as narratological analysis, taking into account the poststructuralist perspective.

Key words: Anton V. Kartashev, biography, historiography, history of Russian Orthodox Church

* Research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No 18-09-00172 (“In search for the Holy Rus’: A biography of A. V. Kartashev (1875–1960)”).

REFERENCES

1. Antoshchenko A. V. On the evolution of the theocratic ideal of A. V. Kartashev. *Veche: Almanac of Russian philosophy and culture*. St. Petersburg, 1997. Issue 9. P. 71–86. (In Russ.)

2. Vorontsova I. V. Participation of A. V. Kartashev in the religious movement of “Neo-Christians” and the evolution of his views on the “historical” Church (according to the letters of 1906–1907). *St. Tikhon's University Review*. 2006. No 3 (20). P. 27–46. (In Russ.)
3. Egorov A. N. Anton Vladimirovich Kartashev: “We were too Hamletian and could not keep up with the catastrophic course of events ...”. *Russian liberalism: ideas and people*. Moscow, 2007. P. 831–843. (In Russ.)
4. Zernov N. M. A. V. Kartashev. *Russian religious and philosophical thought of the XX century*. Pittsburgh, 1975. P. 262–268. (In Russ.)
5. Cassian, Bishop. (Bezobrazov S. S.) Anton Vladimirovich Kartashev. *Orthodox Thought*. Paris, 1957. No 11. P. 9–16. (In Russ.)
6. Kniazev A. P. In memory of A. V. Kartashev. *Herald of the Russian Student Christian Movement*. 1960. No 3–4 (58–59). P. 64–72. (In Russ.)
7. Meiendorf I. F. A. V. Kartashev – public figure and church historian. *Questions of History*. 1994. No 1. P. 169–173. (In Russ.)
8. Mitrofanov G. Anton Vladimirovich Kartashev – Russian theologian and church historian, statesman and public figure. Available at: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/kartashev/mitrofanov.htm> (accessed 12.08.2016). (In Russ.)
9. Nazarov N. M. A. V. Kartashev: from the masonic minister to the apologist of St. Rus'. Available at: <http://rusidea.org/?a=25091005> (accessed 12.08.2016). (In Russ.)
10. Peshkov A. A. Anton Vladimirovich Kartashev – a liberal standpatter. *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistic University*. 2011. No 16. P. 239–248. (In Russ.)
11. Peshkov A. A. Questions of philosophy of history in Russian liberal and conservative thought: selected personalities. Nizhny Novgorod, 2016. 255 p. (In Russ.)
12. Samover N. V. A. V. Kartashev's mystical vision of Gallipoli. *Studies on the History of Russian Thought: Yearbook for 1998*. Moscow, 1998. P. 334–368. (In Russ.)
13. Sakharov A. N. “The bishop entrusts you with this talent”. *History and Historians*. 2001. No 1. P. 187–210. (In Russ.)
14. Sakharov A. N. Apostle of the history of “St. Rus'” (Anton Vladimirovich Kartashev). *Russian History*. 1998. No 5. P. 89–107. (In Russ.)
15. Sakharov A. N. Foreword of the publisher. Kartashev A. V. *Essays on the history of the Russian Church*. Moscow, 1991. P. III–XVI. (In Russ.)
16. Selin G. On Russian History, historian Kartashev and universal culture. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2011/05/14/o_russkoj_istorii_istorike_kartasheve_i_obwechelovecheskoj_kulture/ (accessed 12.08.2016). (In Russ.)
17. Somin N. V. A. V. Kartashev on the relationship between church and state. *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Theological Institute. Proceedings for 1998*. Moscow, 1998. P. 159–162. (In Russ.)
18. Sukhova N. Yu. A. V. Kartashev on the turning point in the Russian Church history (1917–1918): “an equation with many unknowns”. *Church. Theology. History: Materials of the VI All-Russian Scientific and Theological Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Martyric Death of the Holy Royal Martyrs and Their Faithful Companions (Ekaterinburg, February 10–12, 2018)*. Ekaterinburg, 2018. P. 30–36. (In Russ.)
19. Sukhova N. Yu. Anton Vladimirovich Kartashev: an attempt at a Christian understanding of history. *Church. Theology. History: Materials of the IV International Scientific Theological Conference (Ekaterinburg, February 5–6, 2016)*. Ekaterinburg, 2016. P. 322–330. (In Russ.)
20. Kheraskov I. M. A. V. Kartashev. *Revival*. 1951. No 14. P. 197–200. (In Russ.)
21. Nivère A. Anton Kartachev, historien de l'Église. *Les historiens de l'émigration russe*. Paris, 2003. P. 121–140.
22. Petro N. Challenge of the “Russian Idea”: rediscovering the legacy of the Russian religious philosophy. *Christianity and Russian Culture in Soviet Society*. Boulder, London, 1990. P. 206–212.
23. Walker D. A. Biography and the study of the history of economic thought. *Research in the History of Economic Thought and Methodology. The Craft of the Historian of Economic Thought (Research in the History of Economic Thought and Methodology)*. Vol. 1. London, 1983. P. 41–59.

Поступила в редакцию 30.04.2019

ВАСИЛИЙ ЛЕОНАРДОВИЧ КУКУШКИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории

Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия имени Н. В. Верещагина (Вологда, Российская Федерация)

kafhistory1@yandex.ru

ИРИНА АГЕЕВНА КУКУШКИНА

преподаватель

Вологодский областной медицинский колледж (Вологда, Российская Федерация)

kukvasleo@yandex.ru

КНИГА ПРИКАЗОВ ВОЛОГОДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ТЕХНИКУМА 1935–1936 ГОДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Основной целью статьи является введение в научный оборот нового исторического источника – Книги приказов Вологодского медицинского техникума за 1935–1936 годы, оценка его информативности. Поднимается проблема сохранения документов по личному составу предприятий и учреждений, раскрываются обстоятельства выявления Книги приказов, описываются внешние признаки и состояние источника. Используя методы систематизации и контент-анализа в определении видов и частоты издания приказов, авторы пришли к выводу о приоритетном значении управления кадрами в деятельности Вологодского медицинского техникума в 1935–1936 годах.

Ключевые слова: история советской медицины, документы по личному составу советских учреждений, приказы организации как исторические источники

ВВЕДЕНИЕ

Источниковедение истории медицины является одной из самых малоизученных проблем в отечественной исторической науке [15: 23]. Многие работы по истории медицины отличаются отсутствием развитой источниковедческой базы. Такая ситуация объясняется тем, что историей медицины нередко занимаются медики, а не профессиональные историки [9]. Специальных же исследований по источниковедению, которые могли бы помочь непрофессионалам в этой сфере, почти нет.

Историография истории советской медицины 1930-х годов более обширна. Ценность ее для источниковедческого исследования заключается в определении условий развития отечественного здравоохранения, оказавших влияние на появление и содержание исторического источника. Такими историческими условиями была политика руководства страны по сближению медицинской помощи с производством, в связи с чем значительно возросла потребность в специалистах с медицинским образованием. Растущая в количественном отношении подготовка учебными заведениями медицинских кадров в 1930-е годы проводилась на недостаточной материально-финансовой основе [2: 27–36], [3: 9–12], [4], [6], [11], [13: 111–118], [14], [17], [18], [19]. Книги приказов советских образовательных учреждений как исторические источники тоже стали предметом изучения. Так, Н. Ю. Никитина отметила обозначенную ранее советскими и российскими исто-

риками проблему получения от исторического источника максимального объема информации (см.: [1: 13–21], [7: 120–121]) и выделила некоторые группы приказов Даугавпилсского железнодорожного техникума за 1944–1945 годы [10]. Тем не менее развернутого количественного анализа всего комплекса приказов, содержащихся в Книге приказов техникума, автором не проводилось.

В работах по источниковедению приказы организаций относятся к материалам делопроизводства: нормативным и распорядительным документам [5: 572], [16: 43–44]. В российском законодательстве они подразделяются на приказы по основной деятельности, административно-хозяйственной части и по личному составу. Приказы по основной деятельности подлежат постоянному хранению организацией, по административно-хозяйственной части – 5 лет, по личному составу – 75 лет (пункт 1.1. Перечня типовых управленческих архивных документов)¹. В соответствии с Федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации» в связи с необходимостью охраны личной и семейной тайны приказы недоступны широкому кругу историков (статья 25). По истечении установленного срока хранения архивной службой проводится экспертиза ценности документов, после чего они подлежат передаче на хранение в архивное учреждение либо списанию (статья 22.1)². Как показывает наш опыт, книги приказов советских учреждений 1930-х годов в основном содержат приказы по личному составу, которые сложно отделить от

приказов по основной деятельности, и поэтому после прохождения экспертизы они могут быть списаны вместе с документами по личному составу и утрачены.

Одним из таких списанных документов по истории медицины 1930-х годов является Книга приказов Вологодского медицинского техникума за 1935–1936 годы³. Книга была передана в музей Вологодского медицинского колледжа после истечения установленного срока хранения и проведения экспертизы ценности документа. Колледж был образован в 2009 году на базе Вологодского медицинского училища. До 1936 года учебное заведение функционировало в качестве Вологодского медицинского техникума, а затем было преобразовано в Вологодскую фельдшерско-акушерскую школу. В 1953 году школа реорганизована в Вологодское медицинское училище [8].

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы ввести в научный оборот новый исторический источник путем решения следующих задач:

- описать внешние признаки и состояние исторического источника;
- раскрыть структуру приказов, содержащихся в Книге, и провести их систематизацию по выявленным в источнике темам;
- используя метод контент-анализа, провести исследование текста источника, определить и объяснить раскрытые количественные показатели издания приказов по выявленным темам;
- оценить информационные возможности Книги приказов Вологодского медицинского техникума для ее последующего использования в научно-исторических исследованиях.

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ И СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКА

Книга приказов значительных повреждений не имеет – все страницы уцелели, чернила, которыми от руки записывались приказы, не выцвели, почерки разборчивые, что позволяет без больших затруднений прочитать все содержащиеся в книге записи. Тексты приказов заносились в тетрадь большого формата, приближающегося к современным параметрам А4, с размеченными «в линейку» страницами. Всего в тетради – 57 страниц, причем последние листы, с 50 по 57, – не заполнены. Переплет Книги приказов – картонный, твердый. На лицевой части обложки нанесены следующие записи: «Вологодская фдакушерская школа Арх. № 13 Книга приказов Вологодского медицинского техникума с 1 января 1935 г. по 1936 год На 57 листах». Верхний правый угол обложки оборван.

В конце Книги на нахзаце написано: «В книге пронумеровано на 57 листах Секретарь шк. Федоров [Подпись] 24/V – 48 г.». Титульный лист отсутствует, тексты приказов начинаются с первой страницы книжного блока. Запись приказов

велась на лицевой части и на обороте листов. При архивации были пронумерованы только лицевые части листов. Первый приказ в Книге относится к 11 января 1935 года, последний – к 29 декабря 1936 года.

СТРУКТУРА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИКАЗОВ

По своей сути приказ является правовым актом, принимаемым единолично руководителем организации для регулирования ее деятельности⁴. В структуру каждого приказа медицинского техникума входит порядковый номер, под которым издавался приказ, например «Приказ № 1», дата издания, содержание приказа и подпись директора или замещающего его лица. Во многих случаях содержание приказов подразделяется на параграфы, под приказами встречаются подписи ознакомившихся с ними лиц. Присвоение приказам порядковых номеров производилось с начала каждого нового календарного года. Обычно в день издавалось не более одного приказа. Однако случалось, что в один день принималось несколько приказов. Тогда порядковый номер каждого дополнительно принятого приказа совпадал с номером основного и обозначался буквой (литерой) либо цифрой, отделяющейся от номера приказа дробной чертой. В 1935 году было издано 75 приказов, в 1936 году – 105. Таким образом, в Книге приказов Вологодского медицинского техникума всего содержится 180 приказов.

По своему тематическому содержанию приказы Вологодского медицинского техникума за 1935–1936 годы во многом совпадают с приказами, принимаемыми современными организациями. В связи с этим для составления классификатора видов приказов, принятых в Вологодском медицинском техникуме, возможно применение положений действующего российского законодательства и практики издания локальных актов современными организациями в этой сфере⁵. Так, при составлении классификатора все виды приказов техникума в зависимости от их тематики аналогично приказам современных организаций распределены по трем основным группам (приказы по личному составу, по административно-хозяйственной части и по основной деятельности). Каждая группа и все виды входящих в нее приказов для удобства отображения информации были соответственно пронумерованы (таблица).

Предлагаемый классификатор является основой для проведения количественного тематического анализа текста Книги, поскольку в любом приказе, изданном под определенным номером, могло содержаться несколько видов приказов по различным темам. Именно по этой причине для исследования частоты издания приказов по различным вопросам был применен метод тематического контент-анализа [12]. В нашем случае объектом изучения стало все количество содержащихся в Книге приказов Вологодского

медицинского техникума за 1935–1936 годы фактов, связанных с изданием приказов директором медицинского образовательного учреждения по

определенным в классификаторе темам. Показатели количества изданных приказов были выражены в процентах.

Тематический классификатор видов приказов Вологодского медицинского техникума за 1935–1936 годы

Номер группы приказов	Названия групп приказов	Номер вида приказов в группе	Названия видов приказов в группе
1	Приказы по личному составу	1.1	О приеме на работу, назначении на должность
		1.2	О зачислении студентов
		1.3	Об увольнении с работы, снятии с должности
		1.4	Об отчислении студентов, в том числе в связи с завершением обучения
		1.5	О переводе студентов на другой курс, в другую группу, на другую специальность, в другую организацию
		1.6	Об оставлении студентов на второй год и ликвидации академической задолженности
		1.7	О повышении заработной платы и стипендии
		1.8	О предоставлении отпуска, в том числе по уходу за ребенком, по состоянию здоровья, на военные сборы, о возвращении из отпуска
		1.9	О временном возложении обязанностей и последующем их прекращении
		1.10	Об отмене ранее изданных приказов по личному составу
		1.11	О премировании (награждении)
		1.12	О направлении в командировку, о возвращении из командировки
		1.13	О наложении дисциплинарного взыскания
		1.14	О снятии дисциплинарного взыскания
2	Приказы по административно-хозяйственной части (АХЧ)	2.1	О соблюдении правил внутреннего трудового распорядка
		2.2	О выносе материальных ценностей
		2.3	Об административно-хозяйственных расходах
		2.4	О приобретении хозяйственного имущества
		2.5	О сбережении и ремонте имущества
		2.6	О передаче, перераспределении служебных помещений
		2.7	Об учете имущества
3	Приказы по основной деятельности	3.1	О внесении изменений в структуру и штатное расписание
		3.2	О создании, ликвидации структурных подразделений, комиссий
		3.3	О назначении комиссии для передачи материальных ценностей, проведения инвентаризации имущества
		3.4	Об изменении названия организации, структурного подразделения

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведенного исследования в процентном соотношении число приказов по личному составу (85 %) значительно превзошло количество приказов по административно-хозяйственной части (11 %) и по основной деятельности (4 %). Эти показатели объясняются прежде всего самой особенностью Книги приказов, которая по своему предназначению является документом, отражающим движение кадрового состава

ва организации и обучающихся в ней студентов. Кроме этого, техникум не обладал значительной хозяйственной самостоятельностью. Его имущество находилось в собственности Советского государства, а основная деятельность весьма строго контролировалась органами здравоохранения. Директор техникума и его заместители руководили прежде всего людьми, не имея возможности произвольно распоряжаться вверенными им материальными ценностями.

При анализе соотношения видов приказов по личному составу (рис. 1) наибольший удельный вес пришелся на приказы 1.1 о приеме на работу (15 %) и 1.8 об отпусках (15 %).

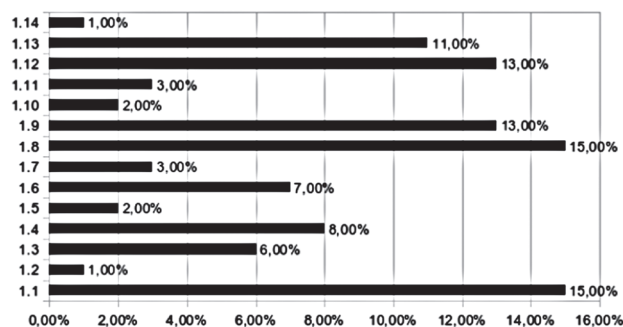

Рис. 1. Процентное соотношение приказов Вологодского медицинского техникума по личному составу

Значительная доля приказов, связанных с предоставлением отпусков, отражает стремление руководства учреждения соблюдать социальные гарантии работников в реализации их прав на отдых. В то же время сравнение процентного соотношения приказов 1.3 об увольнении с приказами 1.1 о приеме на работу показывает значительное преобладание последних, что, по-видимому, свидетельствует о постоянном росте числа штатных должностей в организации.

Совпадение удельного веса приказов 1.9 о временном возложении обязанностей и 1.12 о командировках не является случайным. Отъезд директора техникума в командировку всегда сопровождался временным замещением его должности заведующим хозяйством или заведующим учебной частью. Относительно высокий процент приказов об отъезде в командировку среди приказов по личному составу можно связать с отсутствием необходимого опыта и смелости руководства техникума в самостоятельном принятии важных управленческих решений. Командировочные поездки руководства техникума совершались в основном в крупные административные центры страны – Москву, Архангельск, Ленинград. Именно там можно было получить необходимые указания и консультации от вышестоящих должностных лиц.

Значительная доля приказов 1.13 о наложении дисциплинарных взысканий (11 %), а также ее сопоставление с относительно небольшим удельным весом приказов 1.11 о поощрении (3 %) и 1.14 об отмене наказаний (1 %) позволяют определить преобладание авторитарных методов в управлении учебным заведением, что в целом было характерно для управленческой культуры 1930-х годов.

Не исключено, что применение авторитарных методов следует объяснить и отсутствием у образовательного учреждения средств, достаточных для материального стимулирования трудовой

и учебной деятельности. Вместе с тем приказы 1.7 о повышении заработной платы и стипендии также издавались редко (3 %). Все это вынуждало студентов и некоторых работников в поисках лучшей жизни переводиться на другие специальности или совсем уходить из учебного заведения. Так, сравнивая показатели доли приказов 1.2 о зачислении студентов (1 %) с удельным весом приказов 1.4–1.5 об их отчислении (8 %) и переводе (2 %), можно увидеть тревожную для администрации техникума тенденцию постепенного сокращения числа обучающихся. Чтобы исправить эту неблагоприятную ситуацию, администрация идет на крайние меры, издавая приказы 1.6 о ликвидации академической задолженности и оставлении студентов на второй год (7 %).

Недостаточность средств для обеспечения образовательной деятельности Вологодского медицинского техникума весьма наглядно показывает процентное соотношение приказов по административно-хозяйственной части (рис. 2). По количественному составу здесь явно преобладают приказы 2.1 о соблюдении правил внутреннего распорядка (31 %) и 2.5 о сбережении и ремонте имущества (28 %).

Создается впечатление, что руководство техникума, стремясь сохранить и без того скудные активы, пытается компенсировать их недостаток мерами установления строгой дисциплины, повышения «революционной сознательности», а также введением режима жесткой экономии. Подтверждают этот тезис незначительный процент приказов 2.2 о выносе материальных ценностей (3 %), умеренный удельный вес приказов 2.3–2.4 об административно-хозяйственных расходах и о приобретении имущества (в совокупности – 16 %).

Дополнительными средствами в обеспечении режима жесткой экономии были приказы 2.7 об учете имущества (11 %) и 2.6 о передаче и перераспределении служебных помещений (11 %).

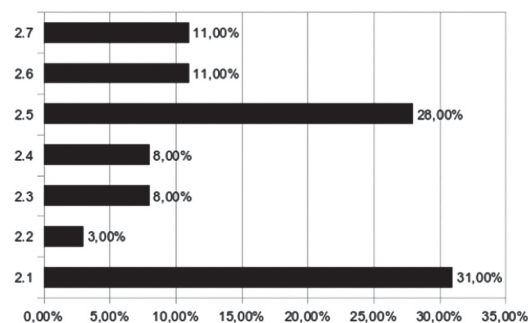

Рис. 2. Процентное соотношение приказов Вологодского медицинского техникума по административно-хозяйственной части

Учет имущества обычно предполагает некоторое усиление контроля со стороны администрации и отдельных работников за его сохранностью, перераспределение же служебных

помещений (кабинетов) связано с поиском работников, которые могли бы при минимальных затратах со стороны организации оснастить свое рабочее место необходимым оборудованием.

Анализ процентного соотношения приказов по основной деятельности тоже во многом отражает ситуацию, связанную с недостатком материальных ресурсов у Вологодского медицинского техникума. Весомая масса распоряжений по основной деятельности приходится на приказы 3.2 (22 %) и 3.3 (57 %) о создании разного рода комиссий, в том числе по передаче материальных ценностей и проведению инвентаризации имущества (рис. 3). В этом контексте основная деятельность в незначительном ее проявлении по сравнению с количеством приказов по личному составу и административно-хозяйственной части, по общему правилу, сводилась к учету и контролю за сохранностью вверенного учреждению имущества. Наконец, в сравнительном проявлении наименьшая часть приказов 3.1 о внесении изменений в структуру и штатное расписание (14 %) и 3.4 об изменении названия организации (7 %) отражает перемены, произошедшие в деятельности учебного заведения в 1935–1936 годах. Эти перемены связаны с началом преподавания новых учебных дисциплин, учреждением должностей, сменой руководства и наименования организации. Так, в 1935 году в расписании занятий появились новые предметы – военизация и физкультура⁶. В 1936 году директором вместо Евгения Михайловича Кузнецова назначается Иван Никитич Коротяев. Все эти обстоятельства требуют внесения корректив в роспись должностей. Примечательно, что для того, чтобы назначить не являвшегося членом трудового коллектива И. Н. Коротяева руководить техникумом, Отдел здравоохранения Северного края 21 апреля 1936 года целенаправленно ввел для него должность техникумовского врача (полставки), а только потом уже, 22 апреля 1936 года, назначил его директором⁷.

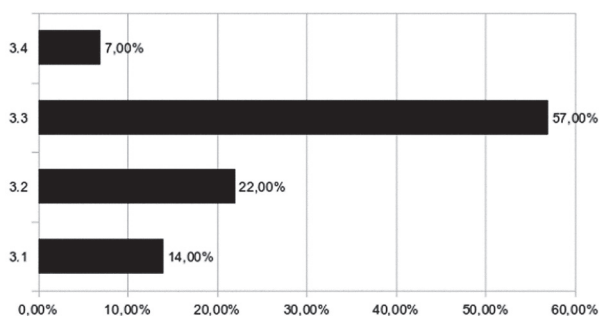

Рис. 3. Процентное соотношение приказов Вологодского медицинского техникума по основной деятельности

Меняется и название учебного заведения. Вологодский медицинский техникум в июне 1936 года преобразуется в Вологодскую фельдшерско-акушерскую школу⁸. Учебное заведе-

ние под новым названием вступило в этап структурных изменений в управлении и организации учебного процесса. К сожалению, Книга приказов не позволяет сформировать полное представление об этих изменениях за небольшой период времени, охватывающий вторую половину 1936 года. По-видимому, в большей мере раскрывают их сущность документы внешнего управления организацией (приказы и инструкции, исходящие от вышестоящих органов власти) и источники, отражающие развитие учебного заведения в последующие годы, но они еще недостаточно выявлены.

В целом Книга приказов Вологодского медицинского техникума интересна тем, что дает возможность восстановить историческое развитие учебного заведения за определенный период времени, показать влияние происходивших в стране и регионе событий на настроения и поведение людей, принимавших участие в его деятельности. Книга приказов содержит материал для исследования дисциплинарной политики организации, связанной с назначением наказаний, а также предоставлением поощрений отличившимся студентам и работникам. В приказах нашли отражение персональный состав, численность обучающихся и сотрудников, размеры их материального обеспечения, особенности труда и быта. По некоторым приказам можно проследить судьбу отдельных лиц. К сожалению, Книга приказов не формирует полного представления о материальной базе учебного заведения. В ней упоминается лишь о наличии у организации учебного корпуса, трех общежитий, некоторых оборудованных кабинетов (зубопротезный, зубо-врачебный, военный, физкультурный), лаборатории, библиотеки⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судя по тематике издаваемых приказов, основное значение в управлении деятельностью Вологодского медицинского техникума придавалось именно кадрам. Люди были тем капиталом, который можно было мобилизовать для обеспечения подготовки жизненно необходимого стране среднего медицинского персонала. Будущих специалистов – медсестер и фельдшеров – стремились удержать в стенах техникума, чтобы обеспечить получение ими профессиональных знаний и навыков. При этом методы менеджмента медицинского учебного учреждения в связи со скудными активами основывались на минимизации расходов по материальному обеспечению образовательной деятельности и максимальному использованию средств дисциплинарного, а также морального воспитательного воздействия на поведение сотрудников и учащихся. К нарушителям чаще всего применялись дисциплинарные взыскания, лояльные студенты и работники призывались администрацией к «классовой сознательности».

Таким образом, организационно-управленческая деятельность руководства Вологодского медицинского техникума в середине 1930-х годов точно следовала провозглашенному И. В. Сталиным лозунгу: «Кадры решают все»¹⁰. Правда,

вопреки представлениям вождя приоритетное значение кадровых вопросов в управлении техникумом определялось не обеспеченностью материальной базы организации, а как раз наоборот – ее недостаточностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Об утверждении «Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения»: Приказ Минкультуры России от 25 августа 2010 г. № 558 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104953/ (дата обращения 05.12.2018).
- ² Об архивном деле в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12137300/#friends> (дата обращения 05.12.2018).
- ³ Музей Вологодского медицинского колледжа. МК ОФ – 166 – ДА 1.
- ⁴ Кожанова Е. Н. И снова о приказах... // Секретарь-референт. 2017. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.profiz.ru/sr/10_2017/snova_o_prikazakh/ (дата обращения 05.12.2018).
- ⁵ Кожанова Е. Н. Указ. соч.; Об утверждении «Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения»: Приказ Минкультуры России от 25 августа 2010 г. № 558 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104953/ (дата обращения 05.12.2018); Папков А. Классификатор приказов Вам поможет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ippnou.ru/print/009299/> (дата обращения 05.12.2018).
- ⁶ Музей Вологодского медицинского колледжа. МК ОФ – 166 – ДА 1. Л. 13, 16.
- ⁷ Там же. Л. 28.
- ⁸ Там же. Л. 34.
- ⁹ Там же. Л. 5, 12, 15, 16, 27, 41.
- ¹⁰ Сталин И. В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_16.htm (дата обращения 05.12.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варфоломеев А. Г., Иванов А. С. Компьютерное источниковедение: семантическое связывание информации в репрезентации и критике исторических источников. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 202 с.
2. Виноградов Н. А. Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934). М.: Государственное изд-во медицинской литературы, 1955. 44 с.
3. Виноградов Н. А. Здравоохранение в предвоенный период (1935–1940 гг.). М.: Государственное изд-во медицинской литературы, 1955. 40 с.
4. Ерёмкина А. И. Деятельность Уфимской фельдшерско-акушерской школы в первые годы советской власти // Историко-педагогический журнал. 2014. № 4. С. 169–175 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/deyatelnost-ufimskoj-feldshersko-akusherskoj-shkoly-v-pervye-gody-sovetskoj-vlasti> (дата обращения 05.12.2018).
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
6. Киндаров З. Б., Ахмадов Т. З., Батаев Х. М., Гацаев Ш. М., Межидов С. М. Н. Подготовка национальных медицинских кадров в Чечне в XX–XXI вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2 (15). С. 230–236 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18848766_98007028.pdf (дата обращения 05.12.2018).
7. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
8. Кукушкина И. А., Кукушкин В. Л. История Вологодского медицинского училища в XIX–XXI веках // XX век в истории России: актуальные проблемы: V Международная научно-практическая конференция: Сборник статей / МНИЦ ПГСХА. Пенза: РИО ПГСХА, 2009. С. 148–150.
9. Кунките М. И. Проблемы источниковедения и историографии истории отечественной медицины и здравоохранения: доклад, прочитанный на 1-й Санкт-Петербургской городской открытой научно-практической конференции по вопросам истории и развития сестринского дела и среднего медицинского образования в России, 8 декабря 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omophor.ru/articles/problemny-istochnikovedeniya-i-istoriografii-istorii-otechestvennoy-mediciny-i> (дата обращения 05.12.2018).
10. Никитина Н. Ю. Книга приказов Даугавпилсского техникума Латвийской железной дороги (1944–1945 гг.) как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. С. 299–302 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_29893612_32422768.pdf (дата обращения 05.12.2018).
11. Островкин Д. Л. Кадровое обеспечение здравоохранения на Урале в 1918–1941 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4. Ч. 2. С. 44–49 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kadrovoye-obespechenie-zdravoohraneniya-na-urale-v-1918-1941-gg>. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
12. Пашиных И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и недостатки // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3 (9). С. 13–18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18013599_49178292.pdf (дата обращения 05.12.2018).
13. Пашков К. А. Зубоврачевание и стоматология в России: основные этапы и направления развития (IX–XX век): Монография / Под ред. А. В. Тополянского. Казань: Центр инновационных технологий, 2011. 304 с.
14. Петровский Б. В. Советское здравоохранение за 50 лет СССР. М.: Медицина, 1973. 112 с.
15. Петряев Е. Д. Методика и техника историко-медицинского исследования. М.: Медицина, 1972. 60 с.
16. Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 236 с.
17. Санников А. Л., Андреева А. В. Сестринское образование в Архангельской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Экология человека. 2005. № 5. С. 45–48 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_9126794_90938699.pdf (дата обращения 05.12.2018).

18. Серебряный Р. С., Яремчук О. В. Сестринское образование в Куйбышевском регионе в 1920–1940 гг. и вклад среднего медицинского персонала в борьбу с острыми инфекциями у детей в 1945 и первый 1946 год после окончания Великой Отечественной войны (ВОВ) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2015. № 4–5. С. 259–269 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26681013_54189431.pdf (дата обращения 05.12.2018).
19. Трофимов В. В., Георгиевский А. С. Медицинское образование // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Петровский. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 14. С. 443–455.

Kukushkin V. L., Vologda State Dairy Farming Academy named after N. V. Vereshchagin
(Vologda, Russian Federation)

Kukushkina I. A., Vologda Regional Medical College (Vologda, Russian Federation)

ORDER BOOK OF VOLOGDA MEDICAL TRAINING SCHOOL OF 1935 AND 1936 AS A HISTORICAL SOURCE

The main purpose of the article is to introduce a new historical source – the Order Book of Vologda Medical Training School from 1935 and 1936 – and to evaluate its information content. The article raises the problem of keeping documents on the personnel of enterprises and institutions. In addition, it reveals the circumstances of the discovery of the Order Book, and describes the appearance and condition of the source. Using the methods of systematization and content analysis for determining the types and frequency of orders, the authors made a conclusion about the primary importance of personnel management in the activities of Vologda Medical Training School in 1935 and 1936. The staff was the capital that could be mobilized to provide training for the country's vital paramedical personnel. Management methods of Vologda Medical Training School in connection with scarce assets were based on minimization of expenses on the material support of educational activity and maximum use of means of disciplinary action, as well as the moral educational influence on the behavior of employees and pupils.

Key words: history of Soviet medicine, personnel records of Soviet institutions, organization orders as historical sources

REFERENCES

1. Varfolomeev A. G., Ivanov A. S. Computer-based records studies: semantic linkage of information in representation and criticism of historical records. Petrozavodsk, 2013. 202 p. (In Russ.)
2. Vinogradov N. A. Healthcare during the struggle for collectivization of agriculture (1930–1934). Moscow, 1955. 44 p. (In Russ.)
3. Vinogradov N. A. Healthcare in the pre-war period (1935–1940). Moscow, 1955. 40 p. (In Russ.)
4. Eryomina A. I. The educational work of Ufa Medical Assistant and Accoucheur School in the first years of Soviet power. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 2014. No 4. P. 169–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/deyatelnost-ufimskoy-feldshersko-akusherskoy-shkoly-v-pervye-gody-sovetskoy-vlasti> (accessed 05.12.2018) (In Russ.)
5. Source study: Theory. Method. Sources of Russian history: textbook. (I. N. Danilevskij, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva). Moscow, 1998. 702 p. (In Russ.)
6. Kindarov Z. B., Akhmadov T. Z., Bataev Kh. M., Gacaev Sh. M., Mezhidov S. M. N. On the preparation of national health workers in Chechnya in the XX–XXI centuries. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki*. 2011. No 2 (15). P. 230–236. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18848766_98007028.pdf (accessed 05.12.2018). (In Russ.)
7. Koval'chenko I. D. Methods of historical research. Moscow, 2003. 486 p. (In Russ.)
8. Kukushkina I. A., Kukushkin V. L. History of Vologda Medical Training School in the XIX–XXI centuries. V International Scientific and Practical Conference: Collected articles. "XX Century in the History of Russia: Contemporary Issues". Penza, 2009. P. 148–150. (In Russ.)
9. Kunkite M. I. Problems of source studies and historiography of the history of national healthcare: report presented at the I St. Petersburg City Open Scientific and Practical Conference on the History and Development of Nursing and Secondary Medical Education in Russia, December 8, 2005. Available at: <http://www.omophor.ru/articles/problemny-istochnikovedeniya-i-istoriografii-istorii-otechestvennoy-mediciny-i> (accessed 05.12.2018). (In Russ.)
10. Nikitina N. Yu. Order book of Daugavpils Technical School of the Latvian Railway (1944–1945) as a historical source. *Contemporary Issues of Source Studies: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference on the Occasion of the 420th Anniversary of Reception of Magdeburg Law by the City of Vitebsk*. Vitebsk, 2017. P. 299–302. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29893612_32422768.pdf (accessed 05.12.2018). (In Russ.)
11. Ostrovkin D. L. Staffing of healthcare in the Urals in 1918–1941. *Historical and Social Educational Ideas*. 2016. Vol. 8. No 4. Part 2. P. 44–49. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kadrovoe-obespechenie-zdravoohraneniya-na-urale-v-1918-1941-gg> (accessed 05.12.2018). DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (In Russ.)
12. Pashinyan I. A. Content analysis as a method of research: advantages and limitations. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*. 2012. No 3 (9). P. 13–18. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18013599_49178292.pdf (accessed 05.12.2018). (In Russ.)
13. Pashkov K. A. Dentistry and stomatology in Russia: the main stages and directions of development (IX–XX centuries): Monography. Kazan, 2011. 304 p. (In Russ.)
14. Petrovskiy B. V. Soviet healthcare over the 50 years of the USSR. Moscow, 1973. 112 p. (In Russ.)
15. Petryaev E. D. Methods and techniques of historical and medical research. Moscow, 1972. 60 p. (In Russ.)
16. Rusina Yu. A. Source studies of the contemporary history of Russia: Textbook. Ekaterinburg, 2015. 236 p. (In Russ.)
17. Sannikov A. L., Andreeva A. V. Nursing education in the Arkhangelsk region on the eve and during the Great Patriotic War (1941–1945). *Ekologiya cheloveka*. 2005. No 5. P. 45–48. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_9126794_90938699.pdf (accessed 05.12.2018). (In Russ.)
18. Serebryanyy R. S., Yaremchuk O. V. Nurse education in Kuibyshev region in 1920–1940 and nurse staff contribution in handling the acute reactions of kids in 1945–1946 after the end of the Great Patriotic War. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko*. 2015. No 4–5. P. 259–269. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26681013_54189431.pdf (accessed 05.12.2018). (In Russ.)
19. Trofimov V. V., Georgievskiy A. S. Medical education. *The Great Medical Encyclopedia*. Moscow, 1980. Vol. 14. P. 443–455. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.12.2018

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛЮБЕЗНИКОВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

o.lyubeznikov@spbu.ru

**АРХИТЕКТОР Н. П. НИКИТИН И ЕГО КНИГА «ОГЮСТ МОНФЕРРАН»:
ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ**

Рассматривается история публикации монографии ленинградского архитектора Н. П. Никитина о строительстве Исаакиевского собора. Автор обратился к многочисленным неопубликованным документам пяти архивохранилищ Санкт-Петербурга и реконструировал многолетний процесс работы архитектора над рукописью. В современной историографии истории Исаакиевского собора книга Н. П. Никитина критикуется как тенденциозная, Н. П. Никитин якобы сознательно отражал идеологические установки сталинской эпохи. Автор поставил своей целью выяснить причины и обстоятельства создания книги. Книга была издана в Ленинграде в 1939 году под названием «Огюст Монферран». В личном фонде архитектора удалось обнаружить рукопись первоначального варианта книги под названием «Исаакиевский собор. (История строительства)». В 1938 году Н. П. Никитин был вынужден переработать книгу в биографию О. Монферрана, получив отказ в публикации рукописи в изначальном варианте. Доказываемый Н. П. Никитиным на основании анализа делопроизводственных документов и чертежей тезис о решающей роли в проектировании собора русских зодчих-академистов оказался созвучен партийно-государственному руссоцентристскому курсу конца 1930-х годов, но позднее стал восприниматься как конъюнктурный. Уточнить свою концепцию, издать книгу в исправленном и дополненном виде архитектору не удалось. Проведенное исследование расширяет представления о роли и месте архитектора Н. П. Никитина в истории музея в Исаакиевском соборе, является актуальным в современном контексте изучения истории исторической науки в тоталитарном государстве.

Ключевые слова: Н. П. Никитин, Исаакиевский собор, М. Т. Преображенский, А. Л. Ротач, Огюст Монферран, Академия художеств, руссоцентризм, архитектор

Творчество архитекторов имперского Петербурга не раз становилось предметом научного изучения. Сравнительно большое число работ посвящено Огюсту Монферрану (1786–1858) [1], [5], [8]. Последняя по времени издания специальная монография о зодчем была опубликована в 2005 году известным искусствоведом В. К. Шуйским [10]. В предисловии к книге он охарактеризовал работы предшественников, в том числе и изданную в 1939 году первую научную биографию О. Монферрана, автором которой был архитектор Н. П. Никитин¹. В. К. Шуйский, отметив «богатый фактический материал» книги Н. П. Никитина и подчеркнув, что она посвящена преимущественно лишь одной из построек О. Монферрана – Исаакиевскому собору, аттестовал ее как «написанную с позиций господствовавшей в советское время вульгарной социологии и непримиримой борьбы с космополитизмом» [10: 6–7]. Между тем история создания и публикации книги Н. П. Никитина в исследовательской литературе отражения не получила и не была известна В. К. Шуйскому. Многочисленные архивные документы позволяют не только при-

знать данную им категоричную характеристику ошибочной, но и реконструировать основные этапы работы архитектора над монографией. Опубликованная на исходе 1930-х годов книга оказалась своеобразным компромиссом между «идеологически правильным» нарративом и задуманным беспартийным зодчим текстом. На концептуальном уровне исследование Н. П. Никитина являлось, с одной стороны, научно обоснованным, а с другой – отражало как личные профессиональные представления автора-архитектора, сформировавшиеся еще в 1910-е годы, так и характерные для эпохи 1930-х годов государственные идейно-политические конструкты.

Николай Петрович Никитин (1884–1971), выходец из крестьянской семьи Калужской губернии, азы архитектурного образования получил в Москве – в Строгановском училище и Училище живописи, ваяния и зодчества, а в 1914 году поступил в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств [7]. Систему подготовки будущих архитекторов в Академии в этот период отличало «гармоничное сочетание творческих, исторических и технических

дисциплин»². Воспитанники должны были приобретать высокую общехудожественную культуру, основанную на глубоком знании истории архитектуры. Исследователь В. Г. Лисовский указывает:

«Постановке преподавания исторических дисциплин в архитектурной школе Академии художеств неизменно уделялось большое внимание, а к преподаванию привлекались крупнейшие специалисты в этой области»³.

Углубленное изучение истории было связано с сформировавшимся в стенах Академии так называемым национально-романтическим направлением в архитектуре, представители которого стремились в первую очередь к решению образных задач на основе изучения и использования исторических стилей⁴. Однокашник Н. П. Никитина по Академии Н. И. Исцеленнов вспоминал о двух считавшихся приоритетными стилистических линиях – новгородской архитектуры в строительстве православных храмов и русско-го ампира [9]. По мнению В. Г. Лисовского, это движение за «национальный стиль» обусловило организацию и проведение исторических исследований, которые

«постепенно приобрели большое самостоятельное значение, позволив заложить основы научной истории русского зодчества и способствовал формированию отечественной школы архитекторов-реставраторов»⁵.

Очевидно, традиции и профессиональные установки архитектурной школы Академии оказали на Н. П. Никитина серьезное влияние.

Определяющую роль в его карьере сыграл известный своими церковными постройками в неорусском стиле архитектор М. Т. Преображенский, в профессорской мастерской которого в Академии Н. П. Никитин учился и, по словам наставника, «заявил себя как весьма способный человек»⁶. В 1919–1920 годах Н. П. Никитин занимал должность помощника архитектора Исаакиевского собора. Архитектором же являлся М. Т. Преображенский, который еще с 1918 года готовил историко-художественное исследование о памятнике⁷. Н. П. Никитин подключился к работе по обследованию здания и сбору архивных материалов по «истории построения собора, истории его полувекового существования»⁸, но вскоре должен был оставить это занятие, уехав на время из Петрограда. Составленное М. Т. Преображенским к 1922 году издание «История построения Исаакиевского кафедрального собора с обследованием состояния здания в настоящее время» опубликовано не было⁹, но предложенная им «концептуальная рамка» освещения темы оказалась в дальнейшем воспринята и воспроизведена Н. П. Никитиным. М. Т. Преображенский писал:

«Исаакиевский собор не следует рассматривать как индивидуальное творчество арх. Монферрана – автора первоначального проекта и строителя собора. Истори-

ческие данные свидетельствуют, что творчество это коллективного характера, так как в разработке проекта и создании самого храма принимали участие почти все выдающиеся художественные и технические силы страны»¹⁰.

Документально обосновать этот тезис Н. П. Никитину удастся в середине 1930-х годов.

К этому времени он обладал уже большим опытом ремонтно-реставрационных работ в Исаакиевском соборе. В 1926–1931 годах с ведома и одобрения М. Т. Преображенского¹¹ Н. П. Никитин был хранителем и архитектором собора, способствовал скорейшей музеефикации разрушавшегося памятника, занимался исследованием неравномерной осадки здания [6]. Не соглашаясь с организацией в соборе Государственного антирелигиозного музея и вступив в конфликт с его руководством, в 1931 году Н. П. Никитин оставил должность архитектора и, став преподавателем ряда технических вузов города, сосредоточился на подготовке исследования по истории памятника. Он тщательно собирал материалы, делал выписки из архивных документов, в апреле 1936 года, интересуясь биографией О. Монферрана и надеясь получить сведения из Франции, направил соответствующий запрос в Ленинградское представительство Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, но каких-либо данных не получил¹². Работа над рукописью продолжалась. В октябре 1936 года новым руководством Государственного антирелигиозного музея Н. П. Никитин был приглашен прочитать для экскурсоводов курс лекций «по истории постройки Исаакиевского собора». В подписанном по этому поводу соглашении дирекция музея взяла на себя обязательство «о несообщении в печати, до издания книги Н. П. Никитина, сведений об Исаакиевском соборе, каковые будут изложены в его лекциях»¹³. По-видимому, первоначальный вариант книги был завершен Н. П. Никитиным к лету 1937 года. В выходных данных сохранившихся третьей и четвертой корректур опубликованной книги обозначена дата сдачи рукописи в набор – 9 июня 1937 года. Кроме того, в октябре 1937 года Н. П. Никитин направил в редакцию «Архитектурной газеты» заметку с критикой статьи профессора Л. А. Ильина об О. Монферране, опубликованной на страницах периодического издания ранее. Н. П. Никитин не согласился с оценкой роли французского зодчего в проектировании Исаакиевского собора, указав, что «без архивной штудировки трудно разобраться в разных вариантах проекта собора и специфике монферрановского творчества»¹⁴. Вероятно, решимость архитектора выступить в печати с возражением Л. А. Ильину могла быть связана с ожиданием скорой публикации собственной книги.

В подписанном к печати 7 мая 1938 года каталоге изданий Издательства Всероссийской Академии архитектуры, составленном к 1 апреля

того года, в разделе книг, находящихся в печати, обозначена монография Н. П. Никитина «Строительство Исаакиевского собора»¹⁵. Ее машинописный вариант под заголовком «Исаакиевский собор (История строительства)» сохранился в архиве архитектора¹⁶. Книга должна была содержать следующие главы: «Введение. Архитектура Петербурга в эпоху строительства Исаакиевского собора», «Строительство Исаакиевского собора до Монферрана. Монферран и его прошлое. Первоначальный монферрановский проект», «Организация строительства по проекту Монферрана. Начало работ. Злоупотребления на постройке и их разоблачение», «Выступление Модии против проекта Монферрана. Создание Комитета при Академии художеств. Приостановка строительства и переработка проекта», «Возобновление строительных работ. Постройка по новому проекту Монферрана», «Условия труда и быт рабочих на постройке собора и на каменоломнях в Финляндии», «Внутреннее убранство собора. Живопись. Скульптура. Мозаика», «Конструкция фундаментов. Осадка здания как следствие дефектов в фундаментах», «Заключение. Характеристика творчества Монферрана. Архитектурный ансамбль пл. Воровского (б. Исаакиевской)». Кроме того, книга должна была включать приложение в виде комплекса впервые публикуемых архивных документов. Во вступлении к работе Н. П. Никитин пояснил причины, побудившие его к написанию книги. Он назвал Исаакиевский собор «комплексным музеем изобразительных искусств», история строительства которого важна «для понимания нашего недавнего архитектурного прошлого, для характеристики эпохи с точки зрения архитектурно-художественной, историко-технической и отчасти бытовой». И указал на продолжавшуюся к моменту издания книги неравномерную осадку здания как на «опасную болезнь», причины которой необходимо было выяснить¹⁷. Но издать работу под названием «Исаакиевский собор» в тот период, когда само здание официально обозначалось «Государственный музей – бывший Исаакиевский собор», Н. П. Никитину не удалось¹⁸.

В конце июня 1938 года московский архитектор А. В. Кузнецов сообщил Н. П. Никитину о своем разговоре с главным редактором издательства И. М. Гронским. А. В. Кузнецов писал:

«Мне было заявлено, что Комитет по делам искусств (Назаров) вычеркнул Вашу книгу из плана 1939 года. Гронский сказал, что над книгой все же можно работать, не теряя надежды издать после. Он даже обещал помочь в перепелке»¹⁹.

Отказ от публикации книги А. В. Кузнецов был склонен объяснять «загрузкой типографий изданием учебников», но в то же время посоветовал Н. П. Никитину «искать другого издателя»²⁰. Н. П. Никитин предпочел несколько перестроить саму книгу. В конце 1930-х годов относительно

популярными стали небольшие, объемом от 50 до 200 страниц, книги, посвященные русским архитекторам XVIII–XIX веков – В. И. Баженову, М. Ф. Казакову, А. Н. Воронихину и т. п.²¹ По-видимому, руководствуясь соображением, что книга о зодчем будет опубликована скорее, нежели книга о храме, Н. П. Никитин попытался переделать свою монографию, назвав ее «Огюст Монферран» и отказавшись от идеи издания рукописи в Москве.

Труд должен был стать изданием Ленинградского отделения Союза советских архитекторов, в члены которого Н. П. Никитин был принят в 1935 году²². Выход книги в задуманном автором виде оказался приостановлен внутренней отрицательной рецензией научного сотрудника Музея истории религии А. С. Тайдышко. Судя по сохранившейся третьей корректуре (случайно приобретенной нами в букинистическом магазине), его замечания были учтены, правка внесена рукой Н. П. Никитина. В первую очередь, рецензент прямо отметил, что

«содержание работы не соответствует ее теме. Книга в основном посвящена истории Исаакиевского собора, а не Монферрану. <...> То, что написано о Монферране, не более как биографическая справка...»²³.

А. С. Тайдышко верно подметил специфику книги, первоначально задуманной как история памятника. В соответствии с замечанием в названии работы были внесены изменения, отразившиеся в корректуре: «Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны». А. С. Тайдышко настоятельно рекомендовал снабдить книгу «хорошей вводной статьей от редакции»²⁴, и корректура зафиксировала это предложение – согласно пометке, книга должна была выйти не только под редакцией, но и с предисловием архитектора В. В. Попова. Текст Н. П. Никитина требовал помещения в идеологически «приемлемый» контекст. Рецензент писал:

«Чрезвычайно важным пороком книги является также то, что за тканью повествования очень трудно определить отношение автора к описываемым им фактам. <...> Сообщая тот или иной факт из истории строительства собора или жизни Монферрана, автор даже не пытается найти правильного исторического объяснения к нему»²⁵.

Следствием рецензии стали многочисленные исправления текста, фиксируемые при сличении корректуры с опубликованной книгой. Изменения, сказавшиеся на тональности текста, коснулись приводимых характеристик царских особ. Упоминания о роли и личном участии Александра I либо просто вымарывались, либо переиначивались диаметрально противоположным образом. В первоначальном варианте:

«Почему Александр I, убедившись в недоброкачественности и неисполнимости монферрановского проекта, не отказался от него – непонятно. Возможно, он не

хотел отменить свое решение, чтобы не создавать лишние разговоры о напрасно израсходованных средствах, так как постройка зашла уже далеко».

В опубликованном варианте:

«Почему Александр I, убедившись в недоброкачественности и неисполнимости монферрановского проекта, не отказался от него – понятно: он не хотел дать тем самым повод для распространения в столичных кругах, а затем и в народе уже начавшихся разговоров о напрасно израсходованных огромных средствах, так как постройка зашла довольно далеко»²⁶.

Участие Николая I в строительстве собора, напротив, всячески подчеркивалось в опубликованном, прошедшем редактуру тексте. Так, в книге появились чужеродные для текста Н. П. Никитина строки:

«По прихоти царя в замыслы архитекторов вносились элементы разнородных стилей, мешанской роскоши, пестрота и перегруженность украшениями. <...>. Бессмысленное и несправедливое преследование художников Басина и Егорова характеризует Николая и как профана в вопросах искусства и как жестокого деспота-самодура. История заклеила Николая как прямого виновника гибели великих русских писателей Пушкина и Лермонтова, как неустанного гонителя Белинского, Герцена, Шевченко и многих других, как душителя всякого проявления свободной мысли»²⁷.

Тенденциозности книги добавило и предисловие В. В. Попова, в котором он отметил описательный характер работы Н. П. Никитина, допуская, что «тщательное изложение официальных материалов связывало автора, мешало ему дополнить своими критическими замечаниями приводимые сведения и факты»²⁸.

Н. П. Никитин, как представляется, и не стремился к широким критическим обобщениям, он реконструировал историю памятника, подчеркивая его культурное значение. Говоря о художественном убранстве собора, о потаенных под «вечно темными сводами» живописных произведений русской академической школы, он прямо объявлял: «Это целый музей живописи, находящийся в центре Ленинграда и с этой стороны мало кому известный»²⁹. Эта фраза, ясно выражающая представление Н. П. Никитина о желательном профиле музея в соборе, в опубликованное издание не вошла. Книга была подписана в печать 19 августа 1939 года и содержит следующие главы: «Биографические сведения о Монферране. Творческий путь Монферрана», «Первые (парижские) работы Монферрана», «Строительство Исаакиевского собора по первоначальному проекту Монферрана. Критика монферрановского проекта архитектором Модюи и переработка проекта комитетом Академии художеств», «Новый проект Исаакиевского собора и его осуществление», «Условия труда рабочих на постройке Исаакиевского собора и на каменоломнях в Финляндии», «Конструкция фундаментов Исаакиевского собора. Осадка здания как следствие дефектов в фундаментах. Графи-

ческая фиксация осадочного движения Исаакиевского собора и укрепление оснований колонн в 1928–1929 годах», «Александровская колонна», «Архитектурный ансамбль площади Воровского (б. Исаакиевской)». Очевидно, что структурно издание близко первоначальному варианту книги, хотя и содержит дополнительные, специально выделенные главы. В основной своей части текст сохранился практически без изменений. Присущая ему степень подробности изложения событий истории Александровской эпохи и Николаевского царствования, в том числе сюжетов из жизни Двора, эпизодов соперничества различных сановников (А. Н. Оленина и М. А. Милорадовича, например), кажется небывалой для историографии 1930-х годов. Недавно ушедший исследователь Р. Ш. Ганелин, характеризуя лекционный курс известного историка С. Б. Окуня того же 1939 года, отмечал, что ему удалось

«преодолеть запрет, невысказанный, но совершенно определенный, под которым долгое время оставалось изучение внутриполитической истории XIX и начала XX в.» [3: 101].

Думается, что в некотором роде этот запрет был преодолен и Н. П. Никитиным.

Причина публикации его книги, значительно превосходившей в объеме аналогичные издания о других зодчих, крылась не только в заинтересованности действовавшего в Исаакиевском соборе музея проведенным им историческим исследованием, но и в самой отстаиваемой Н. П. Никитиным концепции истории памятника. На рубеже 1920–1930-х годов архитектор занимался ремонтно-реставрационными работами в соборе, в том числе инструментальной съемкой и графической фиксацией неравномерного осадочного движения здания и укреплением оснований колонн портиков. Проанализировав архивные делопроизводственные документы и чертежи, Н. П. Никитин пришел к выводу, что происходящие деформации вызваны ошибками О. Монферрана на первом этапе строительстве храма. Он определил 15 «основных недочетов, допущенных Монферраном при проектировании и постройке здания»: «неудачный выбор конструкции фундамента в виде сплошной плиты на общем свайном основании под частями здания с разными нагрузками», «нерациональность применения сплошного свайного основания только в пределах контура здания, без укрепления грунтов в радиусе действия радиальных напряжений», «употребление в бутую кладку мелкого гранита вместо крупного» и т. д.³⁰ Впервые на ряд ошибок французского зодчего указал еще в 1820 году архитектор А. Модюи, вызвав приостановку строительства собора и участие в исправлении первоначального проекта О. Монферрана членов созданного при Академии художеств специального комитета. На основании архивных материалов Н. П. Никитин заключил, что предложенный О. Монферраном

в 1825 году и утвержденный императором новый проект собора аккумулировал в себе лучшие идеи русских архитекторов-академистов (А. Михайлова, В. Стасова, А. Мельникова и др.). В силу этого он утверждал, что

«Исаакиевский собор является произведением не столько индивидуального, сколько коллективного творчества. Участие же в украшении собора художников (живописи, скульптуры и мозаики), лучших представителей русской академической школы, завершило художественный облик этого памятника русского зодчества»³¹.

Нельзя не заметить совпадение научно обоснованного вывода Н. П. Никитина с тем, к которому ранее пришел его наставник М. Т. Преображенский.

Однако на исходе 1930-х годов предложенная трактовка, истоки которой можно попытаться увидеть и в идейном климате Академии художеств 1910-х годов, как никогда прежде перекликалась с утверждаемой на партийно-государственном уровне идеологией. Идеологические изменения, которые современный исследователь Д. Бранденбергер именует «руссоцентризмом», «руссоцентричной формой этатизма» [2: 8], начались с 1934 года, когда на заседании политбюро И. Сталин, требуя новых учебников по истории СССР, а не по истории народов России, подчеркнул: «Русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас» [4: 658]. Доказываемая на основании комплекса источников мысль Н. П. Никитина о приоритете русских зодчих-академистов в деле проектирования Исаакиевского собора «совпала» с эпохой. Неслучайно столь прозорливый и недоброжелательный критик труда Н. П. Никитина А. С. Тайдышко без обиняков отметил: «Положительным в работе является привлечение материалов, показывающих роль русских зодчих в строительстве собора»³². Обвиняя Н. П. Никитина в «непримиримой борьбе с космополитизмом», В. К. Шуйский не увидел всю сложность историографического и идейно-политического контекста, в котором появилась анализируемая книга.

Н. П. Никитин стремился переиздать опубликованную в 1939 году тиражом всего в 2600 экземпляров книгу, внося в текст исправления. В 1952 году своими планами он делился с киевским архитектором С. В. Безсоновым (возможно, его однокашником по Строгановскому училищу), который об этом желании даже «говорил в издательстве», но выяснил лишь, что,

«кроме новых материалов, книгу следует пополнить марксистским очерком истории данного периода и выводами о возможности практического приложения работы»³³.

Такой вариант архитектора не устроил. В 1960 году Н. П. Никитин обращался с предложением о переиздании книги в Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. В отправленном тогда же письме И. Э. Грабарю он рассказал, что хочет развить раздел книги, посвященный живописи, и нуждается в компетентном соавторе. Н. П. Никитин пояснял:

«По живописи у меня имеется много архивного материала и фото, по архитектуре много неиспользованного материала, не вошедшего в книгу (сокращенного издательством)»³⁴.

Очевидно, публикация 1939 года не вполне удовлетворяла (да и не могла удовлетворять) архитектора, просто переиздать ее большим тиражом он не хотел. В 1961 году из издательства пришел отказ, опубликовать свое дополненное исследование Н. П. Никитину не удалось.

В 1962 году из печати вышла небольшая, подготовленная в архитектурной секции Ленинградского отделения Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР брошюра «Исаакиевский собор» авторства архитектора А. Л. Ротача, руководившего послевоенной реставрацией памятника и опиравшегося при работе над текстом на книгу Н. П. Никитина и введенные им в научный оборот архивные документы³⁵ [12]. Преследуя цель предотвратить грозившую собору в тот момент реконструкцию и связывая идею ее проведения с тезисом о многочисленных ошибках О. Монферрана, А. Л. Ротач категорически отрицал их, а также зафиксированную Н. П. Никитиным неравномерную осадку здания³⁶. А. Л. Ротач отверг отстаиваемую Н. П. Никитиным концепцию о решающем вкладе зодчих-академистов в проектирование памятника, впервые напрямую (ошибочно!) связав ее появление с «общепринятой в то время, 1930-е годы, традицией охаивания Монферрана»³⁷. Научное исследование истории Исаакиевского собора, осуществленное на высоком профессиональном уровне (Н. П. Никитин по книге защитил докторскую диссертацию в 1945 году³⁸) в сталинскую эпоху, в дальнейшем стало восприниматься как конъюнктурное. В этом подлинный трагизм судьбы его автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никитин Н. П. Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л., 1939.

² Лисовский В. Г. Академия художеств и ее архитектурная школа в процессе развития русской архитектуры XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Л., 1986. С. 36.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 31–32.

- ⁵ Там же. С. 43–44.
- ⁶ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. 1914 год. Д. 138. Никитин Николай Петрович. Л. 75.
- ⁷ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. Л. 35, 43.
- ⁸ Архив КГИОП. Ф. 59. Д. П-178. Исаакиевский собор. Переписка. 1918–1940 годы. Л. 308об. Автор признателен начальнику Отдела популяризации объектов культурного наследия КГИОП Юлии Юрьевне Бахаревой за возможность ознакомиться с делом.
- ⁹ РГИА. Ф. 502 (Кабинет архитектора Монферрана). Оп. 4. Д. 11. О техническо-художественных совещаниях по делам Исаакиевского собора. Л. 41. Рукопись М. Т. Преображенского пока не найдена.
- ¹⁰ Там же. Л. 38.
- ¹¹ ЦГА СПб. Ф. 2555 (Ленинградское отделение Главнауки). Оп. 1. Д. 1331. Исаакиевский собор и Петропавловский собор. Л. 108, 115.
- ¹² НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 31. Материалы, собранные об О. Монферране и строительстве Исаакиевского собора: выписки из документов, хранящихся в ЛОЦИА и др. Л. 6.
- ¹³ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 15. Документы по работе в Исаакиевском соборе. Л. 6.
- ¹⁴ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 47. Письма Н. П. Никитина. Л. 3.
- ¹⁵ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 34. Рукопись «Исаакиевский собор. (История строительства)». Л. 3, 8.
- ¹⁶ Там же. Л. 17–195.
- ¹⁷ Там же. Л. 18.
- ¹⁸ Еще в марте 1937 года Ленинградский Музейный совет при Культпросветотделе Ленсовета проводил сессию, посвященную идее изменения профиля музея с антирелигиозного на так называемый музей-памятник. Активное участие в работе сессии как консультант музея принимал Н. П. Никитин, под руководством которого проходил осмотр специально устроенной выставки. См.: Архив КГИОП. Ф. 59. Д. П-178. Исаакиевский собор. Переписка. 1918–1940 годы. Л. 104–109об.
- ¹⁹ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 50. Письма А. В. Кузнецова и его дочери. Л. 1. Алексей Иванович Назаров (1905–1968) – в 1938 году председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР.
- ²⁰ Там же. Л. 1–2.
- ²¹ Снегирев В. Л. Архитектор В. И. Баженов. М., 1937; Бондаренко И. Е. Архитектор Матвей Федорович Казаков. 1738–1813. М., 1938; Панов В. А. Архитектор А. Н. Воронихин. Очерк жизни и творчества. М., 1937.
- ²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союзаархитекторов СССР). Оп. 3. Д. 304. Николай Петрович Никитин. Л. 12об.
- ²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 40. Рецензия научного сотрудника А. Тайдышко на книгу Н. Никитина «Огюст Монферран». Л. 2.
- ²⁴ Там же. Л. 5.
- ²⁵ Там же. Л. 1–2, 3.
- ²⁶ Никитин Н. П. Огюст Монферран. С. 65.
- ²⁷ Там же. С. 112.
- ²⁸ Там же. С. VIII.
- ²⁹ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 34. Рукопись «Исаакиевский собор. (История строительства)». Л. 137. Эта фраза есть и в корректуре.
- ³⁰ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 40. Тезисы к защите кандидатской диссертации. Л. 6, 6об., 11; ЦГА СПб. Ф. 2881 (ПГУПС). Оп. 15. Д. 337. О присвоении ученой степени кандидата технических наук Никитину Н. П. Л. 5.
- ³¹ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 40. Тезисы к защите кандидатской диссертации. Л. 4об.–5.
- ³² ЦГАЛИ СПб. Ф. 330 (ГМП «Исаакиевский собор»). Оп. 1. Д. 40. Рецензия научного сотрудника А. Тайдышко на книгу Н. Никитина «Огюст Монферран». Л. 5.
- ³³ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 53. Письма друзей и знакомых Н. П. Никитину. Л. 5об.–6.
- ³⁴ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 49. Переписка с И. Э. Грабарем. Л. 18об.
- ³⁵ Ротач А. Л. Исаакиевский собор – выдающийся памятник русской архитектуры. Л., 1962.
- ³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 598 (Ротач А. Л.). Оп. 1. Д. 67; Ротач А. Л. Исаакиевский собор. К 100-летию со дня освящения. Л. 28.
- ³⁷ Там же. Л. 2.
- ³⁸ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н. П.). Оп. 1. Д. 5. Документы, связанные с утверждением в ученых степенях и званиях. Л. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов В. В. Дом Монферрана на Мойке // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. VI. СПб., 2003. С. 269–289.
2. Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: Академический проект: Изд-во ДНК, 2009. 416 с.
3. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2006. 408 с.
4. Ганелин Р. Ш. Сталин и советская историография предвоенных лет // Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века: Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2014. С. 649–675.
5. Краснова Е. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о жизни Монферрана (Монферран без архитектуры) // История Петербурга. 2011. № 6 (64). С. 11–19.
6. Любезников О. А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М. Т. Преображенский, Н. П. Никитин, А. П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб.: ЛЕМА, 2017. 68 с.
7. Любезников О. А. «Труд большей части моей жизни...»: Исаакиевский собор в судьбе архитектора Н. П. Никитина (к истории музеефикации памятника) // Музей – Памятник – Наследие. 2017. № 1. С. 68–79.
8. Ротач А. Л., Чеканова О. А. Монферран. Л.: Лениздат, 1979. 176 с.
9. Фицхеларова М. Беседа с архитектором Н. И. Исцеленновым – специалистом по церковной архитектуре // Русская мысль. 1971. 21 октября. № 2865. С. 7.
10. Шуйский В. К. Огюст Монферран. История жизни и творчества. СПб.; М.: Центрполиграф: МиМ Дельта, 2005. 414 с.

Lyubeznikov O. A., Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

**ARCHITECT N. P. NIKITIN AND HIS BOOK *AUGUSTE MONTFERRAND*:
PROBLEM OF SCIENTIFIC REPRESENTATION OF THE HISTORY
OF ST. ISAAC'S CATHEDRAL IN THE STALIN ERA**

The article is concerned with the history of publishing a monograph about the construction of St. Isaac's cathedral written by a Leningrad architect N. P. Nikitin. The author used numerous unpublished documents from the five archives of St. Petersburg and reconstructed the long process of the architect's work on the manuscript. In the modern historiography of the history of St. Isaac's Cathedral Nikitin's book is criticized as tendentious, and N. P. Nikitin is accused of reflecting the ideological attitudes of the Stalin era. The author set his goal to find out the causes and circumstances of the book's creation. The book was published in Leningrad in 1939 under the title *Auguste Montferrand*. The author found the first version of the manuscript under the title *St. Isaac's Cathedral. (History of the Construction)* in N. P. Nikitin's personal archive. In 1938, N. P. Nikitin received a refusal to publish the manuscript in its original form and was forced to rework the book into the biography of Auguste Montferrand. N. P. Nikitin wrote about the decisive role of Russian academic architects in the designing of the cathedral. This thesis was consonant with the Russian-centrist line of the party policy in the 1930s, but later became perceived as conjuncture. The architect wanted to correct his book, but could not republish it. The article is relevant to the modern context of studying the history of historical science in the Soviet Union.

Key words: N. P. Nikitin, St. Isaac's Cathedral, M. T. Preobrazhensky, A. L. Rotach, Auguste Montferrand, Academy of Arts, Russocentrism, architect

REFERENCES

1. Antonov V. V. Montferrand's house on Moika. *Nevsky Archive: Local history collection*. 2003. Issue IV. P. 269–289. (In Russ.)
2. Brandenberger D. National Bolshevism. Stalin's mass culture and the formation of Russian national identity. 1931–1956. St. Petersburg, 2009. 416 p. (In Russ.)
3. Ganelin R. Sh. Soviet historians: what they talked about among themselves: Pages of memories of the period between the 1940s and the 1970s. St. Petersburg, 2006. 408 p. (In Russ.)
4. Ganelin R. Sh. Stalin and Soviet pre-war historiography. In *Russia of the twentieth century: Articles of various years*. Moscow, 2014. P. 649–675. (In Russ.)
5. Krasnova E. I. Unknown and little-known materials about the life of Montferrand (Montferrand without architecture). *History of Petersburg*. 2011. No 6 (64). P. 11–19. (In Russ.)
6. Lyubeznikov O. A. St. Isaac's Cathedral in 1917–1920s. Architects M. T. Preobrazhenskij, N. P. Nikitin, A. P. Udalenkov and the problem of memorialization of the monument. St. Petersburg, 2017. 68 p. (In Russ.)
7. Lyubeznikov O. A. "The work of the most part of my life...": St. Isaac's Cathedral in the fate of the architect N. P. Nikitin (to the history of museumification of an architectural monument). *Museum – Monument – Heritage*. 2017. No 1. P. 68–79. (In Russ.)
8. Rotach A. L., Chekanova O. A. Montferrand. Leningrad, 1979. 176 p. (In Russ.)
9. Fitshelaurova M. A conversation with the architect N. I. Istselennov, a specialist in church architecture. *Russian Thought*. 1971. October 21. No 2865. P. 7. (In Russ.)
10. Shujskij V. K. Auguste Montferrand. History of life and work. St. Petersburg, Moscow, 2005. 414 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.12.2018

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ЯСТРЕБОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
научный сотрудник Отдела рукописей
Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
yastrebochek@gmail.com

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ПИСЧУРНИКОВА

ассистент кафедры иранской филологии Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e.pischurnikova@spbu.ru

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КОСТИКОВ

аспирант, лаборант-исследователь Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
skostikov1@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ПЕРСИДСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ ЭПОХИ СЕФЕВИДОВ: РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧЕЛОБИТНЫХ КУПЧИНЫ ХВАДЖИ РАХМАТА*

Цель статьи состоит в исследовании русских заимствований в языке персидских купцов, торговавших в России XVII века. Персидские заимствования в русском языке этого периода хорошо изучены и документированы, чего нельзя сказать о русизмах в персидском языке. Это отчасти связано с плохой сохранностью и недостаточной изученностью персоязычных архивных документов той эпохи. Непосредственная задача, которую поставили перед собой авторы статьи, – анализ лексического состава челобитных купчины сефевидского шаха Сафи I Хваджи Рахмата и его писаря ‘Абд ал-Вали, написанных на имя царя Михаила Федоровича в 1630–1631 годах и хранящихся в фонде 77 РГАДА «Сношения России с Персией». Персоязычные архивные источники подобного характера ранее не привлекались для исследования русско-персидских языковых контактов, что обуславливает актуальность выбранной темы. Исследование показало, что выбранные источники позволяют значительно расширить наши представления о проникновении русских лексем в персидский язык, и дало возможность сделать вывод о том, что процесс лексического заимствования в это время шел в обоих направлениях. Заимствовались в основном термины, так или иначе связанные с торговлей, которая в XVI–XVII веках была нишей непосредственного соприкосновения русской и иранской культур. Анализ заимствований предшествует краткий обзор торговых и дипломатических связей между Сефевидским Ираном и Московским царством, а также историографический обзор исследований по теме взаимных заимствований в русском и персидском языках.

Ключевые слова: XVII век, лексические заимствования, русский язык, персидский язык, государство Сефевидов, Московское царство, Михаил Федорович, Сафи I, русско-иранские дипломатические отношения, русско-иранские торговые отношения

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Завоевание в 1556 году Астрахани Русским царством и распространение влияния Рюриковичей на предгорья Восточного Кавказа ознаменовали начало эпохи устойчивого развития российско-персидских экономических контактов. Получив выход к Каспийскому морю, Москва смогла наладить политические и коммерческие связи с властными центрами региона, прежде всего с Сефевидской империей. С тех пор и вплоть до падения Сефевидов в 1722 году русско-иранские отношения знали всего один открытый конфликт 1651–1653 годов, а обмен по-

сылствами и торговля не прекращались даже в годы Смуты [7: 401–433], [8: 13–40].

С момента установления постоянных дипломатических контактов между Сефевидским Ираном и Московским государством политические и торговые дела двух стран оказались тесно переплетены. Торговый агент шаха был непременно участником персидских посольств, да и сами послы зачастую не пренебрегали коммерцией, и наоборот, многие персидские купцы исполняли функции дипломатических посланников. В русских документах они обозначались как гонцы и «купчины»¹. Передавая шахские грамоты царю,

они способствовали поддержанию двусторонних политических контактов; кроме того, они привозили принадлежавшие шахской казне товары и продавали их, а также закупали от имени шаха предметы русского производства.

Купчины обладали значительными привилегиями: они освобождались от таможенных сборов², им бесплатно предоставлялись склады и транспорт. Важно отметить, что русские «купчины с государевой казною» также совершали дипломатические поездки в Кызылбашское государство, как тогда называли Иран. Самое известное из подобных путешествий было совершено Федотом Котовым в 1623–1624 годах, то есть менее чем за десятилетие до составления документов, которые рассматриваются в данной статье [12].

ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

Рост товарооборота и налаживание регулярных дипломатических связей повлекли за собой активизацию культурного обмена, одним из проявлений которого стало взаимное обогащение двух языков, русского и персидского, новыми лексемами.

Для русского языка это была далеко не первая волна иранских лексических заимствований: в нем присутствуют элементы, проникшие еще в общеславянский язык. Процесс заимствования продолжился в средние века [11: 33–44], [18], [21: 142]. Многие персидские слова попадали в русский язык опосредованно – через тюркские языки.

Поскольку пласт персидской заимствованной лексики, вошедший в русский язык в XVI–XVII веках, обширен и хорошо задокументирован в письменных источниках, он привлек особое внимание исследователей. С конца XIX века велись активная публикация и изучение архивных документов, связанных с персидско-русской дипломатией и торговлей, в которых эта лексика присутствует в большом количестве³.

Первая научная работа, в которой были собраны и систематизированы персидские заимствования в деловом языке Русского царства, принадлежит Е. К. Бахмутовой [5]. Ее автор выделила два пути проникновения таких заимствований: через русских пленников, продававшихся в страны Ближнего Востока и Центральной Азии (ясырь, полон), и через дипломатические и торговые контакты. Она также отметила, что языковые связи Ирана и России в тот период были ограничены сферой экономики, не затрагивая сферу литературы, философии и науки [5: 45].

Заимствованные лексемы Е. К. Бахмутова разделила на две тематические группы: термины, связанные с торговлей (названия товаров – прежде всего сортов тканей, меры веса и упаковки, слова, связанные с организацией торговли,

площадным искусством, некоторые абстрактные слова), и иранизмы, проникшие в русский язык в XVI–XVII веках в результате знакомства с административным устройством Ирана, его бытом, топонимикой и ономастикой [5: 47–66]. Целый ряд слов из торгового лексикона вошел в состав единого литературного русского языка и существует в нем до сих пор (амбар, караван, сарай), в то время как другие перешли в разряд устаревших и вышли из употребления вместе с обозначаемыми ими реалиями.

Интерес исследователей к иранизмам в русской лексике существует и поныне. Так, Х.-Д. Поль составил перечень слов иранского происхождения со ссылками на этимологические словари [26]; А. Эристон попытался целому ряду слов неясной или спорной этимологии дать объяснение как происходящим из иранских языков [22]. Восточным, в том числе иранским, заимствованиям в языке Московского государства посвящены диссертация и монография Г. Х. Гилязединовой [9]. Совместно с Р. М. Акбари ею была написана статья о семантической адаптации русских заимствований в персидском языке XIX–XX веков [10]. Акбари посвятила отдельную статью фонетической трансформации русизмов в персидском языке [4]. В последние годы этой теме уделяли внимание иранские исследователи, в том числе М. Р. Мохаммади и С.-М. Мортазави [16], а Н. Абдалтаджедини написала кандидатскую диссертацию об иранизмах в мемуарах, дневниках и письмах А. С. Грибоедова и А. П. Ермолова, по материалам которой было опубликовано несколько статей [2], [3].

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение русизмов в персидском языке велось менее интенсивно. Исследователи относят начало активного проникновения русских слов в персидский язык к XVI веку, то есть к периоду, когда между Русским царством и империей Сефевидов устанавливаются прочные торговые и дипломатические связи [17: 55]. Л. С. Пейсиков относит к «сефевидскому» периоду проникновение в персидский целый ряд русских слов. Однако не все перечисленные им лексемы можно отнести к этому времени: так, упомянутое им слово *самовар* (سماور) происходит от русского «самовар», но обозначаемые им приборы для подогрева воды стали производиться в России лишь с середины XVIII века; таким образом, лексема, скорее всего, проникла в персидский язык в XIX веке.

Вторая, гораздо более обширная группа проникла в персидский язык в XIX–XX веках. В ней преобладает военная и техническая терминология [17: 55–56]. Иранский ученый А. Садики (علی اشرف سادقی) дал исторический обзор иранско-русских взаимоотношений и составил обширный перечень русизмов, сгруппированных

по хронологическому и тематическому признакам. К самым ранним лексическим заимствованиям он относит слова *کناس* (*кинās*) – князь, *کاپیتان* (*капйтāн*) – капитан и *صوم* (*сūм*) – рубль, встречающиеся в «Аббасовой мироукрашающей истории» Искандар-бека Мунши, которая была написана в правление шаха ‘Аббаса I (1588–1629)⁴ [28: 12–13]. Еще одним известным нам заимствованием того времени стало слово *гирванка* – рус. гривенка, которое, скорее всего, проникло в язык в XVII веке [1]. Столь малое количество русизмов в персидском языке, зафиксированных в эпоху правления Сефевидов, вызывает некоторое удивление на фоне постоянства двусторонних контактов и обилия вошедших в это же время в русский язык персизмов.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

С нашей точки зрения, существующее представление искажено неполнотой источников, введенных к настоящему времени в научный оборот. Работы лексикографического характера используют в качестве источников толковые и этимологические словари. Поскольку в России изучение архивных документов по иранскому направлению торговли и дипломатии началось достаточно давно и множество таких документов было издано еще в XIX веке, содержащийся в них лексический материал, в том числе большой объем устаревших слов, попал в поле зрения лексикографов и был включен в словари. В Иране же ситуация складывалась иначе: толковые словари современного персидского языка базируются на художественной литературе, историографии, лексикографических трудах предшественников и исследованиях по современной диалектологии.

Документальных источников, актов и грамот Сефевидского времени по интересующему нас направлению отношений с Россией сохранилось мало. Из них публиковались в основном официальные фирманы, написанные формальным канцелярским стилем. Документы же, касающиеся насущных и повседневных торговых дел, переписка чиновников и купцов того времени, в которой были бы отражены процессы развития языка, практически не сохранились.

В основу исследования нами положены тексты челобитных на персидском языке на имя царя Михаила Федоровича, которые относятся к миссии посланного от имени шаха Сафи I (1629–1642) купчины Хваджи Рахмата. Обязанности последнего как торгового представителя шаха включали в себя не только совершение торгового обмена, но и передачу официальных посланий: письма к русскому царю от шаха Сафи и ответного послания от Михаила Федоровича, в котором тот поздравлял шаха со вступлением на престол и жаловался «на помянутого купчину его в привозе многих товаров, которые для избегания по-

шлин назвал все принадлежащими его шахову величеству».

Рассматриваемые здесь документы относятся к 1630–1631 годам и хранятся в фонде 77 РГАДА «Сношения России с Персией», в разделе, который назван в описи фонда «Реестр II. Персидского двора старых лет делам, в столпцах содержащимся. С 1588-го по 1700 год»⁵. Опись составлена в конце XVIII века, поэтому несет в себе следы многократного редактирования и перенумерации. Дело № 1 за 1630 год (л. 69об. описи) описано как «Приезд от шаха Сефия купчины Хозя Моллы Рахмета и отпуск его»; оно насчитывает 237 листов и содержит 14 оригинальных челобитных с переводами, выполненными русскими толмачами⁶. Челобитные написаны на персидском языке почерком *наста’лик* с элементами *шикасте*, на отдельных листах. Переводы толмачей выполнены скорописью, также на отдельных листах. Исследование текста документов проводилось по микрофильмам, что не позволяет дать более полную палеографическую характеристику источников.

Из содержания челобитных следует, что за время своей миссии Хвадже Рахмату довелось столкнуться со многими трудностями: его обвиняли в том, что он выдает свои товары за казенные (и потому беспошлинные); русские купцы отказывались продавать ему соболей из-за запрета; трудно было достать подходящие для перевозки товаров корабли; хозяин двора, в котором купчине было разрешено пользоваться баней, без видимых причин избил его слуг, а во время драки у персидского толмача пропал изумруд. Другой участник миссии просит помощи в поимке беглой ногайской рабыни (ясыря), которую он приобрел в Астрахани.

Примечательно, что в каждом из этих документов встречаются лексические заимствования из русского языка. Для всех челобитных сохранились переводы, составлявшие толмачами посольского приказа. Эти переводы далеко не всегда дословно передают текст оригинала, но все же позволяют убедиться в правильном понимании терминов, которые мы характеризуем как заимствования из русского языка, а также уточнить их смысл в данном контексте.

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧЕЛОБИТНЫХ ХВАДЖИ РАХМАТА И ‘АБД АЛ-ВАЛИ

1) *کوپچین / کوپچین* (*кўбчйн/кўпчйн*) – купчина.

Торговые люди, продававшие и покупавшие различные товары от имени казны персидского шаха, в персидских документах эпохи Сефевидов именовались тюркским термином *киракйарāк* (*کرکیراق*), обозначающим поставщика ко двору шаха или хана [25: III, 593–595]. В русских документах, как указано выше, торговых представителей шаха повсеместно называли

словом «купчина». Можно утверждать, что между этими словами существовало устойчивое терминологическое соответствие. Хваджа Рахмат лишь в четырех из тринадцати челобитных называет себя *киракйарāk*, в остальных же девяти — *خواجه رحمت کوبچين*: «купчина Хваджа Рахмат». Купчиной называет себя и 'Абд ал-Вали. Это слово не зафиксировано в персидских толковых словарях, но встречается в среднеазиатских документах. Так, например, бухарское посольство Кули-бека Тупчи-баши сопровождал *кўпчйн* (فوچين) Хасан Баба⁷.

2) *کناس* (*кинās*) — князь.

Этим словом, которое в четырнадцати челобитных употреблено 23 раза, авторы называют не только людей княжеского достоинства, но и любых высокопоставленных начальников. В переводах толмачей оно в большинстве случаев передается как «воевода».

پادشاه جنت مکان به کناسان هشترخان نوشت که آنچه از رفعت پناه
خواجه رحمت کوبچين بعلت تمغا گرفته اند باو واپس دهند که مال سرکار
خاصه شریفه است

Покойный падишах князьям астраханским написал, мол, то, что взяли с высокопоставленного купчины Хваджи Рахмата в качестве пошлины, пусть отдадут ему, так как это имущество благородного двора (здесь и далее после персидского текста будет дан перевод на русский, выполненный авторами статьи, а затем вариант толмача, сопровождавший каждый документ)⁸.

دیگر عرض میرساند که شفقت نموده چون بنام کناس ترک حکم شفقت
نموده حکم خواهند داد بنام کناس شوق هم دو کلمه نوشته بفرستند که اگر
احیاناً باز گریخته بخانه چرکس برود کناس شوق میر شهمن ملازم این غلام
را گرفته بدست این غلام بسیار ند

Еще доводит до сведения, что, когда милостью [государя] будут писать приказ терским князьям, написали бы также два слова князю Шолоху⁹, чтобы если слуга сего раба Мир Шахман снова убежит и предположительно пойдет к черкесам, князь Шолох схватил бы его и передал сему рабу.

В переводе толмача:

...Гдрь мой человека черкасы ... и вам и гдрь пожаловат мне велеть послать к терскому воеводе свое государево повеление чтоб того подговоренного гдрь мой человека Мир Шагмена гдрь мой живого сыскав мне отдали да и к черкаскому к Шелоху князю вам гдрь про то человека своего государева послать чтоб и Шелоху князю ево сыскал же а во всем ваша гдрская воля¹⁰.

اتفاقا دو کلام الله مصحف مجید در میان صندوق با بعضی متاع
مردم اروس برده بودند در قلعه قزان مردم این غلام در دکان یک نفر
موجک دیده شناخته اند از دست او گرفته بدست بیار خود داده بقلعه
در توره خانه پادشاه فرستادند کناسان انجا ازو پرسیده موجک گفت که
در هشترخان خریده ام کناسان گفتند که تمغای پادشاه بزرگ را داده یا
نه در تمغا خانه نوشته اند یا نه

Так случилось, что в сундуке, который унесли русские, были два Священных Корана. Люди этого раба в Казанской крепости в лавке одного мужика увидели [их], опознали, отобрали у него и отдали своему приставу, а его отправили в *тұра-хāна* в крепости. Князя его

расспросили [об этом], мужик сказал: «Я купил в Астрахани». Князя спросили: «Платил ли пошлину великого государя, и записали ли их в таможене?»

В переводе толмача:

...унесли сундук с товаром а в том сундуке с товаром были моих две книги Кураны и те государь книги в Казани узнали люди мои у мужика в лавке и за них и поимали и с приставом отосла[л] в город к воеводам и воеводы того мужика расспрашивали где он те книги взял и мужик сказал что он купил в Астрахани и воеводы ево спрашивали в таможене он тою пошлину с них платил ли и записывал ли¹¹.

Слово *кинās* (کناس) встречается в исторических источниках. Например, в сочинении «Надинова миропокоряющая история» Мирзы Мухаммада Махди-хана Астарабади так назван русский посол князь Сергей Дмитриевич Голицын, направленный в Персию в 1734 году [27: 229, 246, 247, 259]. Отмечено оно, как было упомянуто выше, и в «Аббасовой мироукрашающей истории» Искандар-бека Мунши, где упоминается прибывший в 1027/1617–1618 году посол «из амиров и князей, пользующихся доверием той (правящей) династии». Садики относит его к самым ранним заимствованиям из русского в персидский язык [28: 12–13].

3) *بیار* (*байār*) — боярин.

Это слово употреблено в челобитных неоднократно. В толмаческих переводах ему везде соответствует слово «пристав» — так называли бояр, прикрепленных к посольствам или купеческим миссиям. При Хвадже Рахмате приставом был боярин Лаврентий Раевский, его имя упоминается в заголовке перевода одной из челобитных. Пример:

این کمترین غلام بیار خود را طلبیده احوال را عرض کرد بیار این
کمترین غلام چند مرتبه در پیش صاحب خانه قراول ها را فرستاد صاحب
خانه را طلبید که احوال به پرسد صاحب خانه نیامد آخر بیار باز کس فرستاد
که چون شما نمایید زمره را پیدا کرده جهة ما بفرست صاحب خانه جواب هم
فرستاد و بعد ما بیار خود را به توره فرستادم در توره کسی ننشسته بود

Этот нижайший раб призвал своего пристава и рассказал о произошедшем. Пристав сего малейшего раба несколько раз посылал стражников к хозяину дома, требовал его, чтобы расспросить, но тот не пришел. Наконец, пристав снова послал человека [сказать]: «Если не приходите, то найдите изумруд и пошлите к нам». Хозяин дома не ответил, и после этого мы отравили своего пристава в приказ. В приказе никого не было.

В переводе толмача:

...гдрь толмача моево и били твой гдрь толмача и караульщики то видели и я последней холоп призвал к себе пристава и про тот бои ему росказал и пристав к хозяину двора тово посылал караульщиков неодиновжды хотя роспросит его зачто драка учинил и он к приставу не пришел и пристав послал к нему после тово и велел ему говорить коли он сам не придет и он бы зумруд велел сыскав отдать и он против тово слова к приставу ничево не приказал и я после тово посылал пристава в приказ для суда и в те поры в приказе никаво небыло¹².

4) *موجک* (*mūdžik*) – мужик.

Слово «мужик» упомянуто неоднократно: так назван человек, у которого нашли похищенные во время пожара рукописи Корана (пример см. выше), а также хозяин двора (мужик Афанас), не пустивший купчину в свою баню и побивший его людей¹³. Встречается оно и в более поздних персидских текстах. Садики отмечает, что в форме *موجک* (*mūdžik* с долгим вторым гласным) оно трижды использовано в путевых заметках об искупительной миссии Хусрава Мирзы (1829), составленных Мустафой Афшаром [19: 25]. Башири приводит это слово в форме *موژیک* (*mūžik*) в списке заимствований, проникших в персидский язык после революции 1917 года [24: 113]. Однако, как показывают челобитные Хваджи Рахмата, в обиход персидских купцов, ведших торговлю в России, оно вошло на три столетия раньше.

5) *پودچی* (*pūdāčī*) – подьячий.

Встречается лишь один раз при упоминании некоего подьячего Ивана:

...که از مال سرکار خاصه شریف به سرکار پادشاه بزرگ *پودچی* ایوان بعضی متاع از دارایی و قندک و غیره خریده اند

...Из имущества благородного двора для двора великого государя подьячий Иван купил некоторые товары из [тканей] *dārāyī*, *кадак* и других.

В переводе толмача:

Покупали на тебя государя из казенных товаров государя моего дороги и киндяки и иные розные тавары¹⁴.

6) *تواریش* (*tuvārīš*) – товарищ, компаньон.

Встречается один раз:

در زمان پادشاه جنت مکان شاه عباس این غلام که بخدمت پادشاه بزرگ آمده بودم در وقت مراجعت هشتراخان و صفینه کشتی با چارتاق باین غلام شفقت کرده بودند و دوصفینه کشتی دیگر به تواریش این غلام صالح بیک داده بودند

Во времена обитающего ныне в раю государя шаха 'Аббаса, когда этот раб приезжал к великому государю, во время возвращения в Астрахань ему было пожаловано два корабля с чердаком и два других корабля дали товарищу сего раба Салих-беку.

Перевод толмача:

А наперед сего как был я у вас великого государя и мне на отпуске дано было два судна с чардаками да Магметсалибеку дано было два судна¹⁵.

7) *اکاز* (*ukāz*) – указ, повеление.

Встречается один раз:

پادشاه بزرگ امر کرد که افناس *موجک* در باب سنگ زمرد قسم بخورد امر از پادشاهست اما در باب زدن غلامان پادشاه را زدن *اکاز* نکرده اند

Великий государь повелел, чтобы мужик Афанас в отношении изумруда принес клятву. На все воля государя. Однако относительно побития рабов государя (шаха Сафи) указа не издали.

Как видно из приведенного примера, единственный раз, когда Хваджа Рахмат использует русское слово «указ», последнее выступает си-

нонимом персидско-арабского *امر* (*amr*) – «повеление».

Перевод толмача:

...в изумруде... мне ваш государь де указ сказан велено мужику крест целовать а что он государя моего людей бил и в том мне вашего государева указу не сказано¹⁶.

8) *زپاز* (*zapāz*) – припас, путевой провиант.

الحال یک صفینه کشتی بما داده اند که بغایت کهنه است و بزرگست جهة *زپاز* آوردن خوبست

Сейчас нам дали корабль, который очень стар и велик, хорош для перевоза припасов.

В переводе толмача пригодность судна лишь для перевозки припасов, равно как и само слово, которое можно было бы соотнести со словом *zapāz*, отсутствует:

гдрь велел мне дать судно и мне государь указали одно судно ветхо и велико немерно...¹⁷.

Хотя в русском языке слово оканчивается на глухой согласный «с», в челобитной оно имеет на конце звонкий «з», возможно, по аналогии со словом «указ». Вероятно, *ukāz* было воспринято через письменные источники, а *zapāz* – из устной речи; при этом звонкий «з» на конце был ошибочно реконструирован. Позднее (вероятно, в первой половине XX века) то же слово «запас» в форме *زپاس* (*zāpās*) проникло в персидский язык уже в другом контексте, как «запасная часть механизма», чаще всего – запасное колесо автомобиля, «запаска» [24: 111]; [28: 29].

9) *ستروک* (*sturūk/sturūg*) – струг.

Поскольку слоговой строй персидского языка не допускает в начале слова двух, а тем более трех согласных подряд, произношение этого слова носителем персидского языка в том виде, как оно написано в документе (то есть без протетического и- как, например, в слове *истакан* – «стакан»), требует эпентетического паразитического гласного после первого согласного.

Слово «струг» означает особый тип гребного судна, килем которого служил выдолбленный ствол дерева; длина корабля достигала 20 метров, а грузоподъемность доходила до 1000 тонн. На некоторых стругах возводилась специальная каюта для пассажиров и грузов, называвшаяся «чердак». Струги строились в приволжских городах, на Дону [19: 37–38]. Следовавшие в Иран грузы перевозились на них до Астрахани, откуда по морю доставлялись на парусных морских кораблях – бусах. В одной из челобитных русское слово «струг» встречается четыре раза:

اما دو سفینه ستروک که باین غلام داده اند به بار مال سرکار خاصه شریفه بس نمیکنند و هر دو *ستروک* را بار کرده ایم که جای یکعدد صندوق خالی نیست و اکثر بار در خانه مانده است و در *ستروک* نمیتوان بار کرد که جا ندارد ندارد و چند دست قوش که به سرکار خاصه شریفه قوشچیان پادشاه شاه صفی خریده اند جهة ایشان درین دو *ستروک* جای نیست

Однако два струга, что дали сему рабу, недостаточны для груза казенных товаров. Оба струга я загрузил так,

что нет места и для одного сундука, но большая часть груза осталась в доме, на струг погрузить невозможно, так как нет места. И несколькими птицам, которые сокольные казны купили для государя шаха Сафи, на этих двух стругах тоже места нет.

В переводе толмача:

А что вы великий государь пожаловали велели мне дать под казенные товары государя моего два судна с чардаками и в те чардаки товар наклали и много товаров осталось на подворье и в те суды неместилось и в чардаке ни на один сундук места неосталось да государя моего птичники покупили несколько птиц про государя моего и тех птиц в тех чардаках посадить негдеж¹⁸.

Иранские морские корабли, на которых товары привозились в Астрахань, в двух челобитных Хваджа Рахмат называет арабским словом *غراب* (*гурāб*), основное значение которого – «ворон». Так же обозначается один из типов крупных военных судов (галера), который использовали арабы на протяжении многих столетий и который за время своего существования претерпевал различные трансформации. *Гурāбы* бороздили воды Средиземного моря, западной части Индийского океана, Персидского залива [23: 348–351]. Иранцы также были знакомы с этим типом корабля: в составе флота, который Надир-шах отправил в Оман в 1737 году, было два *гурāба*¹⁹. Нам неизвестно, использовали ли иранцы корабли такого типа на Каспийском море. Не исключено, что выбор персидским купчиной именно этого термина мог быть продиктован его сходством с древнерусским «корабль» [20: I, 428], хотя последнее слово, насколько можно судить, в первой половине XVII века было больше распространено в литературе, чем в практике устного общения.

Итак, заимствованные русские слова, найденные в текстах челобитных Хваджи Рахмата, относятся к тем же тематическим группам, что и целый ряд персизмов, проникших синхронно с ними в русский язык. Это, во-первых, слова, имеющие отношение к административному управлению и сословной принадлежности (*кинāс*, *байār*, *мўдджик*, *нўдачй*, *укāз*), – ср. везир, сердар, мурза, арбон, нишан в русском языке [6: 60–61]. Во-вторых, слова, относящиеся к организации процесса торговли (*тувāриш*, *сутрўг*, *занāз*) – в русском языке к этой группе относят такие слова, как базар, караван, амбар и др. [6: 52–54].

Из девяти лексем, примеры употребления которых приведены в статье, лишь две – «мужик»

и «запас» – закрепились в современном персидском языке. «Князь» как титул встречается и в историографических сочинениях, остальные же слова не получили распространения за пределами профессионального сообщества купцов, ведших торговые дела на Руси. Русские лексемы, использованные Хваджей Рахматом, можно отнести к разряду иноязычных вкраплений, которые не превратились со временем в полноценные заимствованные слова [13: 57–64]. При этом многие из персидских лексем, проникших в то время в русский язык, сумели стать таковыми.

При заимствовании в персидский слова видоизменились в соответствии с фонетическими законами персидского языка. Объем значения слова «запас» значительно сузился, как это часто происходит с заимствованными лексемами [15: 204]. Сужение объема значения наблюдается и в некоторых других заимствованиях, встреченных нами в челобитных: князь → воевода, боярин → пристав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Челобитные, относящиеся к приезду в Московское государство персидского купчины Хваджи Рахмата, свидетельствуют о том, что в XVI–XVII веках процесс проникновения заимствованных лексем был двусторонним и параллельным для двух языков, русского и персидского, хотя набор русских слов, зафиксированных нами в персидском языке, гораздо уже в тематическом плане и малочисленнее, чем набор персидских – в русском. Так, отсутствуют русские слова для обозначения вывозившихся из Российского государства товаров. Напротив, в русский язык в это время проникли названия множества тканей и драгоценных камней, ввозившихся из Персии. Тем не менее пока преждевременно делать вывод о полном отсутствии заимствований в этой сфере, так как лишь в одной из челобитных встречается очень краткое перечисление русских товаров (двух видов кож, масла «и других товаров»), а в другой упоминается покупка соболиных шкур. Опыт изучения текста челобитных показал, что архивные источники могут рассматриваться как ценный новый источник по истории языковых контактов, лексических заимствований и, шире, по истории культурных и экономических связей Ирана и России.

* Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словом «купчина», согласно словарю В. И. Даля, называли «приказчика на отъезде, поверенного для закупок, от купца» (Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. Изд. 2. СПб.; М., 1881. Т. 3. С. 223). Функция *киракйарāка* (так назывался торговый представитель шаха в персидских документах) заключалась в том, чтобы быть «приказчиком» шаха, производить торговлю казенными товарами от его лица. Поэтому термин «купчина» регулярно используется в русских документах посольского приказа, подчеркивая отличие торговых представителей шаха от обычных иноземных купцов – «гостей».

² Зоннентраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии. М.: Моск. ин-т востоковедения им. Н. Н. Риманова при ЦИК СССР, 1931. С. 97.

- ³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского. Т. 1. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890.
- ⁴ Слово *сум* на самом деле происходит от тюркского *сом* – слиток (золота, серебра) [14: 327], [29: III, 305–306]. Отметим, что именно это слово в форме *سلم* (*сām*) для обозначения русского «рубль» употребляли и иранские купчины в том комплексе документов, который лег в основу данной работы.
- ⁵ «Приезд от шаха Сефия купчины Хозя Моллы Рахмета и отпуск его» // РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Ч. 2. 1630–1631. Д. 1. Л. 102, 105, 138, 148, 151, 154, 167, 178, 180, 184, 187, 191, 194, 210.
- ⁶ Из них 13 составлены от имени самого Хваджи Рахмата и одна – от имени купчины ‘Абд ал-Вали, который в персидском тексте назван купчиной, а в переводе толмача – писарем. Полный текст челобитных Хваджи Рахмата с русским переводом будет издан в периодическом издании ИВР РАН «Письменные памятники Востока» (в печати).
- ⁷ «Бытность в Москве и в Санкт-Петербурге Бухарского посла Хана Кулы Бека Топчи Баши и купчины Асан Бабы» // РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. № 1. Л. 316.
- ⁸ «Приезд от шаха Сефия купчины Хозя Моллы Рахмета и отпуск его» // РГАДА. Ф. 77. О. 1, ч. 2. 1630–1631. № 1. Л. 105.
- ⁹ Шолох Сунчалевиц – князь Черкасский, получивший грамоту от Михаила Федоровича и погибший в 1636 году [6: II, 630].
- ¹⁰ «Приезд от шаха Сефия купчины Хозя Моллы Рахмета и отпуск его» // РГАДА. Ф. 77. О. 1. Ч. 2. 1630–1631. № 1. Л. 148–149.
- ¹¹ Там же. Л. 151–152.
- ¹² Там же. Л. 167–168.
- ¹³ Там же. Л. 180, 187.
- ¹⁴ Там же. Л. 180–181.
- ¹⁵ Там же. Л. 178–181.
- ¹⁶ Там же. Л. 191, 193.
- ¹⁷ Там же. Л. 178–179.
- ¹⁸ Там же. Л. 210–211.
- ¹⁹ Lockhart, Laurence. Nādir Shāh’s Campaigns in ‘Omān, 1737–1744 // Bulletin of the School of Oriental Studies. University of London, 1935. Vol. 8. No 1. P. 157–171.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Из истории слов // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 96–98.
2. Абдалтаджидини Н. К фонетико-графической адаптации некоторых топонимов-иранизмов в «путевых заметках» и письмах А. С. Грибоедова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (26). Пермь, 2014. С. 26–31.
3. Абдалтаджидини Н. Топонимы-иранизмы в «путевых заметках» и письмах А. С. Грибоедова: К норме картографической топонимии Кавказа XIX в. // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 9. Вып. 3. С. 163–167.
4. Акбари Р. М. Фонетическая трансформация русизмов в персидском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (25). Ч. 1. Тамбов, 2013. С. 18–20.
5. Бахмутова Е. К. Иранские элементы в деловом языке Московского государства // Ученые записки Казанского педагогического института. Факультет языка и литературы. Вып. 3. Казань, 1940. С. 40–71.
6. Богуславский В. В. Славянская энциклопедия: XVII в.: В 2 т. М.: Олма-Пресс: ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. Т. 1: А–М. 782 с.; Т. 2: Н–Я. 783 с.
7. Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 479 с.
8. Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1987. 278 с.
9. Гилязетдинова Г. Х. Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. Казань: Казанский университет, 2010. 202 с.
10. Гилязетдинова Г. Х., Акбари Р. Семантическая адаптация русских заимствований в персидском языке XIX–XX вв. // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 89–96.
11. Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. № 6. М., 1962. С. 28–45.
12. Котов Ф. А. Хождение купца Федота Котова в Персию: критический текст и перевод. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 111 с.
13. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
14. Левитская Л. С., Дыбо А. В., Благова Г. Ф., Рассадин В. И., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 7: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
15. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
16. Мортазави С.-М., Мохаммади М.-Р. Персидские заимствованные слова в русском языке и их лексикотематическая классификация // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2016 (2). Т. 8. С. 69–84.
17. Пейсиков Л. С. Лексикология персидского языка. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 205 с.
18. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 25–102.
19. Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978. 186 с.
20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999. Т. 1: А–Пантомима. 624 с.; Т. 2: Панцырь–Яшур. 560 с.
21. Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002. 230 с.
22. Эристон А. Иранско-русские лексические связи // Iranian-Russian lexical ties // Russian Language Journal. 1968. Vol. 22. No 83. P. 23–29.
23. Agius D. A. Classic ships of Islam: From Mesopotamia to the Indian Ocean. Leiden; Boston: Brill, 2008. 504 p.
24. Bashiri I. Russian loanwords in Persian and Tajiki languages // Persian studies in North America: Studies in honor of Mohammad Ali Jazayeri / Ed. Mehdi Marashi. Bethesda, MD: Iranbooks, 1994. P. 109–139.
25. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente Neupersischen. 4 Bd. Wiesbaden: Franz Steiner, 1973–1975.
26. Pohl H. - D. Слова иранского происхождения в русском языке // Russian Linguistics. 1975. Vol. 2. No 1/2. P. 81–90.
27. استرآبادی، محمد مهدی بن محمد ناصر. جهانگشای نادری / باهتمام عبد الله انوار. نهران: امجمن آثار و مفاخیر فرهنگی، ۱۳۷۷. ص ۸۶۱.
28. صادقی، علی اشرف. کلمات روسی در زبان فارسی و تاریخچه ورود آنها // مجله زبانشناسی. سال ۲۰، شماره ۲. ۱۳۸۴. ص. ۳–۴.

Yastrebova O. M., Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation)
Pischurnikova E. P., Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation)
Kostikov S. E., Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation)

RUSSO-PERSIAN LANGUAGE CONTACTS OF THE SAFAVID ERA: RUSSIAN LOANWORDS IN THE PETITIONS OF KUPCHINA KHWAJAH RAHMAT*

The purpose of this article is the study of Russian loanwords in the language of the Persian merchants who conducted trade in Russia in the XVII century. Persian loanwords in the Russian language of that era are well-documented and thoroughly studied, whereas Russian borrowings in Persian have not been studied to the same extent, which can be partly explained by the sparsity and insufficient exploration of the archival documents pertaining to the period. The immediate objective that the authors of this research have set is the analysis of the vocabulary of the Persian petitions from the envoy of the Safavid Shah Safi I, Khwajah Rahmat, and his record keeper 'Abd al-Vali, written in 1630–1631 and addressed to Tsar Mikhail Fyodorovich. The petitions are stored in the Fond 77 «Russia's Relations with Persia» of the Russian State Archive of Ancient Acts. Such documents have never been used for studying the Russian-Persian linguistic contacts, which stipulates the urgency of the research. It has demonstrated that the chosen material enables widening our apprehension of the penetration of Russian lexical units into Persian, and demonstrates that the process of lexical borrowing was mutual for both languages. The terms borrowed mainly pertain to the sphere of trade, which in the XVI and the XVII centuries was the frontline of the Russian-Persian cultural exchange. The analysis of the loanwords is preceded by a brief overview of commercial and diplomatic ties between Tsardom of Muscovy and the Safavid Empire, as well as the historiography of Russian and Persian loanword studies.

Key words: XVII century, lexical borrowings, Russian language, Persian language, Safavid Empire, Tsardom of Muscovy, Mikhail Fyodorovich, Safi I, Russo-Iranian diplomatic relations, Russo-Iranian trade

* This research was supported by the Russian Science Foundation grant No 18-78-10052 “Documental history of the Russian dimension of the Safavid dynasty diplomacy”.

REFERENCES

1. Abayev V. I. From the history of words. *Voprosy yazykoznaniya*. 1958. No 4. P. 96–98. (In Russ.)
2. Abdaltajedini N. Revisiting phonetic and graphic adaptation of some Iranian origin toponyms in “travel notes” and letters by A. Griboyedov. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. Issue 2 (26). Perm, 2014. P. 26–31. (In Russ.)
3. Abdaltajedini N. Toponyms of Iranian origin in A. S. Griboyedov's “travel notes” and letters by A. Griboyedov: to the norm of cartographic toponymy of the Caucasus of the XIX century. *Vestnik SPbGU*. 2014. Ser. 9. Issue 3. P. 163–167. (In Russ.)
4. Akbari R. M. Phonetic transformation of the Russian loanwords in the Persian language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2013. No 7 (25). Part 1. P. 18–20. (In Russ.)
5. Bahmutova E. K. Iranian elements in the business language of the Moscow State. *Uchenye zapiski Kazanskogo pedagogicheskogo instituta. Fakul'tet yazyka i literatury*. Kazan, 1940. Issue 3. P. 40–71. (In Russ.)
6. Boguslavskiy V. V. Slavic encyclopaedia: XVII century. In 2 vols. Moscow, 2004. Vol. 1. 718 p.; Vol. 2. 783 p. (In Russ.)
7. Bushev P. P. History of embassies and diplomatic relations between Russian and Iranian States in 1586–1612 (from Russian archives). Moscow, 1976. 479 p. (In Russ.)
8. Bushev P. P. History of embassies and diplomatic relations between Russian and Iranian states in 1613–1621 (from Russian archives). Moscow, 1987. 278 p. (In Russ.)
9. Gilazetdinova G. H. Oriental loanwords in the Russian language of Moscow State between the XV and the XVII centuries. Kazan, 2010. 202 p. (In Russ.)
10. Gilazetdinova G. H., Akbari R. Semantic adaptation of the Russian loanwords in the Persian language in the XIX and the XX centuries. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2013. Vol. 155. Book 5. P. 89–96. (In Russ.)
11. Zaliznyak A. A. Problems of the Slavic-Iranian language relationships of the ancient period. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya*. Moscow, 1962. Issue 6. P. 28–45. (In Russ.)
12. Kotov F. A. Journey of the merchant Fedot Kotov to Persia: critical notes and translation. Moscow, 1958. 111 p. (In Russ.)
13. Krysin L. P. Russian word, own and foreign: The Russian language and sociolinguistics studies. Moscow, 2004. 888 p. (In Russ.)
14. Levitskaya L. S., Dybo A. V., Blagova G. F., Rassadin V. I., Nasilov D. M., Potseluevskiy E. A. Etymological dictionary of the Turkic languages. Vol. 7: All-Turkic and intra-Turkic word stems starting with L, M, N, P and S. Moscow, 2003. 446 p. (In Russ.)
15. Maslov Yu. S. Introduction to linguistics. Moscow, 1987. 272 p. (In Russ.)
16. Mortazavi S.-M., Mohammadi M.-R. Persian loanwords in the Russian language and their lexical and topical classification. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 2016 (2). Vol. 8. P. 69–84. (In Russ.)
17. Peysikov L. S. Lexicology of the Persian language. Moscow, 1975. 205 p. (In Russ.)
18. Trubachyov O. N. Slavic-Iranian lexical relations. *Etimologiya*. Moscow, 1967. P. 25–102. (In Russ.)
19. Tushin Yu. P. Russian maritime navigation in the Caspian, Azov and Black Seas. Moscow, 1978. 186 p. (In Russ.)
20. Chernyh P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. 3rd edition. In 2 vols. Moscow, 1999. Vol. 1. 624 p.; Vol. 2. 560 p. (In Russ.)
21. Edelman D. I. Iranian and Slavic languages: historical relationships. Moscow, 2002. 230 p. (In Russ.)
22. Eriston A. Iranian-Russian lexical ties. *Russian Language Journal*. 1968. Vol. 22. No 83. P. 23–29. (In Russ.)
23. Agius D. A. Classic ships of Islam: From Mesopotamia to the Indian Ocean. Leiden, Boston, Brill, 2008. 504 p.
24. Bashiri I. Russian loanwords in Persian and Tajiki languages. *Persian studies in North America: Studies in honor of Mohammad Ali Jazayeri*. (Mehdi Marashi, Ed.). Bethesda, MD, Iranbooks, 1994. P. 109–139.
25. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente Neupersischen. 4 Bd. Wiesbaden, Franz Steiner, 1973–1975.
26. Pohl H. -D. Words of Iranian origin in the Russian language. *Russian Linguistics*. 1975. Vol. 2. No 1/2. P. 81–90.
27. استرآبادی، محمد مهدی بن محمد ناصر. جهانگشای نادری / باهمنام عبد الله انوار. نهران: امجمن آثار و مفاخیر فرهنگی، ۱۳۷۷. ص ۸۶۱.
28. صادق، علی اشرف. کلمات روسی در زبان فارسی و تاریخچه ورود آنها // مجله زبانشناسی. سال ۲۰، شماره ۴. ۱۳۸۴. ص. ۳–۴.

Поступила в редакцию 28.09.2018

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, заместитель главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть», профессор
Московский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
vasyural@mail.ru

СУДЬБЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОМСОМОЛА В ИСТОРИИ «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»

Феномен «Ленинградского дела» 1949 – начала 1950-х годов представляется одним из наиболее резонансных явлений эпохи позднего сталинизма. В результате репрессивной политики пострадали десятки комсомольских работников Ленинградской организации ВЛКСМ различного уровня – городского, областного, районного, первичного. В числе опальных руководителей ленинградского комсомола – Всеволод Иванов, Всеволод Чернецов, Анатолий Ситников, Михаил Васьковский, Галина Егорова, Татьяна Никифоровская и др. Документальной основой публикации стали рассекреченные в 2018 году материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Изучение документов по истории «Ленинградского дела» позволяет утверждать о единстве сценария, синхронизированности репрессивных действий, использовании одинаковых методов в отношении партийных и комсомольских руководителей Ленинграда, обвиненных в причастности к «антипартийной группе». Объявленной причиной «крупных недостатков» в комсомоле явилось копирование методов и стиля работы бывшего партийного руководства. Отмечается, что персональными делами бывших руководителей занимались доверенные представители Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и группа сотрудников Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Обращается внимание на участие в ленинградских событиях будущих председателей КГБ А. Н. Шелепина и В. Е. Семичастного, в тот период секретарей ЦК ВЛКСМ.

Ключевые слова: «Ленинградское дело», поздний сталинизм, Комиссия партийного контроля, история комсомола, Всеволод Иванов, Всеволод Чернецов, Анатолий Ситников, Михаил Васьковский

ВВЕДЕНИЕ

В современной историографии «Ленинградского дела» наметился поиск новых подходов в интерпретации данного явления в советской истории (см.: [1], [2], [6]). Феномен «Ленинградского дела» рассматривается в контексте системы позднего сталинизма, через призму борьбы партийных группировок. Данный подход позволяет выявить типологические характеристики и особенности репрессивного механизма политической системы послевоенной исторической эпохи (см.: [3], [4], [5]). Одна из малоизвестных страниц связана с судьбами руководителей ленинградского комсомола.

СУДЬБЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

5 апреля 1956 года первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин, выступая с докладом на V пленуме ЦК комсомола (5–6.04.1956), объявил «о так называемом “Ленинградском деле”», определяя его причиной «большого вреда», нанесенного «культом личности и связанных с ним нарушений норм партийной жизни»¹. Подчеркивалось, что

«серьезный ущерб нанес культ личности и комсомолу. Именно в годы культа личности укоренились такие

негодные методы в работе комсомола, как голое администрирование, оказывание работы, бюрократизация аппарата. Культ личности воспитывал у руководящих комсомольских работников пренебрежительное отношение к инициативе, идущей снизу, из гущи комсомольских масс. Не случайно в комсомоле развились такие уродливые явления, как замазывание недостатков, лакирование действительности, нерадивость и шумиха, очковитительство. В комсомоле в эти годы развелось немало подхалимов и аллилуйщиков»².

Шелепин сообщил, что в связи с «Ленинградским делом» невинно пострадал ряд комсомольских работников³. Судьбы опальных руководителей Ленинградской организации ВЛКСМ – часть общего «Ленинградского дела». 6 апреля 1956 года пленум ЦК ВЛКСМ принял персональные решения:

«О тов. Иванове В. Н. Отменить постановление пленума ЦК ВЛКСМ от 8 декабря 1949 г.⁴ об исключении из состава членов ЦК ВЛКСМ т[оварища] Иванова В. Н. как неправильное. О тов. Чернецове В. И. Отменить постановление пленума ЦК ВЛКСМ от 29 декабря 1949 г.⁵ о выведении из состава бюро ЦК ВЛКСМ и освобождении от обязанностей члена ЦК ВЛКСМ т[оварища] Чернецова В. И. как неправильные. О т[оварищах] Ситникове А. Г. и Васьковском М. Р. Отменить постановления пленума ЦК ВЛКСМ от 23–25 августа 1950 г.⁶ об

исключении из состава членов ЦК ВЛКСМ т[оварищей] Ситникова А. Г. и Васьковского М. Р. как неправильные»⁷.

Парадокс заключается в том, что никто не дал определения «неправильности» отмененных решений. На этом процесс реабилитации посчитали завершённым. В результате получилось, что по государственной линии уголовные дела прекращались за отсутствием состава преступления, по партийной – бывших руководителей комсомола Ленинграда восстанавливали в партийных рядах, а вот их принадлежность к комсомольской организации осталась неясной.

Среди членов ЦК ВЛКСМ были комсомольские руководители, которые в 1949–1950 годах единогласно проголосовали за исключение своих недавних коллег, избранных на XI съезде комсомола 8 апреля 1949 года, из состава ЦК ВЛКСМ на основании голословных заявлений о якобы «антипартийном поведении» и участии в «антипартийной группе». Как свидетельствуют архивные материалы, когда готовился вопрос об исключении Всеволода Иванова, от каждого члена ЦК ВЛКСМ заранее было затребовано письменное согласие по данному поводу. Лишь несколько десятилетий спустя, на закате истории ВЛКСМ, справедливость восторжествовала: 27 декабря 1989 года бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление о реабилитации комсомольских работников, репрессированных в годы культа личности, восстановлении в рядах ВЛКСМ и выдаче комсомольских документов на память. Среди реабилитированных значились В. Н. Иванов и В. И. Чернецов⁸. В аналогичном решении ЦК ВЛКСМ от 30 января 1991 года в очередном списке содержались фамилии А. Г. Ситникова и М. Р. Васьковского⁹. Для родственников эти запоздалые решения не были формальностью – речь шла о восстановлении честного имени и репутации людей.

Все названные руководители комсомола военные годы провели в блокадном Ленинграде, имели государственные награды. Всеволод Иванов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ (1941–1944), был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «Партизану Отечественной войны» I степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Преемник В. Н. Иванова в должности руководителя ленинградского комсомола Всеволод Чернецов (1944–1949) имел орден Красной Звезды, медали «За трудовое отличие», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Второй секретарь Ленинградского горкома ВЛКСМ Анатолий Ситников был награжден орденом Красного Знамени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Ленинграда», «За победу

над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Второй секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ Михаил Васьковский награждался орденом Ленина, медалями «За оборону Ленинграда», «Партизану Отечественной войны» II степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В. Н. Иванов в 1945–1949 годах работал вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, 15 апреля 1949 года он был переведен в ЦК ВКП(б) на должность инспектора. 30 сентября 1949 года Секретариат ЦК партии рассмотрел вопрос со зловещим названием «Дело Иванова Всеволода Николаевича». Результат соответствовал формулировке: Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил решение КПК при ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1949 года об исключении его из членов партии «за политически недостойное поведение»¹⁰. Главное обвинение заключалось в том, что В. Н. Иванов «знал о политически недостойном поведении» бывших руководителей Ленинградской парторганизации Кузнецова А. А., Попкова П. С. и Капустина Я. Ф., «о проводимой ими линии на разложение партийного актива и противопоставлении Ленинградской парторганизации ЦК ВКП(б). Но он не только не сообщил об этих антипартийных действиях Центральному Комитету ВКП(б), но сам фактически являлся участником антигосударственных действий»¹¹. В обвинительных документах приводились факты «для характеристики политического лица Иванова». Один из них был связан с защитой диссертации в 1947 году на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Массовое революционное движение рабочей молодежи Петрограда в 1917 году». Обвинение заключалось в том, что, являясь вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, для написания своей диссертации В. Н. Иванов пользовался «контрреволюционными документами». В приложении к диссертации им были представлены речи и выступления «врагов народа» Шляпникова, Преображенского, Файвиловича, Дрязгова, а также меньшевистско-эсеровские документы. Констатировалось, что «по существу Иванов В. Н. в диссертации и особенно в приложении протаскивал антипартийные материалы»¹². В вину автору диссертации поставили использование своего положения секретаря ЦК ВЛКСМ, а также сам факт защиты «политически вредной диссертации» в Ленинградском государственном университете на кафедре марксизма-ленинизма, где «на руководящих постах находились люди, не внушающие политического доверия»¹³.

Автором обвинительного заключения являлся сотрудник Комиссии партийного контроля при ЦК партии Митин – тот самый, который

позднее оказался соавтором докладной записки М. Ф. Шкирятову 13 декабря 1952 года под названием «Справка о засоренности кадров людьми, не внушающими доверия, в библиотеке Академии наук в Ленинграде». В ней, в частности, сообщалось, что из 345 сотрудников свыше 120 человек являлись выходцами из социально чуждой среды – из дворян, купцов, служителей религиозных культов и пр.¹⁴ Обвинительная тональность и риторика документов аналогичны.

4 ноября 1949 года В. Н. Иванов был арестован сотрудниками МГБ. Расстрелян 29 октября 1950 года (по другим данным, погиб в Лефортовской тюрьме). Захоронен в Донском крематории. 26 мая 1954 года Военной коллегией Верховного суда СССР он был реабилитирован. Решением КПК при ЦК КПСС от 14 июня 1954 года посмертно восстановлен в рядах партии.

Вдова В. Н. Иванова, Ольга Николаевна Иванова, свидетельствовала:

«<...> Особенно трудно мне вспоминать об отношении к Всеволоду его близких, казалось бы, товарищей по работе. Ведь мы жили в одном доме с тогдашними секретарями ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепиным и Н. Н. Романовым, редактором «Комсомольской правды» Б. С. Бурковым, первым секретарем ЦК комсомола Н. А. Михайловым <...> В те тяжкие для Всеволода два месяца, с 31 августа по 4 ноября (1949 года. – Ю. В.), ни один из них к нам не зашел, не позвонил. Когда случайно встречали на улице меня или мою племянницу Алю, то суетливо переходили на другую сторону <...> Ну, а после моего возвращения из лагеря, никто из них не считал для себя возможным хотя бы позвонить мне, сказать доброе слово <...>»¹⁵

Таков был дух сталинской эпохи: человеческая чистота и честность заменялись жесткими требованиями партийной морали.

Жена «врага народа» О. Н. Иванова была арестована в октябре 1950 года, осуждена на 8 лет с конфискацией имущества, отправлена в лагерь, где провела более трех лет. Реабилитировали ее в марте 1954 года. Она добилась восстановления в партии, стала зав. кафедрой Московского института связи, доктором наук, профессором, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР. Награждена орденами Ленина и «Знак Почета». В июле 1954 года О. Н. Иванова получила извещение о реабилитации мужа. Однако лишь в 1980-е годы узнала, что в 1954 году КПК восстановил членство В. Н. Иванова в партии (даже для реабилитированной вдовы это держалось в тайне более 30 лет).

По воспоминаниям современников Всеволода Иванова, комсомольский руководитель Ленинграда был яркой личностью. Он превосходно водил автомашину (редкость по тем временам), занимался парашютным спортом, имел права пилота-любителя. Вместе с женой они любили театр, музыку, живопись, поэзию. В. Иванова отличали широкий политический кругозор, высокий уровень общей культуры, умение постоянно совершенствовать знания. По характеру был

справедлив, принципиален, со всеми прост, приветлив, но порой бывал и резким, колючим, упрямым, даже крутым. Во время блокады, по его собственному признанию, спал 3–4 часа в сутки¹⁶. В 33 года стал вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. Примечательно, что супруги Ивановы приехали в Москву ранним утром 9 мая 1945 года.

В. И. Чернецов до ареста в 1951 года работал начальником отдела в Центральном НИИ № 48 в Ленинграде. Осужден 18 октября 1951 года Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям: 58-1а (измена родине), 58-7 (вредительство), 58-11 (участие в контрреволюционной организации) УК РСФСР на 15 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в правах. С 8 декабря 1951 года Всеволод Чернецов содержался в Александровской особой тюрьме МГБ СССР (Александровский централ в Иркутской губернии был знаменит еще с дореволюционных времен). 12 апреля 1952 года начальник Александровской тюрьмы МГБ СССР подполковник госбезопасности Соломин направил в особый сектор ЦК партии заявление заключенного Чернецова, адресованное первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. 12 февраля 1953 года в особый сектор ЦК КПСС было вновь отправлено на рассмотрение заявление заключенного Чернецова от 26 января 1953 года, подписанное начальником тюремного отдела МГБ СССР полковником госбезопасности Евсениным и зам. начальника 2-го отделения тюремного отдела МГБ СССР подполковником госбезопасности Петровым. Заявление с просьбой о пересмотре дела было адресовано на имя нового первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина. 15 апреля 1953 года Шелепин отправил данное письмо на рассмотрение зам. министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулова. Решением бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 16 мая 1950 года Чернецов был исключен из членов партии

«за антипартийное поведение, подхалимство и угодничество перед Ивановым, не разоблачение его антипартийных действий, культивирование неболшевиистских нравов, угодничества, преподношение подарков, самовосхваление, распушенность в быту, потворствование незаконному расходованию комсомольских средств, не вел борьбы с злоупотреблениями отдельных работников аппарата обкома и горкома ВЛКСМ»¹⁷.

Жена В. Чернецова, Надежда Владимировна, отбывала ссылку в поселке Ангарский Красноярского края. При этом молодую мать разлучили с малолетним сыном.

По протесту Генерального прокурора СССР пленум Верховного суда СССР 5 февраля 1954 года отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 18 октября 1951 года в отношении Чернецова и уголовное дело в отношении него прекратил за отсутствием состава преступления. Восстановлен в рядах членов КПСС решением КПК при ЦК КПСС от 29 июля

1954 года. В 1956 году изъята запись о перерыве в партстаже 1950–1954 годов. После освобождения В. И. Чернецов работал по специальности, защитил диссертацию. С 1962 года являлся проректором Северо-Западного политехнического института, затем профессором кафедры технологии материалов и сварки.

В отношении А. Г. Ситникова, по официальной информации Прокуратуры СССР, сведений о привлечении к уголовной ответственности не имелось: не было ареста, осуждения или высылки¹⁸. Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 15.07.1950 года вынесло Ситникову выговор с занесением в учетную карточку за «непартийное поведение»:

«...зная об антипартийных действиях Иванова и Чернецова, не помог в их разоблачении, принимал участие в банкетах, проводимых за счет государственных средств, беспринципно и подхалимски вел себя по отношению к Иванову и Чернецову в бытность на руководящей комсомольской работе»¹⁹.

Постановлением КПК при ЦК КПСС от 14.02.1953 года А. Г. Ситников был переведен из членов партии в кандидаты «за неправильное поведение». Восстановлен в членах КПСС решением КПК при ЦК КПСС от 29 сентября 1954 года.

По данным Прокуратуры СССР, сведений о применении репрессивных мер к М. Р. Васьковскому не обнаружено²⁰. Решением Ленинградского обкома партии 15 июля 1950 года он был переведен из членов партии в кандидаты, 25 сентября 1952 года исключен из кандидатов за «недостойное поведение». 3 февраля 1953 года КПК подтвердил это решение. Восстановлен кандидатом в члены КПСС решением КПК при ЦК КПСС от 14 июля 1953 года, в данном решении КПК указано на «неправильное поведение», развившееся в том, что,

«зная о непартийном поведении Иванова и Чернецова, проходивших по т. н. «ленинградскому делу», своевременно не помог в их разоблачении»²¹.

В декабре 1953 года М. Р. Васьковский вступил в члены КПСС на общих основаниях. В 1956 году изъята запись о перерыве в партстаже 1950–1953 годов. Умер в феврале 1971 года.

В Ленинграде в 1949 – начале 1950-х годов были наработаны механизм и методы раскрытки персональных «дел». С начала 1949 года приступила к работе созданная из доверенных партийных работников инспекторская группа КПК. Одновременно и в контакте с ней персональными «делами» занималась группа чекистов, созданная на базе Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Разработкой «Ленинградского дела» руководили начальник Следственной части по ОВД МГБ генерал-майор госбезопасности А. Г. Леонов, его заместители – полковник В. И. Комаров и полковник М. Т. Лихачев (они непосредственно вели «дело»). Более десятка

опытных следователей целенаправленно собирали доказательную базу по статьям 58-1а (измена родине), 58-7 (вредительство), 58-11 (участие в контрреволюционной организации) и другим тяжелым статьям.

Представители инспекторской бригады ЦК ВКП(б), а также бригады чекистов, наработавшие опыт «Ленинградского дела», принимали участие в последующем его продвижении в других регионах, особенно на северо-западе СССР²².

Активно использовались методы доношительства. Инициаторами «сигналов» нередко являлись сами сотрудники КПК при ЦК ВКП(б) (ответственные контролеры КПК, как они назывались). Сотрудник Митин, который вел «дело Иванова», организовал появление заявления М. Васьковского, текст заверен его личной подписью. Из КПК данное письмо было представлено первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. На документе осталась резолюция Михайлова: «Секретарям ЦК ВЛКСМ. К обсуждению на секретариате. Н. Михайлов. 17.04». Поставлены визы: Шелепин, Семичастный, Кочемасов²³.

Сотрудник КПК С. И. Колесников, занимавшийся в Ленинграде «делами» партийных руководителей (Г. Т. Кедрова, Н. В. Лизунова и др.), в 1950 году вел резонансное «дело Куприянова» в Карело-Финской ССР.

Сотрудники ЦК ВКП(б) и КПК, причастные к «Ленинградскому делу», бдительно следили за прохождением персональных дел руководителей комсомола Ленинграда. На II пленуме ЦК ВЛКСМ 29.11–2.12.1949 года, рассматривавшем организационные вопросы об исключении из состава ЦК ВЛКСМ В. Н. Иванова и В. И. Чернецова, присутствовал зам. зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии Е. И. Громов. В IV пленуме ЦК ВЛКСМ 23–25 августа 1950 года, исключившем из состава ЦК ВЛКСМ А. Г. Ситникова и М. Р. Васьковского, принимал участие сотрудник КПК С. И. Колесников.

Обращает на себя внимание синхронизированность акций. После решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 года «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т[оварища] Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т[оварищей] Родионова М. И. и Попкова П. С.», пленума Ленинградского обкома и горкома партии от 22 февраля, результатом которых стало снятие с должностей ряда партийных и советских руководителей, еще не было ясности в отношении дальнейших событий и судеб бывших руководителей. И. В. Сталин долго раздумывал о судьбе участников «антипартийной группы». Внешне ничего не предвещало приближающуюся бурю. Ленинградская организация ВЛКСМ успешно проявила себя в период работы XI съезда комсомола 29 марта – 8 апреля 1949 года. В докладе Мандатной комиссии (А. Н. Шелепин)

прозвучало: Ленинградская делегация – в числе наиболее многочисленных делегаций съезда комсомола (44 человека). В. Н. Иванов председательствовал на съезде комсомола в первый день, во второй на утреннем заседании, В. И. Чернецов председательствовал 4 апреля на вечернем заседании съезда. Чернецов был избран в секретариат съезда, Ситников – в состав редакционной комиссии, в комиссию по выработке резолюции по отчету ЦК – Иванов и Чернецов, в комиссию по выработке резолюции по второму вопросу – Иванов и Ситников, в комиссию по выработке проекта резолюции съезда – Иванов и Васьковский. 30 марта первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ Всеволод Чернецов выступал в прениях по Отчетному докладу ЦК ВЛКСМ. 2 апреля состоялось выступление второго секретаря Ленинградского горкома ВЛКСМ Анатолия Ситникова по второму вопросу: «О работе комсомола в школе». В числе выступавших был также А. А. Вознесенский, министр просвещения РСФСР (4 апреля), бывший ректор Ленинградского государственного университета, старший брат Н. А. Вознесенского. 5 апреля делегаты съезда слушали выступление второго секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ Михаила Васьковского по третьему вопросу повестки дня съезда. Второй секретарь ЦК ВЛКСМ Всеволод Иванов 5 апреля 1949 года выступил с докладом по третьему вопросу повестки дня XI съезда ВЛКСМ – «Об изменениях в Уставе ВЛКСМ». 6 апреля была единогласно принята резолюция съезда по данному вопросу. После выступления В. Иванова 6 апреля о дополнениях в Уставе новую редакцию Устава ВЛКСМ утвердили единогласно. По решению съезда огромным тиражом в 200 тыс. экз. была издана брошюра В. Н. Иванова «Изменения в Уставе ВЛКСМ: Доклад на XI съезде ВЛКСМ 5 апреля 1949 г.» (М.: Молодая гвардия, 1949). В состав ЦК ВЛКСМ на съезде были избраны четыре представителя Ленинградской делегации: Иванов, Чернецов, Ситников, Васьковский. Чернецов стал также членом бюро ЦК ВЛКСМ (состав бюро ЦК комсомола – 11 человек, в том числе 5 секретарей, – 12 апреля 1949 года специальным решением утвердил Секретариат ЦК партии, а 14 апреля – Политбюро ЦК ВКП(б), постановление подписано Сталиным). В докладе на съезде комсомола В. Иванов констатировал состояние «полного политического единства и организационной сплоченности ВЛКСМ» и «вокруг ВКП(б)»:

«За отчетный период комсомол, руководимый партией Ленина – Сталина, настойчиво и неустанно вел борьбу за осуществление генеральной линии партии, против врагов народа и оппортунистов. Была разоблачена и разгромлена вражеская агентура в комсомоле, очищены его ряды от всякой нечисти, проведена большая идейно-политическая работа»²⁴.

Мог ли докладчик тогда предположить, что уже через несколько месяцев самого комсомольского руководителя и его ленинградских товарищей постигнет печальная участь?

МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Первые аресты по «Ленинградскому делу» начались во второй половине июля 1949 года. 13 августа 1949 года в кабинете Г. М. Маленкова были арестованы А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, П. Г. Лазутин. Накануне, 12 августа, в Ленинграде состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ, в результате которого были освобождены с занимаемых постов руководители Ленинградского комсомола. Однако персональные решения были согласованы и приняты до пленума.

В повестке пленума 12 августа 1949 года значился вопрос: «О крупных недостатках в работе бюро Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ». На пленум прибыли секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин и второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Б. Ф. Николаев. С докладом выступил Шелепин. Он сообщил следующее: 5 августа 1949 года бюро ЦК ВЛКСМ обсуждало вопрос о положении дел в ленинградской организации. На бюро был предreshен вопрос об освобождении Чернецова и Ситникова. В результате об этом было доложено ЦК ВКП(б). 9 августа Секретариат ЦК партии принял постановление об освобождении В. И. Чернецова от обязанностей как «не обеспечившего руководства». Новым руководителем комсомола Ленинграда был утвержден В. Н. Зайчиков – зав. отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ²⁵. Основанием для решения кадрового вопроса стала докладная записка первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, а также информация, поступившая Маленкову 8 августа от зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии Г. П. Громова. В ней сообщалось, что Чернецов подвергся резкой критике в начале года на партийных собраниях в Ленинграде по итогам объединенного пленума обкома и горкома партии от 22 февраля. Автор записки отметил: «...авторитетом в Ленинградской комсомольской организации не пользуется»²⁶. В соответствии с этим решением ЦК ВЛКСМ в тот же день принял свое постановление. Бюро ЦК ВЛКСМ поручило Шелепину доложить пленуму Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ о причинах данного решения²⁷.

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин получил непростое поручение. Задача заключалась не только в том, чтобы освободить от должностей ряд руководителей ленинградской организации ВЛКСМ (судьба Чернецова и Ситникова уже была решена в Москве). Требовалось провести своеобразное чистилище для комсомольского актива Ленинграда – политическую экзекуцию

на пленуме 12 августа, накануне ареста бывших партийных руководителей. Этот изощренный сценарий унижения недавних авторитетных комсомольских руководителей, прошедших ленинградскую блокаду в годы Великой Отечественной войны, стал частью «Ленинградского дела». Он был уже апробирован 22 февраля на партийном пленуме в Ленинграде. Система сталинизма демонстрировала свою назидательную функцию не только в отношении комсомольского руководства, но и всего актива Ленинградской организации ВЛКСМ.

12 августа 1949 года А. Н. Шелепин объявил причину «крупных недостатков» в работе Ленинградской организации ВЛКСМ: ее руководители, прежде всего первый секретарь обкома и горкома В. И. Чернецов и второй секретарь горкома А. Г. Ситников,

«полностью копировали методы и стиль работы бывшего партийного руководства Ленинградской организации, и это сказалось отрицательно на всей деятельности, особенно в последнее время, Ленинградской городской и областной комсомольской организации».

Они «работали совершенно неправильными методами, порочными методами»²⁸. Пленум обкома и горкома комсомола освободил от должностей А. Г. Ситникова, секретаря горкома по кадрам Г. М. Егорову, секретаря обкома комсомола по работе среди школьной молодежи и пионеров Т. В. Никифоровскую.

Каждый из участников объединенного пленума обкома и горкома комсомола, по задуманному сценарию, должен был извлечь для себя уроки из показательного процесса наказания и одновременно покаяния их бывших комсомольских руководителей. В постановлении пленума от 12 августа 1949 года констатировалось, что В. И. Чернецов и А. Г. Ситников

«не сделали должных выводов из решения февральского пленума обкома и горкома ВКП(б) (от 22 февраля 1949 года. – Ю. В.), не направляли комсомольскую организацию на воспитание у комсомольского актива принципиальности, чувства честности и правдивости перед партией и комсомолом»²⁹.

Это были назидательные уроки – напоминание сталинской системы власти о полной зависимости политического и физического существования не только партийных, но и комсомольских функционеров любого уровня от личной воли вождя.

В сценарии были заранее четко определены масштабы раскрутки «Ленинградского дела». Шелепин в своем докладе дал конкретную установку:

«Советовались мы в обкоме и горкоме партии и условились, что по итогам пленума сейчас нужно провести расширенные заседания бюро райкомов и горкомов, на которых обсудить итоги настоящего пленума, и на бюро нужно пригласить основной комсомольский актив

и доложить об итогах пленума. Что касается первичных организаций, то сейчас не стоит обсуждать»³⁰.

Широкие комсомольские массы на уровне первичных организаций не должны были посвящаться в содержание происходящих событий.

В определенной мере поручение, с которым А. Н. Шелепин отправился в Ленинград, созвучно с той задачей, которую решал в городе на Неве секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков 21–22 февраля 1949 года. Он тоже был исполнителем. Главным же организатором, автором идеи и сценаристом показательных мероприятий был И. В. Сталин. Будущий председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин в 1949 году прошел своего рода «обкатку» «Ленинградским делом».

Пленум Ленинградского обкома ВЛКСМ 25 ноября 1949 года освободил от обязанностей нескольких комсомольских работников: из состава бюро обкома вывели А. А. Белова, бывшего секретаря Выборгского горкома комсомола, «за допущенные ошибки в руководстве районной комсомольской организацией»; И. А. Августова, зав. отделом крестьянской молодежи обкома ВЛКСМ; В. В. Егорова отстранили от должности секретаря обкома по кадрам и члена бюро «за неправильное поведение в быту». Из состава обкома исключили Ф. В. Жбанкова, бывшего секретаря Кингисеппского РК, «за попытку противопоставить райком ВЛКСМ районной партийной организации»; Е. А. Иванова, бывшего секретаря Тихвинского райкома комсомола, «за насаждение чуждых комсомолу нравов и допущенные ошибки в руководстве районной комсомольской организацией»³¹.

На II пленуме ЦК ВЛКСМ 29.11.–2.12.1949 года ни в одном выступлении не прозвучали какие-либо комментарии о «Ленинградском деле» – ни в выступлении А. Н. Шелепина 29 ноября, ни в выступлении нового первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ В. Н. Зайчикова 30 ноября. Не упоминалось само определение – «Ленинградское дело». Несомненно, все члены ЦК ВЛКСМ были наслышаны о событиях, связанных с Ленинградом. Но информация не афишировалась не только в средствах массовой информации, но и на пленуме ЦК ВЛКСМ. Ничего не сказал и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов в выступлении 1 декабря. Он в обтекаемой форме сообщил, что «в некоторые комсомольские организации на руководящую работу попадают люди случайные (курсив наш. – Ю. В.), недостойные звания комсомольского руководителя». Назывались несколько областных комсомольских организаций: Челябинская, Ленинградская, Новосибирская, Псковская³². Михайлов предупредил:

«Мы не можем допускать благодушия, самоуспокоения в наших рядах. Партия требует от нас всемерного развертывания критики и самокритики...»³³

Однако с легкой руки Михайлова абстрактное определение о «случайных людях» получило широкое хождение в качестве объяснения ситуации в комсомоле.

Кадровые перестановки сопровождались, как правило, краткими комментариями. Освобождение от должности второго секретаря и члена бюро Ленинградского обкома комсомола М. Васьковского, которое произошло на пленуме обкома ВЛКСМ 19 января 1950 года³⁴, оказалось необычным. В. Н. Зайчиков сообщил о состоявшемся ранее решении бюро ЦК ВЛКСМ (6.01.1950 г.) и бюро Ленинградского обкома (9.01.1950 г.). Как выяснилось, поступило несколько частных писем о его «неправильном поведении». По информации Зайчикова, после решения ЦК ВЛКСМ об освобождении Чернецова и Ситникова Васьковский заявил на бюро, что решение правильное. Он допускал «неправильные высказывания» о том, что «меня все равно тоже снимут»³⁵. После снятия с должностей бывших руководителей обкома и горкома ВКП(б), будучи на заседании бюро ЦК ВЛКСМ в августе 1949 года, Васьковский встречался с бывшим вторым секретарем Ленинградского обкома партии Г. Ф. Бадаевым в гостинице «Москва». Он заявлял, что это была кратковременная встреча на лестнице. После этой информации Зайчикова присутствовавший на пленуме Васьковский дал объяснение о встрече с Бадаевым:

«Я думал, что он товарищ. Мне было известно на пленуме обкома ВКП(б), когда его освобождали от работы, что он отозван в распоряжение ЦК ВКП(б). Поэтому я этой встрече не придал абсолютно никакого значения. Я допустил другую оплошность: в то время Бадаев не был исключен из партии. Наш разговор длился 7–8 минут. Как дела в ленинградской комсомольской организации? Ну, что и как? Недостатков много. Не упомянул, что Чернецов и Ситников сняты с работы. Спросил, когда он получит назначение, он сказал, что два раза его вызывали в ЦК ВКП(б), но разговор о назначении не шел. По выходе из гостиницы меня кто-то из 4–5 товарищей спросили, почему я задержался и был ли Бадаев один, я на это, видимо, по своему характеру, ответил: там находилась жена Бадаева, она в белом переднике подает чай, за столом сидят Попков и Капустин и горланят песни»³⁶.

На пленуме горкома 9 февраля 1950 года, помимо Васьковского, выявились еще два эпизода, связанных с партийным руководством Ленинграда. Из состава членов горкома «за некоммунистическое поведение» вывели бывшего секретаря горкома комсомола по кадрам – делегата XI съезда ВЛКСМ Г. М. Егорову. Зайчиков сообщил, что Егорова исключена из членов ВКП(б). В качестве обвинения прозвучала история 1948 года:

«Будучи первым секретарем Выборгского райкома ВЛКСМ, активно участвовала в проведении т. н. проводов Кедрова, являясь сама активным организатором этого банкета, сама лично закупала цветы для преподнесения Кедрову, принимала участие в составлении благодарственного адреса, собирала подписи»³⁷.

Речь шла о переходе бывшего секретаря Ленинградского горкома партии по кадрам Г. Т. Кедрова на работу вторым секретарем ЦК Компартии Эстонии. В октябре 1949 года Кедров был арестован по «Ленинградскому делу».

Другое кадровое решение было связано с исключением из состава горкома ВЛКСМ А. А. Андреева за «политически вредные действия в руководстве комсомольской организации Балтийского завода». По информации Зайчикова,

«Андреев, будучи секретарем комитета ВЛКСМ Балтийского завода, явно проводил линию политически вредную на противопоставление комсомольской организации партийной организации, решал принципиальные вопросы без ведома парткома, сеял сомнения среди молодежи в отношении правильности действий парткома, пытался представить дело так, что только комитету комсомола есть дело до нужд молодежи, а партийной организации дела нет, не выполнял решений партийного комитета, ориентировал актив на то, что во всех беспорядках в работе комсомольской организации повинна партийная организация»³⁸.

Он был исключен из партии.

Одним из последствий «Ленинградского дела» явилось разграничение статуса и функций обкома и горкома комсомола в структуре Ленинградской организации ВЛКСМ. Практика, когда первый секретарь горкома одновременно являлся первым секретарем обкома комсомола, была признана «негодной». Главным органом стал обком. На пленуме Ленинградского ГК ВЛКСМ 28 февраля 1950 года первый секретарь обкома комсомола В. Н. Зайчиков, освобожденный от должности первого секретаря горкома (в связи с разграничением органов), изложил суть изменений. Он сообщил, что ЦК ВЛКСМ считал необходимым в городах, областных центрах, где обязанности первого секретаря горкома комсомола совмещались с обязанностями первого секретаря обкома комсомола, произвести разграничение. Это решение принято ЦК ВЛКСМ после того, как по указанию ЦК партии была произведена соответствующая реорганизация партийных комитетов. Такая реорганизация уже была осуществлена в Московской и Ленинградской партийных организациях. Ставилась задача – привести структуру комсомольской организации в соответствие с положением в партийной организации.

Зайчиков подчеркнул, что реорганизация восстанавливает порядок, предусмотренный Уставом

комсомола: в нем исключалось положение, когда горком комсомола подчиняется непосредственно ЦК ВЛКСМ, не подчиняясь обкому комсомола. Исключений в Уставе не предусматривалось. На практике же сложилось так, что горком комсомола самостоятельно выходил на ЦК ВЛКСМ даже с вопросами утверждения руководящих кадров³⁹. «Негодная» практика совмещений оказалась причиной многочисленных дублирований кадровых вопросов по освобождению Чернецова, Ситникова, Васьковского и других комсомольских руководителей обкома и горкома комсомола: сначала каждого из них освобождали от занимаемой должности (как правило, одновременно из бюро), затем принимали решения о выводе из состава обкома, горкома.

21 февраля 1950 года А. Н. Шелепин был утвержден вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. Один из его ближайших сподвижников, секретарь ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастный, преемник Шелепина в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, а затем председателя КГБ, также не избежал «обкатки» «Ленинградским делом». Семичастный представлял ЦК ВЛКСМ на пленуме Ленинградского обкома ВЛКСМ 25 июля 1950 года. Секретарь ЦК ВЛКСМ использовал в данном случае неуместную терминологию Н. А. Михайлова о «случайных людях»:

«В Ленинградской организации довольно продолжительное время стояло у руководства антипартийное руководство, *случайно* (курсив наш. — Ю. В.) пробравшееся к руководству. Всем известно о том большом вреде, который принесли эти люди в деле воспитания нашей молодежи»⁴⁰.

Однако, по оценке Семичастного, ленинградский актив «очистил ленинградское руководство от этих *случайных людей* (курсив наш. — Ю. В.)»⁴¹. Особой критике подверглась деятельность Ленинградского отделения издательства «Молодая гвардия» за «проникновение на работу в издательство *случайных людей* (курсив наш. — Ю. В.)», что заставило ЦК ВЛКСМ «думать о целесообразности его дальнейшей работы»⁴². Для убедительности высказываний в выступлении секретаря ЦК ВЛКСМ «вождь и учитель товарищ Сталин» цитировался 11 раз, несколько раз комсомол назывался «ленинско-сталинским».

В докладе на пленуме «О состоянии и мерах по усилению политико-воспитательной работы среди молодежи в Ленинграде и Ленинградской области», с которым выступил В. Н. Зайчиков, почти год спустя после разгромного пленума в Ленинграде 12 августа 1949 года впервые было представлено обоснование репрессивных мер в отношении руководителей Ленинградской

организации ВЛКСМ. Многочисленные факты, приведенные Зайчиковым, в значительной степени диссонировали с содержанием продолжительного выступления на пленуме В. Е. Семичастного.

В докладе Зайчикова бывший руководитель ленинградской организации ВЛКСМ В. Н. Иванов назван ставленником антипартийной группы и ее участником⁴³. Его окружение составляли, по его словам, также «пробравшиеся к руководству ставленники антипартийной группы»⁴⁴. Преемник Иванова Чернецов, по определению Зайчикова, «продолжал культивировать порочные методы руководства и насаждать чуждые комсомолу нравы»⁴⁵. Однако, вопреки заявлениям Семичастного, «ставленники» никак не могли быть «случайными людьми», способными нанести «большой вред» своими «антипартийными действиями»⁴⁶. Они имели своих покровителей в лице бывших партийных руководителей. Утверждалось, что бывшими руководителями обкома и горкома комсомола «комсомольцы и молодежь понуждались стоя приветствовать появление Кузнецова, Попкова, Капустина, Бадаева и других»⁴⁷.

Помимо политических обвинений, перечислялись многочисленные финансовые злоупотребления. Из проверенных 16 крупнейших комсомольских организаций в 15 секретари комитетов комсомола на протяжении длительного времени представляли фиктивные отчеты об уплате членских комсомольских взносов. В отчете в ЦК ВЛКСМ указывалось, что задолженность по взносам Ленинградской комсомольской организации составляла 8–10 %, а взносов поступало ежемесячно 600–700 тыс. рублей. Для сравнения: в 1950 году ежемесячное поступление взносов выросло до 1 млн 100 тыс. — 1 млн 300 тыс. рублей, хотя задолженность составляла еще 20–25 %. После пленума от 12 августа 1949 года были вскрыты растраты членских комсомольских взносов в 49 преимущественно крупных комсомольских организациях 15 районов Ленинграда⁴⁸. Лейтмотивом оценки ситуации, сложившейся в ленинградском комсомоле во второй половине 1950 года, стало высказывание первого секретаря обкома ВЛКСМ В. Н. Зайчикова на пленуме 25 июля 1950 года:

«За время после объединенного пленума ОК и ГК ВЛКСМ, который состоялся в августе прошлого года (12 августа 1949 года. — Ю. В.), в комсомольской организации, под руководством и при непосредственной помощи партийной организации и ЦК ВЛКСМ, проведена работа по искоренению последствий антипартийных действий бывшего руководства Ленинградской комсомольской организации. На комсомольскую работу выдвинуто много

новых, выросших, беспредельно преданных делу партии активистов»⁴⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) по «Ленинградскому делу», рассекреченных в 2018 году, позволяет констатировать, что репрессивные действия в отношении руководителей Ленинградского

комсомола осуществлялись по единому сценарию с партийным и советским руководством Ленинграда.

Модель «Ленинградского дела» послужила основанием для проведения последующих репрессивных действий в Северо-Западном регионе страны. Наиболее болезненным этот отголосок «Ленинградского дела» проявился в Карело-Финской ССР. Данные малоизвестные сюжеты требуют специального освещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 348. Л. 64.
- ² Там же.
- ³ Там же. Л. 69.
- ⁴ Неверно указана дата. II пленум ЦК ВЛКСМ, на котором принималось отменяемое постановление, проходил 29.11–2.12.1949 года.
- ⁵ Также неверно датировано отменяемое решение, принятое II пленумом ЦК ВЛКСМ, 29.11–2.12.1949 года.
- ⁶ Постановления IV пленума ЦК ВЛКСМ от 23–25 августа 1950 года.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 350. Л. 240.
- ⁸ Там же. Ф. М-28. Оп. 1. Д. 82. Л. 21–22.
- ⁹ Там же. Д. 5. Л. 2–3.
- ¹⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 550. Л. 147.
- ¹¹ Там же. Л. 148.
- ¹² Там же. Л. 150.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ http://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/BOOKS/LUTOVA/LUTOVA_4.HTM#10 (дата обращения 12.08.2018).
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 1864. Л. 129. Чтоб пред волками преклоняться? Страницы драматической жизни комсомольского вожака Ленинграда Всеволода Иванова в воспоминаниях и документах // Неделя. 1989. № 10. С. 11.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 1864. Л. 129.
- ¹⁷ Там же. Оп. 58. Д. 6040. Л. 43.
- ¹⁸ Там же. Д. 2718. Л. 44.
- ¹⁹ Там же. Л. 46.
- ²⁰ Там же. Д. 8748. Л. 33.
- ²¹ Там же. Л. 35.
- ²² В 1954 году по обвинению в фальсификации «Ленинградского дела» расстреляны руководители Следственной части МГБ СССР А. Г. Леонов, В. И. Комаров, М. Т. Лихачев, а также полковник Л. Л. Шварцман – автор итогового обвинительного заключения. Вину за сфабрикованное дело также возложили на бывшего министра госбезопасности генерал-полковника В. С. Абакумова, приговоренного к высшей мере наказания.
- ²³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 1864. Л. 90.
- ²⁴ Там же. Ф. М-6. Оп. 11. Д. 24. Л. 102. Предыдущий X съезд ВЛКСМ проводился в 1936 году.
- ²⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 486. Л. 13.
- ²⁶ Там же. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Ф. М-1. Оп. 16. Д. 755. Л. 72–73.
- ²⁸ Там же. Л. 191.
- ²⁹ Там же. Л. 68.
- ³⁰ Там же. Л. 194.
- ³¹ Там же. Д. 538. Л. 34–35.
- ³² Там же. Л. 223.
- ³³ Там же. Л. 225.
- ³⁴ Там же. Л. 53.
- ³⁵ Там же. Л. 205.
- ³⁶ Там же. Л. 206–207.
- ³⁷ Там же. Л. 130.
- ³⁸ Там же. Л. 131.
- ³⁹ Там же. Д. 705. Л. 158–160.
- ⁴⁰ Там же. Д. 540. Л. 142.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Л. 151.
- ⁴³ Там же. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12.
- ⁴⁵ Там же. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же. Л. 16.
- ⁴⁷ Там же. Л. 13.
- ⁴⁸ Там же. Л. 13–14, 16.
- ⁴⁹ Там же. Л. 16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова А. А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 94–112.
2. Ваксер А. З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб.: Европейский Дом, 2012. 48 с.
3. Васильев Ю. А. Как снимали Куприянова // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. № 2 (171). С. 24–32.
4. Васильев Ю. А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2018. 416 с.
5. Васильев Ю. А., Шепелев В. Н. Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // *Исторический архив*. 2016. № 3. С. 3–31.
6. Гижов В. А. «Ленинградское дело» в отечественной историографии // *Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций XX–XXI вв.* Саратов: Амирит, 2016. С. 55–58.

Vasiliev Yu. A., Journal *Vlast' (The Authority)*, Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)

THE FATE OF THE KOMSOMOL LEADERS IN THE HISTORY OF THE “LENINGRAD CASE”

The phenomenon of the “Leningrad case” between 1949 and the early 1950s seems to be one of the most resonant phenomena of the late Stalin era. It is ascertained that as a result of the repressive policy dozens of the Leningrad Komsomol Organization officials of various levels – city, regional, district and primary – suffered. Among the disgraced leaders of the Leningrad Komsomol Organization were Vsevolod Ivanov, Vsevolod Chernetsov, Anatoly Sitnikov, Mikhail Vaskovsky, Galina Egorova, Tatyana Nikiforovskaya and others. The documentary basis of the publication was comprised of the materials of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) declassified in 2018. The study of documents on the history of the “Leningrad case” makes it possible to affirm the unity of its scenario, the synchronization of repressive actions, and the use of the same methods towards the party and Komsomol leaders of Leningrad, accused of being involved in the “anti-party group”. The declared reason for the “major shortcomings” in the Komsomol was the copying of the methods and work style of the former party leadership. It is noted that the personal affairs of the former leaders were dealt with by the trustees of the Party Control Commission under the Central Committee of the Communist Party and a group of officers from the Investigation Unit for Especially Important cases of the USSR’s Ministry of State Security (MGB). Attention is drawn to the participation of the future KGB chairmen A. N. Shelepin and V. E. Semichastny, at that time the secretaries of the Central Committee of the Komsomol, in the Leningrad events.

Key words: “Leningrad case”, late Stalinism, Party Control Commission, history of the Komsomol, Vsevolod Ivanov, Vsevolod Chernetsov, Anatoly Sitnikov, Mikhail Vaskovsky

REFERENCES

1. Amosova A. A., Brandenberger D. The latest approaches to the interpretation of the “Leningrad case” between the late 1940s and the early 1950s in Russian popular scientific publications. *The Newest History of Russia*. 2017. No 1. P. 94–112. (In Russ.)
2. Vakser A. Z. The “Leningrad case”. Results of the study and new aspects. St. Petersburg, 2012. 48 p. (In Russ.)
3. Vasiliev Yu. A. Removal of G. N. Kupriyanov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 2 (171). P. 24–32. (In Russ.)
4. Vasiliev Yu. A. Yuri Andropov. On the way to power. Moscow, 2018. 416 p. (In Russ.)
5. Vasiliev Yu. A., Shepelev V. N. The struggle of political elites in the conditions of late Stalinism. Karelian aftersound of the “Leningrad case”. 1949–1950. *Historical Archive*. 2016. No 3. P. 3–31. (In Russ.)
6. Gizhov V. A. The “Leningrad case” in the Russian historiography. *Russia – the USSR – the RF in the conditions of reforms and revolutions of the XX and XXI centuries*. Saratov, 2016. P. 55–58. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.08.2018

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВТОРУШИН

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела

Омский государственный технический университет (Омск, Российская Федерация)

vtorushin-m2013@yandex.ru

К ТЕОРИИ ВОПРОСА АМЕРИКАНСКОГО И ПРУССКОГО ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Представлен анализ проблемы сущности американского и прусского вариантов развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства России, включая Сибирский регион, в XIX – начале XX века. Данная проблема является актуальной в связи с дискуссией о закономерности Великой русской революции 1917 года. Цель исследования – выявить общие и отличительные признаки американского и прусского вариантов развития капитализма в сельском хозяйстве и дать краткую ретроспективу зарождения и эволюции двух путей развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства России, а также формы их реализации. Этот вопрос исследуется на основе диалектико-материалистического метода познания. В итоге исследования проблемы определено историческое место прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве в качестве хозяйственной формы переходного типа между барщинным и фермерским способами аграрного производства в России. Изучена специфика американского и прусского путей развития капитализма в сельском хозяйстве Сибирского региона, где они сосуществовали параллельно, как и в европейской части России, вплоть до событий революции 1917 года и Гражданской войны на востоке страны.

Ключевые слова: американский и прусский пути развития капитализма, аренда, внеэкономическое и экономическое принуждение, отработки, непосредственный производитель, помещичье землевладение, фермерский способ производства

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссионной проблемой истории кризисного состояния общества России рубежа XIX–XX веков, которая требует дополнительного изучения, является вопрос о понимании сущности пути развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства страны после отмены крепостного права. Уточнение этого вопроса имеет значимость при изучении аспекта предпосылок Октябрьского политического переворота 1917 года в России, то есть закономерности или стечения обстоятельств данного исторического события. Традиционно в отечественной литературе вопрос о буржуазной аграрной эволюции в народном хозяйстве России в основном рассматривался в рамках концепции В. И. Ленина, которая изложена в работах «Развитие капитализма в России» [9], «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» [7] и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» [8]. В рамках этой концепции принято считать, что в сельском хозяйстве страны после отмены крепостного права сохранялся ряд значимых феодальных пережитков, тормозивших развитие экономики страны по буржуазному пути, главные из которых – помещичье землевладение и отработки крестьян как разновидность барщины. На этом выводе,

например, строится тезис, что в Сибирском регионе, который со второй половины XIX века приобрел в связи с массовым переселением крестьян (в литературе этот процесс определен как крестьянская колонизация Сибири [18: 42–75]) из кризисных губерний Европейской России из-за аграрного перенаселения статус Зауральской земледельческой колонии Российской империи (земледельческими колониями в этот период, кроме Сибири, считались земли Маньчжурии вдоль полосы отчуждения линии КВЖД, Туркестан и часть Северной Персии¹ как объекты для крестьянского переселения из метрополии), также сохранялись феодальные пережитки, так как в Сибири, в качестве доказательства, имелось землевладение Кабинета царствующей семьи Романовых (свыше 60 млн дес.). Есть также мнение, что на Сибирский регион при отсутствии на его территории помещного землевладения влияло в негативном плане сохранение крепостных пережитков в европейской части России [5: 45]. Тем самым под сомнение ставится хозяйственная эволюция земельной собственности помещиков, которая была феодальной по своей истории появления, по буржуазному пути, как до крестьянской реформы 1861 года, так и после отмены крепостного права. Мнение о доминировании в аграрном секторе народного хозяйства России пережитков крепостничества в том или ином виде изложено

в работах ведущих экспертов по этому вопросу: А. М. Анфимова [2: 360–381], С. М. Дубровского [4: 9–11; 51–61], П. Н. Першина [13: 63–107], К. Н. Тарновского [16: 201–210], В. К. Яцунского [27: 89–91] и др. На современном этапе изучения данной проблемы необходимо указать на работы А. Бородача [3] и П. И. Савельева [17] и косвенно на исследования Н. М. Александрова [1], В. Н. Литугева [10], И. М. Пушкаревой [15: 14–29], В. Г. Тюкавкина [20], К. С. Чикаевой [22] и других, затрагивающих в той или иной степени спорные моменты дискуссии советских историков конца 1950-х – начала 1960-х годов по данной проблеме.

Стоит отметить, что вышеназванные специалисты в той или иной мере, осознанно или не осознанно, однако латентно проблему перевели в плоскость дискуссии западников и славянофилов о сущности исторического пути России, проводя мысль, что русское помещичье хозяйство (в отличие от Англии, Германии и Франции, где в прошлом феодальное земельное владение эволюционировало, что доказано К. Марксом [11] и Ф. Энгельсом [23], [24], [25] в ряде исследований по капиталистическому пути) было тормозом экономического прогресса страны, так как по своей социально-экономической сущности оно являлось неизменно феодальным, то есть вновь особый путь развития России, отличный по сути от социально-экономического развития ряда ведущих стран Европы. По этому поводу ранее критически высказались историки марксистской школы М. Н. Покровский [14: 137] и А. В. Шестаков. Они считают, что в данном случае произошло смешение понимания сущности барщины и отработок как двух разновидностей одного типа хозяйства. По их мнению, для уяснения сути вопроса следует различать *экономическое* и *внеэкономическое* принуждение, так как барщину крестьяне отбывали на основе юридических статей Соборного уложения 1649 года, а на отработки в пореформенный период их гнала нужда. Исходя из этого необходимо дополнительное изучение сущности как буржуазной эволюции аграрного сектора народного хозяйства России во второй половине XIX – начале XX века, так и путей ее реализации. В данном случае мы проводим анализ явления и признаков двух путей развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства России после отмены крепостного права, стремясь выявить сущность и временные рамки их функционирования. Для уточнения цели исследования предлагаем, опираясь на выводы по данной проблеме основоположников теории исторического материализма, свое понимание социально-экономической сущности *американского* и *прусского* путей развития капитализма в сельском хозяйстве, исходя из того, что вариант прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве подразумевает получение ренты через сдачу в аренду (краткосрочную или долгосроч-

ную) земельных угодий (пашни, леса, пастбища), отдельно – аграрного инвентаря (включая машины) и тяглового скота (в том числе упряжь к нему) как сельским общинам, субарендаторам и артелям, так и индивидуальным земледельцам на условиях как отработок, так и денежной оплаты. Американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве предполагает получение ренты через непосредственную предпринимательскую деятельность владельца земельной собственности как в личной трудовой форме, так и путем эксплуатации наемного труда сельскохозяйственных рабочих, занимаясь в основном управлением, то есть менеджментом в современной терминологии.

По нашему мнению, исторически прусский вариант развития капитализма в сельском хозяйстве занимает промежуточный или переходный этап между получением помещиком феодальной ренты за землю через фиксированные барщину и оброк (простое товарное производство), как это было до середины XIX века, и доходом с земельной собственности того же владельца поместья в пореформенный период в форме прибавочной стоимости от ренты буржуазного типа (расширенное товарное производство), который традиционно связывают с *фермерским путем* развития капитализма в сельском хозяйстве. Анализ истоков и эволюции прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве России показывает, что его развитие стоит разделять на два периода: до реформы 1861 года и после нее. На первом этапе он имел латентный, неявный характер, так как формировался еще в условиях господства барщинного способа ведения хозяйства. До отмены крепостного права его основой, как правило, являлось дворянское поместье, которое по ряду экономических причин отрицало под влиянием формирования Всероссийского рынка уже в XVII веке как феодальный принцип вотчины о безусловном закреплении непосредственного производителя (в юридическом плане – без права ее покидать) за хозяйством землевладельца, так и условие государства, как верховного распорядителя всего земельного фонда страны, не сдавать данное земельное владение в аренду. Так, XVII век в России породил институт *отходничества* крепостного крестьянства, который постепенно от сезонного явления приобрел в XVIII веке характер постоянного фактора в экономической жизни страны, причем в качестве массового явления, поскольку для известной части дворян-землевладельцев денежный оброк стал основным источником дохода, то есть не полевые работы в поместье в пользу помещика и продажа зерна, а также иной аграрной продукции, например, конопли и льна, на местном или в масштабе всероссийского рынка, а заработки его крепостных крестьян на стороне, имевших для этого отпускные письма от барина [20: 61].

Можно предположить, что увеличение барщины до 5–6 дней в неделю в конце XVIII века против 1–2 дней в начале века было обусловлено нехваткой в хозяйстве помещика рабочих рук, поскольку производители отправлялись на длительные заработки за пределы поместья, поэтому обязанности обработать барскую половину пашни возлагались на оставшихся в поместье крестьян. Попытка Павла I сократить рабочую неделю крепостного крестьянства в пользу помещика до трех дней, чтобы смягчить недовольство непосредственного производителя нарушением традиционных норм барщины, стала хозяйственной основой конфликта известной части поместного дворянства с императором и последовавшего затем дворцового переворота 12 марта 1801 года.

По существу, неразработанной темой в отечественной историографии является вопрос об участии *капиталистских* крестьян в развитии аграрного сектора народного хозяйства России во второй половине XVIII века, так как основное внимание специалистов уделяется их промышленной деятельности. Однако известно, что состоятельные крепостные крестьяне в этот период уже арендовали земли или у местных несостоятельных помещиков, или у своих односельчан, или у владельцев латифундий, организуя (по меркам того времени) крупное зерновое товарное производство (например, С. Г. Струмилин отмечает их наличие уже в XVI веке под именем *добрые* [19: 68]), что не встречало возражений у их хозяев, поскольку это приносило им по оброку большие денежные суммы. Видимо, по этой причине Екатерина II включила в «Жалованную грамоту дворянству» 1785 года пункт об исключительном праве дворян-помещиков владеть землей на основе частной собственности, то есть это была своеобразная попытка оградить их от нарастающей конкуренции в сфере аграрного производства и сбыта крестьян-предпринимателей на местном и, возможно, на всероссийском хлебном рынке. Данное явление, по нашему мнению, имело вполне буржуазный характер (своеобразная предтеча как прусского, так и американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны) и породило, в сущности, известные указы Александра I – от 12 декабря 1801 года о праве не дворянам покупать свободные земли для коммерческой деятельности вне города, и 20 февраля 1803 года, известный как «О вольных хлебопашцах».

В первой половине XIX века в России в русле производственных отношений помещика и его крепостных крестьян возникло новое явление, известное как *месячина*, то есть освобождение производителя от положенного ему в рамках поместья земельного надела с предоставлением месячного натурального пайка (видимо, это стоит понимать как минимум оплаты труда работника по найму и своеобразное насильственное вытал-

кивание крестьянина на дополнительные заработки вне хозяйства владельца поместья) и сдача этого надела в аренду, что фактически требовало отменить всю систему крепостного права в стране. Это, помимо всего прочего, давало помещикам возможность не платить государству налог по *ревизским сказкам* за крепостные души. Как мы считаем, институты отходничества и месячины стали предвестниками как прусского, так и американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны пока еще в латентной форме, которые публично получили повсеместное развитие лишь после Крестьянской реформы 1861 года, заменив собой барщинную систему хозяйствования. В этом случае стоит поставить под сомнение положение В. И. Ленина о чертах барщинного хозяйства, в котором красной нитью проходит мысль о его замкнутости, натуральности и самодовлеющем характере поместья дворян, о безусловном прикреплении к поместью землевладельца непосредственного производителя, особенно то утверждение, что «барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права» [9: 185] (однако перевод крепостных крестьян в разряд дворовых или их продажа говорят о наметившемся кризисе барщинной системы хозяйства уже в середине XVIII века). Иначе выходит, что капитализм в сфере аграрного производства начал свою историю лишь с 19 февраля 1861 года (это вызывает резонное сомнение у ряда специалистов, как, например, у С. Г. Струмилиной [19: 56] и М. В. Нечкиной [12: 34]), то есть имманентно, и не был итогом достаточно длительного вызревания буржуазных экономических отношений в предшествующую историческую эпоху, которую в литературе принято называть «Разложение и кризис феодально-крепостнической системы второй половины XVIII – первой половины XIX века», что противоречит одному из законов диалектики о переходе количества в качество.

Особое место в формировании прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве России сыграл институт *залога дворянской земли*. Возник он в середине XVIII века, когда правительство Елизаветы Петровны учредило Дворянский заемный банк, чтобы финансировать предпринимательскую деятельность помещиков, установив до 6 % на всю сумму денежного займа (так называемый указной процент) под залог имений, со сроком уплаты не более трех лет. Однако из-за систематических неурожаев, а также неблагоприятной конъюнктуры на местном и всероссийском аграрных рынках помещики, как правило, не могли уплатить проценты по залому и тем более вернуть кредит Дворянскому заемному банку. Поэтому для них единственным путем поддержания поместья оставались сдача земли в аренду капиталистским крестьянам или соседям-помещикам, так как в противном случае им угрожала потеря за

долги наследственной земельной собственности и переселение в город, чтобы со временем войти в состав разночинской интеллигенции. Важно, что в дворянском обществе начала XIX века уже шла острая дискуссия о путях развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства страны с опорой на полученный хозяйственный опыт.

Стоит отметить, что программы декабристов по аграрному вопросу в России предполагали оба варианта развития капитализма в сельском хозяйстве. Так, в «Русской правде» П. И. Пестеля однозначно излагался вариант американского пути реформирования аграрного сектора народного хозяйства России, причем как силами поместных землевладельцев, так и свободного крестьянского двора. «Конституция» Н. И. Муравьева не дает однозначного ответа, как «Северное общество» декабристов собиралось реконструировать земельные отношения после политического переворота в стране. Можно предположить, что оно склонялось к прусскому пути, так как после отмены крепостного права за крестьянами оставляли всего по две десятины земли на одну мужскую душу, а это предполагает арендные отношения между владельцем поместной земельной собственности и свободным производителем аграрной продукции, который должен был владеть парцельным наделом по образцу крестьянства Пруссии начала XIX века. Важно отметить, что в ходе наполеоновских войн многие будущие декабристы, находясь в Европе, познакомились с хозяйственными системами местных помещиков, что, видимо, повлияло на их взгляды в отношении путей развития их собственных поместий. Так, видный декабрист И. Д. Якушкин попытался для своего поместья внедрить прусскую модель ведения хозяйства, но его крепостные крестьяне заявили, понимая, что обезземеливание приведет их к полному разорению: «Мы Ваши, а земля наша» [14: 19].

По нашему мнению, прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве России после реформы 1861 года был закономерным и необходимым, являясь отражением как предыдущего развития аграрного сектора народного хозяйства страны, так и социально-экономических реалий, сложившихся после отмены крепостного права. По этой причине до определенного момента эта версия носила прогрессивный характер, способствуя утверждению буржуазных производственных отношений. Однако, исчерпав все положительные стороны своего развития, когда в аграрном секторе народного хозяйства Европейской России в основном были преодолены остатки полуфеодальных отношений, прусский путь вступил в острые противоречия с новыми экономическими потребностями развивающегося по пути капитализма общества страны. Это в полной мере выявилось в начале 1890-х годов. Сигналом о важности перехода на амери-

канский путь развития капитализма в аграрном секторе явились неурожай и массовый голод 1891–1892 годов (29 губерний и 35 млн голодающих), резкий рост арендной платы, истощение плодородия арендуемой земли из-за отсталой агротехники, массовая задолженность и разорение владельцев поместий, затем аграрные беспорядки 1902–1904 годов. Реализация этой перспективы была изложена в аграрных программах ряда политических партий России начала XX века, которые настаивали на полной ликвидации всего помещичьего землевладения, по их мнению, источника экономических противоречий и неурядиц в стране, не делая при этом различий между латифундиями аристократии, поместьями средней руки, в этот период показывавшими высокую товарность, то есть до 47 % против 34 % у кулаков [6: 30–31], и убыточными хозяйствами мелкопоместного дворянства (В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» указывает только на латифундии, считая их крепостническими, тем самым распространяя этот взгляд на все помещичье землевладение [7: 215]), или через принудительное отчуждение за выкуп, или через муниципализацию, или через национализацию, или через социализацию. В любом случае речь шла о повсеместном переходе в России к *фермерскому способу* аграрного производства. Осознанием этого императива правящими верхами стала аграрная реформа П. А. Столыпина, который рядом преобразований хотел перевести сельское хозяйство на американский путь развития капитализма, чтобы параллельно разрешить как аграрный кризис в народном хозяйстве страны, так и крестьянский вопрос в России в целом.

Анализируя аграрно-крестьянский вопрос России данного периода, мы пришли к выводу, что прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве (на примере европейской части страны) стоит определять как *вынужденный путь* экономической эксплуатации своих земельных угодий (например, помещиком), поскольку главной его целью по большей части являлось выживание в условиях недостаточной развитости и нестабильности национального аграрного рынка, а также мирового аграрного перепроизводства (на нерентабельности поместных хозяйств и разорение большей части русских помещиков главным образом влияли конкуренция на европейском и мировом аграрном рынке дешевого американского хлеба и «хлебные законы» Бисмарка) как владельца земельной собственности вне зависимости от форм владения, так и ее арендатора. По этой причине в Европейской России возникли анклав с так называемой смешанной формой ведения аграрного производства силами крестьянских и помещичьих хозяйств, то есть в благоприятные годы преобладал американский

вариант, а в неблагоприятные – прусский. Тем самым вариант прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве использовался владельцем земельной собственности или ее субарендатором при условии:

- больших затрат на аграрный продукт, когда расходы на его производство превышают вложения, что вынуждает отказаться от предпринимательства;
- недостатка земельных угодий или их истощения (например, убыль плодородия почвы), что не позволяет развернуть рентабельное хозяйство фермерского типа;
- высоких банковских кредитов на производство, страхование и сбыт аграрного продукта, когда проценты по займу превышают доходы от производственной деятельности;
- превышения доходов от сдачи в аренду земельных угодий над доходами от прямой предпринимательской деятельности (негативная конъюнктура хлебного рынка или невысокие цены на аграрный продукт, нивелирующие прибыль).

Минусами прусского пути капитализма в сельском хозяйстве являются:

- во-первых, истощение почвы, так как при кратковременной аренде арендатор или субарендатор не заинтересованы в поддержании ее плодородия;
- во-вторых, хищническая порубка леса (стремление арендатора продать часть лесных материалов на местном рынке по бросовым ценам);
- в-третьих, вытаптывание пастбища в результате неправильного прогона скота арендатором во время выпаса при краткосрочной аренде пастбища.

Кроме того, по этой же причине (краткосрочная аренда) – небрежное отношение к арендованному аграрному инвентарю, тягловому скоту и упряжи. Данный путь развития капитализма в сельском хозяйстве при особых условиях, как это было в России во второй половине XIX века, предполагает натуральный расчет (отработками или зерном) за арендуемые земельные угодья (обычно у индивидуальных крестьян-арендаторов или крестьянских общин наличных денежных средств не имелось, поскольку все наличные деньги уходили на уплату казенных и земских налогов, а также выкупные платежи государству). Полученное в качестве оплаты за аренду земли зерно владелец земельной собственности, как правило, чтобы избежать транспортных расходов и коммерческих рисков на аграрном рынке, продает по бросовым ценам (версия буржуазного предпринимательства начиная с XVII века). Эти обстоятельства, а не наличие, по нашему мнению, помещичьего хозяйства, сдерживали прогресс в аграрном секторе народного хозяйства страны, обрекая большую

часть крестьянства России на нищенское существование, а помещиков на разорение и продажу своих поместий Дворянскому поземельному или ипотечным банкам.

Стоит отметить, что одним из заблуждений при изучении данной проблемы является мнение, что прусский путь развития присущ лишь помещичьим хозяйствам. Так, сибирские историки В. И. Дулов и В. Г. Тюкавкин настаивают:

«Следовательно, основным критерием определения **прусского** или **американского** пути В. И. Ленин признавал наличие или отсутствие помещичьего хозяйства, так как “помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя”» [5: 47].

Однако известно, что модель прусского пути также активно использовали разбогатевшие крестьяне при эксплуатации как своих, так и арендованных земельных угодий в своей или в соседних деревнях, превращаясь со временем в сельскую буржуазию, или кулаков, как это было в России после отмены крепостного права. Данное явление в конце XIX века получило распространение и в деревнях Сибирского региона. Поэтому, вопреки устойчивому мнению, кулачество, например в России, являлось скорее реакционной силой в деревне, тормозя ее развитие, чем носителем прогресса. Как отметил Ф. Энгельс в письме Н. Ф. Даниельсону, известному экономисту-народнику:

«...кулаки, насколько я вижу, тоже предпочитают держать крестьянина в своих когтях как *предмет эксплуатации*, чем разорить его раз и навсегда и приобрести себе принадлежащую ему землю» [26: 116].

Так, кулаки, арендуя помещичью землю, как правило у крупных землевладельцев, затем сдавали ее в аренду нуждающимся крестьянам. Они параллельно приобретали сельскохозяйственные машины, аграрный инвентарь и тягловый скот выше обусловленных производственных или технологических потребностей их личного хозяйства для того, чтобы их сдавать в аренду все тем же нуждающимся в средствах производства несостоятельным крестьянам. Все вместе это порождало трудно разрешимые противоречия в крестьянской общине и обуславливало вторую социальную войну в деревне. По этой причине премьер-министр Российской империи П. А. Столыпин делал ставку именно на кулачество, или *чумахы лендлордов*, в качестве социальной опоры отжившей в стране политической системы самодержавия.

Модель крестьянского варианта прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны получила широкое распространение в Зауральской колонии Российской империи, где местное зажиточное крестьянство, арендуя земли Кабинета его Величества и казенно-оборочные статьи, сдавало их в субаренду многочисленным переселенцам из метрополии,

например, категории непричисленных к какой-либо общине новоселов. Корнем краевой специфики прусского пути являлись неразвитость местной транспортной системы, что мешало вывозу из Сибири зерновой продукции как на рынки метрополии, так и на мировой рынок, а также влияние Челябинского тарифного перелома, который удваивал стоимость сибирского хлеба, нивелируя ожидаемую местными производителями прибыль от хлеботорговли, то есть вновь вынужденный путь развития капитализма в сельском хозяйстве, имевшем в этот период во многом характер регресса, но уже в земледельческой колонии, где исторически никогда не было помещичьего хозяйства². По этой причине в начале XX века сибирские областники активно будировали в местной печати и в выступлениях депутатов Государственной думы от Сибири всех созывов вопрос о необходимости перехода к фермерскому пути развития сельского хозяйства региона³.

Антитезой прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве выступает американский путь. Его стоит называть *оптимальным* вариантом эксплуатации своей земельной собственности, поскольку его главной целью является получение максимальной прибыли для последующего расширенного аграрного производства. Эта версия развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства, как до этого прусский путь, является объективным и закономерным этапом развития аграрного производства в ряде стран мира. Его особенность заключается в том, что он, во-первых, естественным путем, как это ни парадоксально звучит, вытекает непосредственно, при этом отрицая его, из прусского пути развития капитализма, если это касается стран Европы, но при этом, а это, во-вторых, напрямую не связан с функционированием бывшего феодального (помещичьего) поместья. Раньше всего и в наиболее чистом виде американский путь развития капитализма возникает там, где отсутствовали феодальные традиции, а это, как правило, были колонии ведущих держав Европы, о чем свидетельствует аграрная история США, Канады и Австралии.

Положительные стороны этого варианта развития сельского хозяйства:

- расширенное воспроизводство аграрной продукции, чтобы иметь возрастающую прибавочную стоимость;
- интенсивное внедрение в сельскохозяйственное производство машинной техники аграрного предназначения, удобрений, правильный севооборот и улучшение качества поголовья скота для повышения конкурентоспособности;
- весь набор необходимых современных средств производства аграрного предназначения (как правило, приобретаемый через банковские кредиты);

- широкий товарооборот земельной собственности, способствующий укрупнению успешных фермерских хозяйств.

Стоит отметить, что американский, или фермерский, путь развития в сельском хозяйстве не исключает развития арендных отношений, так как состоятельный владелец предпринимательского хозяйства для расширения аграрного производства при определенных условиях арендует земли несостоятельного фермера или свободного государственного фонда.

Негативными сторонами американского пути развития сельского хозяйства являются:

- во-первых, стабильное (нерегулируемое) перепроизводство аграрной продукции, которое при условии низких цен на рынке из-за избытка (фактор влияния спроса и предложения, порождающего так называемые коммерческие риски), предложенного другими производителями однотипной аграрной продукции, может привести или к гибели (уничтожению) товарного продукта, или к разорению владельца земельной собственности;
- во-вторых, полная зависимость владельца земельной собственности от банковских кредитов и страховых компаний, поглощающих по процентам на кредит или страховых взносов львиную долю полученной прибыли от предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве;
- в-третьих, монополизация аграрного рынка крупными фермерскими хозяйствами с вытеснением с него мелких производителей, после чего ими устанавливаются монопольно высокие цены на аграрную продукцию с учетом процентов по банковским кредитам и страховым взносам.

В Европейской России американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве в основном был связан с дворянскими поместьями средних размеров, которые имели достаточные материальные и денежные средства для развертывания буржуазного предпринимательства. Как правило, располагались такие поместья вблизи значимых губернских и уездных городов, морских портов, узлов железных дорог и речных пристаней, что резко сокращало транспортные расходы, позволяя обходиться без услуг перекупщиков. Наличие большого контингента работников, искавших в этих местах работу, обеспечивало необходимую сезонную рабочую силу для хозяйства помещика-предпринимателя. Стоит указать, что данный тип помещика часто был связан с производством, параллельно с выращиванием традиционной яровой пшеницы, новых аграрных культур (картофель, подсолнечник, сахарная свекла, табак), имевших все возрастающий спрос на российском рынке. Кулак был в неравном положении в развитии американского пути по сравнению с помещиком, так как

его предпринимательская деятельность в значительной мере ограничивалась его неравноправным социальным статусом и вхождением в состав сельской общины. По этой причине в ряде случаев кулак был катализатором выступления общины против помещика. Ряд требований общины при проведении полевых работ, например одновременность посевных мероприятий и уборки урожая, так как после снятия урожая поле превращалось в общественный выгон, препятствовали самостоятельному ведению хозяйства. Тем более, что одновременность полевых работ требовала традиционное трехполье и ту же посевную культуру, что и у других общинников, мешала внедрению системы многополья и правильного севооборота. Кроме того, круговая порука при разверстке государственных податей в общине требовала от кулаков уплаты налога и за многочисленных несостоятельных односельчан. По этой причине известная часть кулачества приветствовала положения аграрной реформы 9 ноября 1906 года, которые позволяли выйти из общины с ее круговой порукой и завести самостоятельное хозяйство фермерского типа.

В Зауральской колонии России американский путь в силу исторических особенностей региона полностью был связан с крестьянскими хозяйствами средних и крупных размеров. Однако они могли функционировать как фермерские хозяйства лишь в местах, которые обеспечивали устойчивый сбыт аграрной продукции. В XIX веке это были пристани судоходных рек, а в начале XX века – еще дополнительно станции Транссибирской магистрали и местных железных дорог. Тем более, что в этих местах скапливалась масса неприписанных крестьян из метрополии, искавших заработка, а также имевших опыт найма в сельскохозяйственные рабочие у себя на родине. Стоит указать, что фермерские хозяйства сибирских крестьян, как правило, располагались на расстоянии не более 100 верст от линии железной дороги или реки, так как в противном случае их зерновое производство переставало быть рентабельным. Поэтому за пределами обусловленного расстояния крестьяне Сибири должны были или прибегать к прусскому варианту ведения аграрного производства, или вести полунатуральное хозяйство, занимаясь наряду с полеводством для личных нужд разного рода промыслами, чтобы иметь денежные средства. Сибирские областники по этой причине активно настаивали перед царским правительством на интенсивном строительстве в регионе дополнительных линий

железных дорог, чтобы капитализм американского типа проникал в сибирскую глубинку.

Аграрный кризис России начала XX века был в известной мере преодолен событиями революции 1917 года, так как советское правительство своими декретами разрешило дилемму выбора версий развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства страны в пользу американского пути. Так, статьи Декрета о земле упразднили помещичьи хозяйства, которые функционировали на базе прусского пути, а рентабельные превратили в госхозы (совхозы), не допуская их дробления между нуждающимися крестьянами и кулаками. Кроме того, были сняты с крестьянских хозяйств все задолженности не только перед государством, но и перед ипотечными банками, для чего был национализирован банковский сектор и создан единый государственный банк. Также был запрещен товарооборот земли, что отвечало теории эсеров о равенстве крестьянских хозяйств, запрещалась аренда земли – допускалась лишь трудовая ее форма. Тем самым была проведена генеральная чистка сельского хозяйства страны от всех отживших форм ведения аграрного производства, и созданы идеальные стартовые условия для крестьянской версии фермерского способа хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, стоит признать, что аграрный сектор народного хозяйства России еще до реформы 1861 года и вплоть до революции 1917 года (и даже после нее, то есть до начала процесса коллективизации деревни) развивался по капиталистическому пути, имея ведущей формой в 1860–1880-е годы прусский вариант как в помещичьих, так и в крестьянских хозяйствах по объективным хозяйственным и социальным причинам внутреннего и внешнего плана. Наряду с ним активно формировалась американская версия капитализма в сельском хозяйстве страны, которая после сосуществования в пореформенный период в конце века вступила в противоречия с моделью прусского пути, выполнившим уже свою историческую миссию связи между барщинной системой аграрного производства и современной фермерской формой ведения сельского хозяйства. Ход революции 1917 года, черныи передел земли как в Европейской России, так и в Сибири, а также решения Второго съезда Советов по земельному вопросу подвели черту под процессом перехода к фермерству в аграрном секторе народного хозяйства страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О претензиях Российской империи на территорию Южного Азербайджана можно судить по статье В. Воцаина «Современные задачи России на севере Персии», помещенной в офицюзее правительства «Вопросы колонизации» № 17 за 1915 год.

² Данную проблему автор рассматривает в статьях «Кризис аграрных отношений в Сибири на рубеже XIX–XX вв.», опубликованной в Вестнике Брянского государственного университета (2017. № 1), и «Кризис аграрных отношений

в Сибири в начале XX века», опубликованной в Научных ведомостях Белгородского государственного университета (2018. № 4).

- ³ Критические статьи областных публицистов и тексты речей депутатов Сибирской парламентской группы по аграрному переустройству в Сибири регулярно публиковались в сборнике «Сибирские вопросы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н. М. Проблемы аграрной истории России (вторая половина XIX – начало XX века). Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2003. 63 с.
2. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М.: Наука, 1969. 396 с.
3. Бородач А. Американский и прусский пути развития сельского хозяйства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/12/18/1358> (дата обращения 27.03.2018).
4. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.
5. Дулов В. И., Тюкавкин В. Г. О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 45–60.
6. Китанина Т. М. Хлебная торговля России. 1875–1911: очерки правительственной политики. Л.: Наука, 1978. 278 с.
7. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 193–413.
8. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 57–137.
9. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. 791 с.
10. Литувев В. Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. Теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М.: Собрание, 1997. 236 с.
11. Маркс К. Так называемое первоначальное накопление // Капитал. Критика политической экономии: В 3 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 1. С. 725–773.
12. Нечкина М. В. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 31–51.
13. Першин П. Н. Аграрная революция в России. М.: Наука, 1966. Кн. I. 489 с.
14. Покровский М. Н. Русская история: В 3 т. СПб.: Полигон, 2002. Т. 3. 367 с.
15. Пушкарева И. М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (К постановке проблемы) // Вопросы истории России. 1999. № 4. С. 14–29.
16. Тарновский К. Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (конец 1930-х – первая половина 1950-х годов) // Исторические записки. 1969. № 83. С. 196–221.
17. Савельев П. И. «Фермерский путь» в аграрном развитии России конца XIX – начала XX вв. // Материалы Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: МГУ, 1997. С. 96–104.
18. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
19. Струмилин С. Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 56–69.
20. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
21. Фадеев А. В. Развитие капитализма вширь в пореформенной России // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 10. 1956. С. 3–17.
22. Чикаева К. С. Структура помещичьего хозяйства Северного Кавказа на основе анализа статистических публикаций дворянского банка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 2. С. 105–109.
23. Энгельс Ф. К истории прусского крестьянства // Крестьянская война в Германии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 130–141.
24. Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Избранные произведения: В 3 т. М.: Политическая литература, 1985. Т. 3. С. 506–526.
25. Энгельс Ф. Марка // Крестьянская война в Германии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 113–129.
26. Энгельс Ф. Письмо Н. Ф. Даниельсону // Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Л.: Политиздат, 1947. С. 116–119.
27. Яценский В. К. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР. 1958. № 5. С. 59–91.

Vtorushin M. I., Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation)

THEORY OF AMERICAN AND PRUSSIAN VARIANTS OF CAPITALISM DEVELOPMENT IN RUSSIAN AGRICULTURE DURING THE XIX AND THE EARLY XX CENTURIES

This article presents the analysis of the nature of American and Prussian variants of capitalism development in the agricultural sector of the Russian economy, including the Siberian region, during the second half of the XIX and the early XX centuries. This problem is topical in relation to the discussion on the inevitability of the February Revolution of 1917. The aim of the research is to identify specificities and commonalities of American and Prussian variants of capitalism development in agriculture by giving a brief retrospective of the initiation and evolution of two ways of capitalism development in the agricultural sector of the Russian economy and their implementation forms. This matter is examined through the dialectical-materialistic learning method. After studying the issue, the historical place of the Prussian variant of capitalism development in the Russian agriculture is defined as a transitional economic form between forced and farm labour approaches of Russian agricultural production. The specificity of American and Prussian ways of capitalism development in the Siberian region's agriculture during this period is investigated. These two ways had coexisted there as well as in the European part of Russia until the Revolution of 1917 and the Civil War in the east of the country.

Key words: American and Prussian ways of capitalism development, rent, non-economic and economic coercion, labour rent, direct producer, landowner's land tenure, farm production method

REFERENCES

1. Aleksandrov N. M. Problems of agrarian history of Russia (the second half of the XIX and the beginning of the XX centuries). Yaroslavl, 2003. 63 p. (In Russ.)
2. Anfimov A. M. Large-scale landowner economy of European Russia. Moscow, 1969. 396 p. (In Russ.)
3. Borodach A. American and Prussian paths of agriculture development. Available at: <http://www.proza.ru/2012/12/18/1358> (accessed 27.03.2018). (In Russ.)
4. Dubrovskiy S. M. Agriculture and peasantry of Russia in the period of imperialism. Moscow, 1975. 398 p. (In Russ.)
5. Dulov V. I., Tyukavkin V. G. The ways of capitalism development in the agriculture of Siberia. *Questions of history*. 1964. No 4. P. 45–60. (In Russ.)
6. Kitantina T. M. The grain trade of Russia. 1875–1911: essays on government policy. Leningrad, 1978. 278 p. (In Russ.)
7. Lenin V. I. The agrarian program of social democracy in the first Russian Revolution of 1905–1907. *Complete works*. Vol. 16. P. 193–413. (In Russ.)
8. Lenin V. I. The agrarian question in Russia towards the end of the XIX century. *Complete works*. Vol. 17. P. 57–137. (In Russ.)
9. Lenin V. I. The development of capitalism in Russia. *Complete works*. Vol. 3. 791 p. (In Russ.)
10. Lituev V. N. Land ownership as the nobility's monopoly in capitalist Russia. Theoretical issues, information database, land market management. Moscow, 1997. 236 p. (In Russ.)
11. Marx K. The so-called primitive accumulation. *Capital. Critique of political economy*. Moscow, 1969. Vol. 1. P. 725–773. (In Russ.)
12. Nechkina M. V. The results of the discussion on the “rising” and “descending” stages of feudalism. *Questions of history*. 1963. No 12. P. 31–51. (In Russ.)
13. Pershin P. N. The agrarian revolution in Russia. Moscow, 1966. Vol. 1. 489 p. (In Russ.)
14. Pokrovskiy M. N. Russian history. St. Petersburg, 2002. Vol. 3. 367 p. (In Russ.)
15. Pushkareva I. M. Rural manor of a noble family in post-reform Russia (The definition of the problem). *Questions of Russian history*. 1999. No 4. P. 14–29. (In Russ.)
16. Tarnovskiy K. N. Problems of agrarian history in Russia during the period of imperialism in Soviet historiography (between the late 1930s and the first half of the 1950s). *Historical notes*. 1969. No 83. P. 196–221. (In Russ.)
17. Savel'ev P. I. “Farmer's way” in the agricultural development of Russia in the late XIX and the early XX centuries. *Proceedings of Scientific readings in memoriam of academician I. D. Kovalchenko*. Moscow, 1997. P. 96–104. (In Russ.)
18. Siberia as a part of the Russian Empire. Moscow, 2007. 368 p. (In Russ.)
19. Strumilin S. G. Concerning the genesis of capitalism in Russia. *Questions of history*. 1961. No 9. P. 56–69. (In Russ.)
20. Tyukavkin V. G. Peasantry in pre-revolutionary Russia and the Stolypin agrarian reform. Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
21. Fadeev A. V. Broadwise development of capitalism in post-reform Russia. *Reports of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences*. 1956. Issue 10. P. 3–17. (In Russ.)
22. Chikhaeva K. S. The structure of the landowner economy of the North Caucasus on the basis of the analysis of statistical publications of the Nobility Bank. *Humanities and socio-economic sciences*. 2006. No 2. P. 105–109. (In Russ.)
23. Engels F. On the history of the Prussian peasantry. *The peasant war in Germany*. Moscow, 1953. P. 130–141. (In Russ.)
24. Engels F. The peasant question in France and Germany. *Selected works*. Moscow, 1985. Vol. 3. P. 506–526. (In Russ.)
25. Engels F. Mark. *The peasant war in Germany*. Moscow, 1953. P. 113–129. (In Russ.)
26. Engels F. Letter to N. F. Danielson. *Correspondence of K. Marx and F. Engels with Russian politicians*. Leningrad, 1947. P. 116–119. (In Russ.)
27. Yatsunskiy V. K. The main stages of capitalism genesis in Russia. *History of the USSR*. 1958. No 5. P. 59–91. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.04.2018

АЛЕНА СЕРГЕЕВНА ДАВЫДОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Россий-
ская Федерация)
Alyona-797@mail.ru

О КОНСТРУИРОВАНИИ БИОГРАФИЙ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ОДНОГО ПРИХОДА

Впервые рассматриваются биографические траектории священнослужителей православного прихода, определенный период жизни которых был связан с городом, основанным в первой половине XX века на Кольском полуострове. Материалом для исследования служат документы и рукописи, находящиеся в церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа в городе Кировске Мурманской области. Выбор данного прихода обусловлен тем, что случай Кировска для «советского Заполярья» может рассматриваться как прецедентный: строящийся в эпоху социализма город не мог быть заявлен иначе как атеистический. Тем не менее в послевоенный период (1946 год) в нем открывается первая в области православная церковь. Целью исследования стало выявление ключевых смыслов и структурно-повествовательной стереотипии в различных формах презентации биографий представителей духовенства кировского прихода. В таких биографиях отчетливо выделяются устойчивые конструкции и повествовательные инстанции. Анализ имеющихся данных позволил создать «коллективный биографический портрет священнослужителей советского периода» с позиций воцерковленных людей. В результате было установлено, что жизненный сценарий духовного лица, с позиций членов общины и прихода, представляет биографию, согласующуюся с агиографическим образцом. Жизненный путь священнослужителя выстраивается по принципу доказательства его сакрального статуса.

Ключевые слова: священнослужители, церковный приход, биографическая траектория, Кировск, Мурманская область

ВВЕДЕНИЕ

За несколько последних десятилетий религиозный облик Мурманской области существенно изменился. Особенно заметной стала деятельность Русской православной церкви – выросло количество культовых сооружений, активизировалась церковная информационно-просветительская и издательская работа. В 2007 году начали печататься материалы научно-богословских конференций «Феодоритовские чтения» [4], [23], [27], выходят журнал Паломнического отдела Мурманской и Мончегорской митрополии Русской Православной церкви Московского Патриархата «Под сенью Трифона»¹ и другие периодические издания. Уже в период создания Мурманской и Мончегорской епархии (появилась в 1995 году) быстрыми темпами начала формироваться новая региональная православная историография, представленная трудами иеромонаха Митрофана (Баданина) [19], [20], священника Василия Вольского² и др. Публикации Н. П. Большаковой [2], Д. С. Лоскутова [14] и других краеведов свидетельствуют о взаимовлиянии религиозной историографии и исторического краеведения. В фокус внимания ученых-историков все чаще стали попадать биографии подвижников православия на Кольском Севере и деятельность священнослужителей³ [1].

Видов биографий много: исторические, литературные, официальные, некрологи и т. д. Они

различаются по способу представления, функции, жанру. Полной и построенной по совокупности критериев типологии биографий нет [24]. Методология биографических исследований едва ли может считаться устоявшейся и обоснованной [12]. Вместе с этим поле биографических исследований достаточно широко и предполагает разные подходы к изучению жизненных траекторий человека (см.: [5], [8], [22], [25], [26], [30], [33], [35] и др.). Фундаментальной опорой в методологическом плане в нашем случае можно считать социально-конструктивистскую парадигму [3], труды Х. Буде [36], а также работы, посвященные биографиям и личным историям верующих ([7], [11], [28], [32] и др.). Анализ взаимодействия священника и общины, духовенства и паствы, биографий духовенства предпринят в ряде исследований исторического, социологического и антропологического характера [10], [12], [13], [17], [18], [31], [34].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В данной работе методом контент-анализа изучаются материалы, содержащие информацию о жизненных траекториях священнослужителей, определенный период жизни которых был связан с Кольским полуостровом. Проанализированы документы, находящиеся в архиве церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа

Иисуса Христа, расположенной в городе Кировске. Выбор данного прихода обусловлен тем, что случай Кировска для «советского Заполярья» может рассматриваться как прецедентный. Город был построен в период активной урбанизации Кольского Севера. Молодой строящийся социалистический город не мог быть заявлен иначе как атеистический. Кировск (до 1934 года – Хибиногорск) был местом, куда были направлены или сосланы [9], приехали добровольно люди из разных краев и областей России [29], в том числе бывшие церковнослужители (священники, старосты и др.)⁴. Самую многочисленную категорию населения составляли высланные бывшие крестьяне. Латентная религиозная жизнь в советский период в Кировске была весьма насыщенной. Церковь существует с 1946 года. Это был первый православный храм, открывшийся в области в послевоенный период⁵ [6]. Церковь иконы Казанской Божией Матери просуществовала на улице Полярной до 1985 года. Когда здание пришло в негодность, исполком Кировского горсовета выделил списанный деревянный дом под обустройство одноименной церкви на улице Железнодорожной в поселке Юкспорр, на удалении от города⁶. Решением Священного Синода 20 апреля 2005 года храм был преобразован в Хибиногорский женский монастырь⁷. Новое церковное здание было построено в 2004 году уже в городском пространстве на улице Солнечной⁸.

БИОГРАФИИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ

За период существования прихода в нем сменилось более 30 священнослужителей. Их жизнеописание – часть местной истории. Рассмотреть жизненный путь духовного лица можно с различных позиций: с точки зрения членов его семьи, церковной общины, прихожан, а также городских жителей с различным отношением к жизни Церкви. Остановимся на исследовании и описании повествовательной структуры биографий священнослужителей с позиций членов церковной общины и прихода. В отредактированном церковном летописцем А. А. Ляпинской варианте содержатся 38 биографий священнослужителей, разных по объему и содержанию. В частности, в рукописи «История храмов в горах Хибинских» [15], а также в книге «Памятью жив будет...» [16] автор выстраивает биографические траектории всех священников, завершивших на данный момент свое служение в Кировске. Сведения о событиях из жизни духовных лиц кировского прихода также содержатся в документальной базе, называемой членами общины «церковным архивом». Принятая для государственных архивов систематизация документов отсутствует. С данным «архивом» можно ознакомиться в библиотеке церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа в городе Кировске, улица Солнечная, 6. Имеющиеся

материалы можно подразделить на рукописные записи (воспоминания прихожан, записанные летописцем А. А. Ляпинской), фотографии, вырезки из газет, освещающие деятельность церкви и священнослужителей, и электронные папки с файлами. Электронные файлы разделены тематически: папки с файлами, содержащие информацию о жизни духовных лиц: личные дела священнослужителей, автобиографии, анкеты и учетные карточки на служителей культа, доносы на священнослужителей; протоколы заседаний церковного совета, пастырские послания; отчеты о хозяйственной деятельности. С частью материалов можно ознакомиться на личной странице прихода церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа в городе Кировске на сайте социальной сети «ВКонтакте», в разделе «История прихода»⁹.

На основе анализа имеющихся данных был создан «коллективный биографический портрет священнослужителей советского периода» с позиций воцерковленных людей. В таких биографиях отчетливо выделяются устойчивые конструкции и повествовательные инстанции, для обозначения которых мы пока используем отчасти устаревшую, но привычную категорию «мотив».

«МУЧЕНИЧЕСТВО»

Одной из самых необходимых для конструирования биографии священника является идея «мученичества». Она связана в первую очередь с представлениями о тяжелой доле репрессированных священников, а также с гонениями на церковь в целом. Воплощение находится в серии повествовательных мотивов, с одной стороны, опирающихся на биографические факты, с другой стороны, представляющих типовые интерпретативные схемы, под которые подстраивается реальность.

Данные церковного архива показывают, что большинство священников кировского прихода имели судимости, полученные в период с 1947 по 1949 год, преимущественно по 58-й статье Уголовного кодекса – за контрреволюционную деятельность. С февраля 1956 года, когда начался процесс реабилитации, ни один настоятель храма не был осужден по политическим статьям, а ранее имеющие судимости были оправданы.

Большой массив данных, находящихся в архиве, представляет так называемое «дело отца Дорофея». Игумен Дорофей служил в Казанской церкви кировского прихода в 1971–1972 годах. Придя в храм, он озабочился вопросами укомплектования штата священнослужителей церкви, порядка богослужений, обязанностей каждого члена притча и членов исполнительного органа, церковной дисциплины и права. Активная деятельность священника вызвала резонанс в приходе. Многочисленные жалобы и доносы

постоянно поступали в Кировский горисполком уполномоченному по делам религий (документы, свидетельствующие об этом, содержатся в церковном архиве). Претензии касались как действий, так и личностных характеристик священнослужителя. Отца Дорофея неоднократно вызывали на беседу к секретарю горисполкома на предмет нарушений советских законов о религиозных культах. Представители власти предлагали не вмешиваться в хозяйственные дела церкви. О происходящем в приходе подробно сообщали (личность сообщавшего в документах не фигурирует) уполномоченному Совету по делам религий при Совете министров СССР по Мурманской области. В одном из заявлений указано на нежелательность дальнейшего пребывания священника Д. В. Смирнова в кировской церкви. Кульминацией разногласий в приходе стало обвинение о. Дорофея в совращении малолетних. Сведения документальной летописи истории прихода и его интерпретация летописцем, а вслед за ним и членами общины, сохранившими память об этом событии, в данном моменте расходятся:

«Рассказывали прихожане, что раздор произошел потому, что отец Дорофей решил сменить казначея. Такое нападение вражье попустил господь для укрепления в вере! Клевету на батюшку возвели немислимую. Подстроила все казначей: подкупила подростков, деньгами заплатила, чтобы лжесвидетельствовали. Составила ложное обвинение в совращении малолетних. <...> Имя ее теперь никто и вспомнить не может»¹⁰ [15: 28].

Отметим, что имя казначея неоднократно упоминается в документах, но в изложении оно предается забвению, в отличие от имени священника. После ареста игумен был осужден сроком на два года. Таким образом, отец Дорофей вошел в историю кировского прихода как мученик и «безвинный страдалец, жертвенно стоявший за веру» [15: 29].

Жизненный путь священников кировского прихода выстраивается как полный «скорбей и лишений». По мнению членов общины, это обстоятельство необходимо для того, чтобы быть «избранным»:

«Когда открыли в Кировске храм в честь Казанской иконы Божией матери, Степан Васильевич принял священный сан. Сердце и душа его были открыты человеческому горю, потому что он сам прошел через такие же страдания и сохранил верность Церкви Святой, верность богу нашему. Так, обычный русский крестьянин, рыбак, не получивший богословского образования, но искренне возлюбивший господя, пронес верность Церкви через все испытания. Он пострадал за любовь к Дому Божию, за пение на клиросе, он исповедовал веру в те страшные годы, и его дети и его жена вместе с ним прошли этим тесным, скорбным путем. Господь увидел его веру и терпение и сделал его своим избранным сосудом – священнослужителем»¹¹.

В приведенном примере изложение биографии выстраивается по «житийному образцу».

Имеющиеся материалы позволили установить: несмотря на то что в отношении кировского прихода не было агрессивной религиозной политики, священников часто переводили с места на место. Ни один священник вплоть до середины 1980-х годов не служил в приходе более двух лет. Такая частая смена «духовника» воспринималась очень болезненно:

«Уполномоченный по делам русской православной церкви мог отказать или лишить регистрации, без которой они не имели права служить, поэтому их так часто переводили с места на место. Эти переезды, житейская неустроенность, неуверенность не создавали лучших условий для знания своей паствы и руководства духовным развитием жаждущих» [15: 41].

Переходы священнослужителей с одного места на другое не только указывают на нелегкую судьбу священников, но и характеризуют специфику советской религиозной политики.

Мотивы репрессий и борьбы с властью в биографиях священников постепенно заменяются мотивом «пробивания безбожничества»:

«<...> А самое главное, как говорит апостол, что вера познается по делам, – это дела его. Если мы замолчим, камни возопиют. Дела мы видим: построен храм в городе Кировске. Через это пришло множество людей, новых людей. Эти люди пришли благодаря тому, что здесь построен храм. Много батюшка трудился для того, чтобы привести людей к Богу. Особенно руководителей <...> Благодаря его заслугам, что он постоянно не забывал о том, что надо строить храм, и пробивал то безбожие, которое царило в Кировске. То руководство не соглашалось, не хотело слушать... Сейчас благодаря, конечно же, его усилиям в храме можно увидеть городское руководство, руководство комбината, и не просто увидеть, а они заботятся, помогают. Храм, украшаясь, преобразаясь (такая связь тайная, невидимая), влияет на город. Чем больше укрепляется храм, тем город становится краше, лучше»¹² [16: 96–97].

Несмотря на изменение религиозной политики в отношении Церкви в пользу последней, мотив «нелегкой доли» священнослужителя продолжает сохраняться и находит отражение в биографиях. Священники, приехавшие служить на Кольский Север, вынуждены бороться за одухотворение исторически безбожной территории путем постройки церковных сооружений.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ

Священник, «заслуживший биографию», обладает высоко оцениваемыми личностными и профессиональными качествами. Он способен понимать невысказанные вопросы прихожан, умеет отвечать на них, доступно объяснять канонический текст и т. д. Одной из самых значимых характеристик, которая обязательно отражается в биографии, является качество проповеди духовного лица:

«Протоиерей Василий (Химчук) был общительным, добрым человеком, мог быть в иные минуты решительным и строгим. А какой это был проповедник! Прихожане, слушая проповеди отца Василия, ловили каждое его

слово, пересказывали друг другу содержание. Так как не было православной литературы. В своих проповедях отец Василий отвечал на невысказанные мысли прихожан, на незадаанные вопросы. Это укрепляло в людях понимание того, что господь знает все мысли и своевременно дает ответы»¹³ [15: 61].

Священник таким образом «показывает» и доказывает свой особый статус и незримую связь с богом. Цитата из устных воспоминаний, собранных А. А. Ляпинской, подтверждает, что записанные и устные биографические рассказы о священниках сопоставимы с агиографическими повествованиями составителей житий, демонстрирующих связь святого с Небесными силами [21].

Отметим, что содержанием проповедей всегда интересовались в совете по делам религий. Однако система их изучения отсутствовала, на что неоднократно указывается в официальных отчетах о деятельности религиозных объединений и состоянии религиозной обрядности в области¹⁴.

В памяти прихожан сохраняются, помимо проповедей, крылатые фразы священников: «По домам! По домам! И дома должна быть благодать!» [15: 17], говорил священнослужитель И. Кутузов, служивший в Казанской церкви в 1947–1948 и 1960 годах.

На особый статус духовного лица могут указывать его сверхспособности и прозорливость, проявляющиеся разными способами:

«Всегда поражалась чувству прозорливости отца Михаила: “Ну, кто у тебя на сей раз заболел?” Батюшка никогда не отказывал в молитвенной помощи <...>. Сильные молитвы отца Михаила ощутила на себе и на своих сродниках»¹⁵ [16: 73]; «Батюшка всех всегда выслушивал, всем помогал. Он прозорливо видел глубины человеческих душ: Господь ему открывал! Чувствуется, что злые силы, одолевающие человека, боятся молитв отца Михаила»¹⁶ [16: 69–70].

Священник может помочь выздороветь или принять правильное решение:

«Обращалась к батюшке за помощью духовной во всех жизненных ситуациях, всё были какие-то сложные и переживательные. Вот дочка замуж выходила – волнуясь, а батюшка утешал: “Всё господь управит, не волнуйтесь. И день свадьбы тоже...” Так и вышло всё складно»¹⁷ [16: 88].

По воспоминаниям прихожан, прозорливостью отличался священник Иоанн Шастов:

«В новый открытый храм приезжало много людей, а ночевать было негде. Прихожане их устраивали по своим домам. У нас всегда много гостей ночевало. И пришел еще один старичок, просился ночевать. А я ему ответила – посмотри, сколько народу, негде ногой встать! Старичка этого больше не видели. А на следующий день отец Иоанн говорит: «Что же ты наделала? Как же ты Николая-Угодника ночевать не пустила?»¹⁸ [15: 15–16].

Если согласиться с утверждением, что

«святые соотносятся с такими мифологическими персонажами, как колдуны» и «их человеческая (или близкая к человеческой) природа, с одной стороны,

и сверхчеловеческие способности, с другой, во многом сближают их, а то и способствуют их отождествлению» [21: 17],

то биографии священнослужителей в части, повествующей о сверхспособностях, также вполне соответствуют «житийному образцу».

«НАЧАЛО» И ВЫБОР ДУХОВНОГО ПУТИ

Анализ биографий позволил выделить основные отправные точки, послужившие причиной выбора священниками «особого» пути: семейные традиции, исключительные обстоятельства, осознанный выбор, знамения. Перечисленные факторы нередко суммируются, при этом семейные традиции выступают доминирующим обоснованием выбора пути церковнослужения. Большинство священников, служивших в Кировске, родились в семьях духовенства:

«О себе он рассказывал, что, когда его крестили в младенчестве, священник сказал: “Этот будет батюшкой”. Отец его тоже был священнослужителем, и мальчик к десяти годам читал на церковно-славянском и полюбил чтение духовных книг. После окончания школы и армии учился заочно в Московской духовной семинарии»¹⁹ [15: 61].

Если священники были сиротами, то отмечается, что они были «воспитаны верующими людьми». Родиной почти всех служивших в Кировске священников была Украина. В местах, где они родились и выросли, всегда были действующие церкви и не прерывались религиозные традиции. Это очень важно для биографа, поскольку дает возможность воплотить идею о предопределенности священнослужения, благодаря совокупности обстоятельств. Так, влияние семейной и локальной культуры усиливается и закрепляется мотивом чудесного знамения:

«Отец Михаил был очевидцем явленного чуда Божия в селе Либохора Львовской области: в храме Успения Божией Матери 28 августа отпечатались на стекле лик Пресвятой Богородицы на уровне второго этажа над входом в храм. Он помнил, что длилось это целый месяц. Люди стекались из разных мест толпами: днем и ночью шли пешком, ехали на машинах поклониться Божией Матери. Власти выставили войсковое ограждение, закрывая доступ к храму. А народ, оставляя машины в соседнем селе, пробирался через поля к пресвятой Богородице. <...>. В отроческом возрасте Михаилу во сне явилась умершая мать и сказала: “Сынок, держись храма!”. Это желание постоянно возрастало в душе Михаила. Родители и родственники – все были верующие, православные. Да и вера подкреплялась действиями: в их селе власти пытались отнять церковь у людей, но жители становились стеной, сменяя друг друга, дежурили день и ночь» [16: 7].

НАСТАВНИК

Период становления под руководством наставника – важная часть жизненного пути духовного лица. У каждого священника был духовный учитель, «жизненную школу» которого он прошел:

«В послушании у отца Георгия никто не выдерживал больше полгода-года: просили перевода или совсем убежали. Владыка предлагал отцу Михаилу рукополагаться во иереи, но он отказывался – хотел еще поучиться у отца Георгия. И учился смирению и послушанию <...> в дальнейшем состоялось духовное возрастание при служении с такими ревностными духовными пастырями, как Алексей Дендак, отец Георгий Казак, отец Иоанн Лапко и другие. Это была жизненная духовная школа»²⁰ [16: 11].

Прохождение «духовной школы», по мнению самих священнослужителей, необходимо для получения достойного «воспитания». Из воспоминаний священника И. Баюра:

«Со мной служили маститые батюшки: отец Алексей Дендак, отец Василий Химчук. В 1983 году настоятелем Казанского храма назначили протоиерея Василия Химчука. <...> Он очень строго, с большим благоговением относился к богослужениям. <...> Подвергал большим взысканиям за небрежное совершение богослужений. Это была для меня хорошая закалка. Тогда я многого не понимал, строгость казалась мне ненужной. Но теперь я вижу, что под руководством отца Василия получил достойное воспитание. А иначе я, наверное, никогда не стал бы настоятелем такого огромного собора в Мончегорске»²¹.

Обучение у хорошего наставника важно не только для получения соответствующего опыта, но и для управления большим приходом.

СЕМЬЯ СВЯЩЕННИКА

Если у священника есть семья, то в биографии обязательно отражается его отношение к ней:

«Показательно отношение батюшки к семье. Отец Михаил был прекрасным семьянином. Они с матушкой Ярославой прожили счастливую жизнь. Матушка всегда была его верной помощницей. Своих дочек батюшка воспитывал прежде всего своим примером: примером любви, труда и веры в Бога. Девочки выросли в храме, на клиросе помогали матушке петь и читать. Семья для батюшки была прежде всего семьей во Христе, семьей не только его близких, но и его прихожан, вообще всех, кто нуждался в нем и приходил за советом»²² [16: 39].

Духовный статус подкрепляется тем, что священнослужитель и дома продолжает оставаться в сани: «Мне кажется, что папа даже дома был не просто человек, а как священник»²³ [16: 42]. Родители детей, рожденных в семье священнослужителя, по представлениям членов общины, должны быть образцово-показательным примером семейного домостроя. В семье должны отмечаться все православные праздники и сохраняться православные традиции. Например, в семье о. Михаила Сыпльвого сохранялся обычай 19 декабря, ко дню памяти святителя Николая, класть детям подарки под подушку: «Как только нам святитель Николай подарит что-нибудь, так сразу потом появляется это же в магазине!»²⁴ [16: 37].

Жене священнослужителя отводится роль верной спутницы и помощницы во всех делах, связанных с церковной жизнью. Сюжеты, связанные с ролью жены священника, требуют отдельного рассмотрения.

ПОСМЕРТНОЕ БЫТИЕ

По представлениям воцерковленных верующих и членов общины, «земной» путь священника и его деяния в самом широком смысле продолжают и после смерти, но только в ином качестве. В биографию органично включается агиографический мотив посмертного чуда:

«Становится посещаемой могила протоиерея Илии обращающихся к нему. Известна исцеленная от недуга женщина, просившая на его могиле помощи. Открывает Господь молитвенное заступление батюшки за нас. Сильно ошутимо нами, что протоирей Илия духом не покидает нас» [15: 18].

Священнослужитель продолжает «жить», например, в построенной им церкви:

«Великолепное Промышление божие, что в моей жизни состоялась встреча с отцом Михаилом и она не оборвалась с его уходом в мир иной <...>. Мы понимали, что не можем без него и не желали выпустить его за ворота храма. Батюшка не мог покинуть храм – это его жизнь. По прошению прихожан упокоен наш родной батюшка Михаил рядом с храмом, который сам и строил. Отец Михаил и храм просто неотделимы, и радуется нас, что батюшка рядом» [16: 97].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя предварительный итог, отметим, что у биографий представителей духовенства свои каноны. Жизненный сценарий духовного лица, с позиций членов общины и кировского прихода, представляет биографию, согласующуюся с агиографическим образцом. Социальная реальность советского времени предоставила широкие возможности для воплощения идеи «мученичества» в различных конкретизирующих формах. Жизненный путь духовного лица выстраивается по принципу доказательства его сакрального статуса. На этот статус указывают сверхспособности и провидчество, а также свойства, которые по существу являются профессиональными (ораторские навыки, умение выстроить проповедь, выслушать человека, учительствовать), но в биографии предстают как свойства исключительной личности. Главными причинами выбора пути церковнослужения признаются семейные традиции, особые обстоятельства, осознанный выбор и чудесные знамения, а окончательному становлению священника способствует мудрый наставник. Земной путь священника и его служение продолжают и после смерти в виде посмертных чудес или просто незримого присутствия в жизни и памяти верующих.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под сенью Трифона // Журнал паломнического отдела Мурманской и Мончегорской епархии. 2001. № 1.
- ² Вольский В. В гостях у Жоховых // Миссионерская православная газета. 2005. № 1. Январь. С. 4–5; Вольский В. Протоиерей Сергей Кузнецов // Миссионерская православная газета. 2001. № 10. Октябрь. С. 4–5.
- ³ Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 98. Л. 43.
- ⁵ Появление первой церкви в Кировске, помимо указанного обстоятельства, было обусловлено несколькими факторами. Прежде всего государственной политикой. После потепления отношений государства и РПЦ, а также исторической встречи трех митрополитов со Сталиным – 4 сентября 1943 года ситуация ненадолго изменилась, и у православных христиан появилась возможность вновь открывать храмы по ходатайствам верующих. Впоследствии количество православных молитвенных зданий и монастырей, официально признанных государством, возросло.
- ⁶ Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области в городе Кировске» (ГОКУ ГАМО в г. Кировске). Ф. Р–7. Оп. 1. Д. 2169. Л. 25.
- ⁷ Журналы заседания Священного Синода Русской православной церкви от 20 апреля 2005 года (п. 12 журнала 29) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=122> (дата обращения 12.12.2018).
- ⁸ ГОКУ ГАМО в г. Кировске Ф. Р–432. Оп. 1. Д. 322. Л. 27.
- ⁹ Личная страница прихода церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа г. Кировск в Социальной сети «ВКонтакте»: <https://vk.com/club127013566>.
- ¹⁰ Из воспоминаний членов общины. Источник: Ляпинская А. А. История храмов в горах Хибинских. Б. м., 2014. 135 с. (рукопись). С рукописью можно ознакомиться в библиотеке церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа, г. Кировск, Солнечная, 6.
- ¹¹ Ляпинская А. Тихая вера богу // Миссионерская православная газета. 2004. № 8. Август. С. 4.
- ¹² Иерей Георгий Звонцов о священнике Михаиле Сыпльвом. Источник: [16].
- ¹³ Из воспоминаний А. А. Ляпинской. Самозапись. Источник: [15].
- ¹⁴ «В проповедях находят отражение поддержка курса перестройки, возрождение нравственности, уважение и соблюдение требований законодательства, поддержка внутренней и внешней политики Советского Союза. Система изучения содержания проповедей отсутствует, хотя отдельные материалы широко используются в работе». Источник: ГОКУ ГАМО. Ф. Р–1199. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.
- ¹⁵ Из воспоминаний Валентины В. Источник: [16].
- ¹⁶ Из воспоминаний Таисии А. Источник: [16].
- ¹⁷ Из воспоминаний Надежды Дмитриевны Долговой. Источник: [16].
- ¹⁸ Из воспоминаний Елены Матушкиной. Источник: [15].
- ¹⁹ Орывок из записи пересказа воспоминаний священника Василия Химчука о себе. Записано Ляпинской А. А. от членов общины. Источник: [15].
- ²⁰ Записано Ляпинской А. А. от жены священнослужителя Михаила Сыпльвого. Источник: [16].
- ²¹ Сиротинская Г. «Я избрал свой путь и пойду по нему» // Миссионерская православная газета. 2002. № 7. С. 4.
- ²² Из воспоминаний Екатерины Т. Источник: [16].
- ²³ Из воспоминаний дочери священника Михаила Сыпльвого. Источник: [16].
- ²⁴ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в начале XX века. Мурманск: МГТУ, 2015. 253 с.
2. Большакова Н. П. Летопись души: к 15-летию Мурманской и Мончегорской епархии: В 2 кн. Кн. 2: Дороги жизни. Мурманск: Опимах, 2010. 303 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Варзуга – первое русское поселение на Кольском Севере: Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Вторые Феодоритовские чтения / Под ред. игумена Митрофана (Баданина). СПб.: Ладан, 2010. 304 с.
5. Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
6. Давыдова А. С. История храмов г. Кировска в устных преданиях // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. Вып. 7. С. 146–161.
7. Дивисенко К. С., Дивисенко О. В. Биографические исследования реинтерпретации личной истории у православных верующих // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4. С. 24–37.
8. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 100–119.
9. Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибинского: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 7–14.
10. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. СПб.: Коло, 2003. 800 с.
11. Исаева В. Б. Феномен конверсации: конструирование религиозной идентичности в биографическом нарративе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 1. С. 127–147.
12. Козлова Л. А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 59–87.
13. Леонтьева Т. Г. Сельское духовенство: политика и прихожане (1900–1924) // Studia Slavica Finlandensia. Tomus XVII. Helsinki: Venajanjalta-Euroopaninstituutti, 2000. С. 255–274.
14. Лоскутов Д. С. «Путь Варлаама». Страницы дневника // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения, город Кандалакша – село Варзуга, 11–14 августа 2011 года: Материалы междунар. историко-краеведческой конф. / [Под ред. игум. Митрофана (Баданина)]. Мурманск: Изд-во Мурманской и Мончегорской епархии; СПб.: Ладан, 2012. С. 268–273.
15. Ляпинская А. А. История храмов в горах Хибинских. Б. м., 2014. 135 с. (рукопись)
16. Ляпинская А. А. «Памятью жив будет...». Апатиты, 2015. 103 с.

17. Макарова В. Ю. «Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству у священников // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 70–86.
18. Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург: УралНАУКА, 1998. 251 с.
19. Митрофан (Баданин). Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей: исторические материалы к прославлению и написанию жития. Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2002. 141 с.
20. Митрофан (Баданин). Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2003. 295 с.
21. Мороз А. Б. Народная агиография. Устные и книжные основы фольклорного культа святых. М.: Неолит, 2017. 443 с.
22. Петрина А. Б. Возможности современной интеллектуальной истории для развития биографического жанра // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 332–336.
23. Преподобный Феодорит Кольский и его духовное наследие: Материалы региональной научно-богословской конф. Первые Феодоритовские чтения / Под. ред. Иеромонаха Митрофана (Баданина). СПб.: Ладан, 2007. 127 с.
24. Разумова И. А. Биография советского ученого: прагматика текста // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Вып. 11 (Гуманитарные исследования). С. 5–17.
25. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 386 с.
26. Розенблюм О. М. Каналы опыта и структура переживания в «нормативной биографии» (на материале «Зои» М. Алигер) // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб., 2008. С. 149–155.
27. Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения: Материалы междунар. историко-краеведческой конф. / [Под. ред. игумена Митрофана (Баданина)]. Мурманск: Изд-во Мурманской и Мончегорской епархий; СПб.: Ладан, 2012. 304 с.
28. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М.: Индрик, 2002. 352 с.
29. Сулейманова О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7 (120). С. 27–30.
30. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 121–134.
31. Тупахина О. В. Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 1. С. 185–197.
32. Фаворский Е. А., Соболев А. Н., Флоренский П. А. Православные священники – собиратели русского фольклора. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. 414 с.
33. Цветаева Н. Н. Биографический дискурс: свидетельства об изменениях в культуре // Право на имя. Биографика 20 века. Методология составления и изучения биографии: Четвертые междунар. чтения памяти В. Иофе. 17–18 апреля 2006 г. СПб., 2007. С. 111–120.
34. Чумакова Т. Православные священники – исследователи религии народов России // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 12–32.
35. Юмашева Ю. Ю. Историко-биографические исследования: методы и базы данных // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 146–152.
36. Bude H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen – eine Antwort auf die Frage Was die Biographieforschung bringt // Kohli M., Robert G. (Hrsg.). Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspektiven. Stuttgart: Metzler, 1984. S. 7–28.

Davydova A. S., Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences
(Apatity, Russian Federation)

CONSTRUCTING THE BIOGRAPHIES OF THE CLERGYMEN OF ONE CHURCH

The article presents the first attempt to show the biographical paths of the Orthodox Church clergy of Kirovsk town in the Murmansk region. Data for the study was drawn from the certain documents and the manuscripts of “chronicles” from the archive of the Church of the Savior in Kirovsk. Kirovsk was built during the first half of the XX century and was characterized by atheistic atmosphere and ideology to set an example for other cities in the Soviet North of the same period, which explains why the case of Kirovsk has been chosen for the study. The Soviet state had to declare the young socialistic town under construction an atheistic area. However, in 1946 an Orthodox church was opened in Kirovsk, the first one in the Murmansk region after the Second World War. The analysis of the existing data enabled us to created “collective biographical description” of the clergy of the Soviet period from the point of view of religious people. The aim of the study was to identify the key meanings and structural narrative stereotypes in the various forms of presentation of the biographies of the representatives of the Kirovsk church clergy. Certain recurrent constructs and narrative patterns clearly stand out in the biographies. A significant result was that in the opinion of the parish and community members the clergy’s personal scenario is presenting a biography consistent with a hagiographical image. The clergy life journey depends upon the concept of proof of his sacral status.

Key words: clerics, parish, biographical path, Kirovsk, Murmansk region

REFERENCES

1. Bardileva Yu. P. Russian Orthodox Church in the Kola North in the early XX century. Murmansk, 2015. 253 p. (In Russ.)
2. Bol'shakova N. P. Chronicle of the soul: In 2 volumes: to the 15th anniversary of the Murmansk and Monchegorsk diocese. Book 2: Roads of life. Murmansk, 2010. 303 p. (In Russ.)
3. Berger P., Lukman T. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. Moscow, 1995. 323 p. (In Russ.)
4. Varzuga – the first Russian settlement in the Kola North. *Proceedings of the Regional Scientific and Theological Regional Historical Conference. The Second Theodoret Readings.* (Hegumen Mitrofan (Badanin), Ed.). St. Petersburg, 2010. 304 p. (In Russ.)

5. Golofast V. B. Variety of biographical narratives. *Sociological Journal*. 1995. No 1. P. 71–89. (In Russ.)
6. Davydova A. S. History of Kirovsk temples in storytelling. *Proceedings of Kola Science Centre*. 2015. Issue 7. P. 146–161. (In Russ.)
7. Divisenko K. S., Divisenko O. V. Biographical study of the reinterpretation of personal history among Orthodox believers. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016. Vol. XIX. No 4. P. 24–37. (In Russ.)
8. Dubin B. V. Biography, reputation, questionnaire (on the forms of integrating experience into written culture). *Reverse view. Word – writing – literature: Essays on the sociology of modern culture*. Moscow, 2001. P. 100–119. (In Russ.)
9. Zmeyerova O. V., Razumova I. A. Special settlers of Hibinogorsk: dynamics of identities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 7–14. (In Russ.)
10. Znamenskiy P. V. Parish clergy in Russia. Parish clergy in Russia since the reform of Peter I. St. Petersburg, 2003. 800 p. (In Russ.)
11. Isayeva V. B. Conversion phenomenon: constructing religious identity in a biographical narrative. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2010. Vol. XIII. No 1. P. 127–147. (In Russ.)
12. Kozlova L. A. Biographical study of Russian sociology: preliminary theoretical and methodological notes. *Sociological Journal*. 2007. No 2. P. 59–87. (In Russ.)
13. Leont'yeva T. G. Rural clergy: politics and worshipers (1900–1924). *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XVII. Helsinki, 2000. P. 255–274. (In Russ.)
14. Loskutov D. S. “The way of Barlaam”. Diary pages. *North and History: the Fourth Theodoret Readings, the city of Kandalaksha – the village of Varzuga, August 11–14, 2011: Proceedings of the International History and Area Studies Conference*. (Hegumen Mitrofan (Badanin), Ed.). Murmansk, St. Petersburg, 2012. P. 268–273. (In Russ.)
15. Lyapinskaya A. A. The history of temples in the Khibiny mountains. 2014. 135 p. (manuscript) (In Russ.)
16. Lyapinskaya A. A. “Memory will keep him alive...”. Apatity, 2015. 103 p. (In Russ.)
17. Makarova V. Yu. “He drinks but never gets drunk”: the attitude of peasants to drunkenness among priests. *Dreams of the Virgin. Studies on the anthropology of religion*. St. Petersburg, 2006. P. 70–86. (In Russ.)
18. Mangileva A. V. The clergy in the Urals in the first half of the XIX century (on the example of the Perm diocese). Yekaterinburg, 1998. 251 p. (In Russ.)
19. Mitrofan (Badanin). Blessed Theodoret of Kola, the enlightener of the Lapps: historical materials for glorification and writing a hagiography. Murmansk, 2002. 141 p. (In Russ.)
20. Mitrofan (Badanin). Venerable Tryphon of Pechenga and its spiritual heritage. Life, legends, historical documents. Experience of critical rethinking. Murmansk, 2003. 295 c. (In Russ.)
21. Moroz A. B. Folk hagiography. Oral and book foundations of the folk worship of saints. Moscow, 2017. 443 p. (In Russ.)
22. Petrina A. B. The possibilities of modern intellectual history for the development of the biography genre biography. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. 2010. Vol. 9. Issue 1: History. P. 332–336. (In Russ.)
23. Venerable Theodoret of Kola and his spiritual heritage: Proceedings of the Regional Scientific and Theological Conference. The First Theodoret Readings. (Hieromonk Mitrofan (Badanin), Ed.). St. Petersburg, 2007. 127 p. (In Russ.)
24. Razumova I. A. Biography of a Soviet scientist: pragmatics of the text. *Proceedings of Kola Science Centre*. 2017. Issue 11. (Humanitarian Studies). P. 5–17. (In Russ.)
25. Rozhdestvenskaya E. Yu. Biographical method in sociology. Moscow, 2012. 386 p. (In Russ.)
26. Rozenblyum O. M. Channels of experience and the structure of experiences in the “normative biography” (by the example of Margarita Aliger’s poem *Zoya*). *The right to a name. Biography studies in the XX century. Epoch and personality: various perspectives of historical understanding*. St. Petersburg, 2008. P. 149–155. (In Russ.)
27. North and history. *Proceedings of the Regional Scientific and Theological Conference. The Fourth Theodoret Readings*. (Hegumen Mitrofan (Badanin), Ed.). Murmansk, St. Petersburg, 2012. 304 p. (In Russ.)
28. Stefanovich P. S. Parish and parish clergy in Russia in the XVI and the XVII centuries. Moscow, 2002. 352 p. (In Russ.)
29. Sulejmanova O. A. Luggage of migrants (life of things in culture). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011. No 7 (120). P. 27–30. (In Russ.)
30. Turner R. Comparative content analysis of biographies. *Voprosy sotsiologii*. 1992. Vol. 1. No 1. P. 121–134. (In Russ.)
31. Tupakhina O. V. Religious biography as a form of narrativization of the life of believers (by the example of Orthodox Christians). *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012. No 1. P. 185–197. (In Russ.)
32. Favorskiy E. A., Sobolev A. N., Florensky P. A. Orthodox priests – collectors of Russian folklore. Moscow, 2004. 414 p. (In Russ.)
33. Tsvetaeva N. N. Biographical discourse: evidence of changes in culture. *The right to a name. Biography studies in the XX century. Methodology of compiling and studying biographies. April 17–18, 2006. The Fourth International Conference in Memoriam of Veniamin Iofe*. St. Petersburg, 2007. P. 111–120. (In Russ.)
34. Chumakova T. Orthodox priests — researchers of the native religions of the Russian Empire in the late XIX and the early XX centuries. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2018. No 1. P. 12–32. (In Russ.)
35. Yumasheva Yu. Yu. Historical and biographical research: methods and databases. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2015. No 4 (49). P. 146–152. (In Russ.)
36. Bude H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen – eine Antwort auf die Frage Was die Biographieforschung bringt. *Kohli M., Robert G. (Hrsg.). Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspektiven*. Stuttgart, 1984. S. 7–28.

Послупила в редакцию 07.11.2018

ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ЗЫКИН

кандидат исторических наук, учитель
Средняя общеобразовательная школа № 27 (Пермь, Рос-
сийская Федерация)
zivverh@mail.ru

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ФИНАНСИРОВАНИЯ, ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Одной из значимых отраслей, претерпевших системную трансформацию в конце 1920-х – начале 1940-х годов, стал лесопромышленный комплекс. Изучение его истории актуально в связи с продолжительным существованием проблем, возникших в переломную эпоху и оказывающих влияние на современное состояние отрасли. Обращение к опыту развития лесопромышленного комплекса позволяет выявить и исследовать положительные и отрицательные стороны, которые, безусловно, могут быть взяты современниками за основу при определении перспектив развития и путей решения проблем отрасли. В статье уделено внимание Уральскому региону, лесная промышленность которого получила серьезный импульс в развитии. Рассмотрены эволюция сферы управления, экстремальные ситуации, возникавшие в деятельности предприятий, трестов, главных управлений. Выявлены направления инвестиций в лесопромышленный комплекс: приоритет строительства предприятий и приобретения оборудования над развитием жилищной и социально-бытовой сферы. Проанализированы изменения в подходах к лесопользованию: передача лесных массивов нескольким крупным лесозаготовителям, распространение сплошных рубок, быстрое освоение доступных лесных баз, отсрочка решения проблемы комплексной переработки лесных ресурсов, системной механизации работ. Отмечено, что, несмотря на осуществленное финансирование, лесопромышленный комплекс неудовлетворительно справлялся с плановыми заданиями, выработкой качественной продукции. Сделан вывод о том, что в отрасли к концу 1930-х – началу 1940-х годов не были решены существовавшие и возникшие проблемы.

Ключевые слова: Советский Союз, индустриализация, первые пятилетки, лесная промышленность, управление, заготовка леса, строительство предприятий

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных тем истории Советского Союза является проблема модернизации в стране в конце 1920-х – начале 1940-х годов, в том числе в лесопромышленном комплексе. В этот период осуществлялась системная трансформация отрасли, одной из главных задач которой было производство лесоматериалов и пиломатериалов для военно-промышленного и строительного комплексов, экспорта в зарубежные страны.

Интерес профессиональных историков, специалистов ведомств, экономистов, краеведов к истории лесопромышленного комплекса был обусловлен значимостью модернизации для развития страны в целом, а также существовавшими и возникавшими проблемами в отрасли, которые требовали осмысления и решения. В советский период исследователи уделяли внимание таким вопросам, как реформирование системы управления лесным комплексом, строительство и реконструкция новых предприятий, освоение передовой техники, социалистическое соревнование, трудовые достижения работников, предприятий, отрасли, социалистические обязательства и т. п., что обуславливалось идеологическими причина-

ми и политической конъюнктурой. Были изданы обобщающие работы о развитии лесопромышленного комплекса страны, регионов, в том числе в период с конца 1920-х по начало 1940-х годов (см., например: [11], [14], [15]).

На современном этапе ученые, наряду с пересмотром ряда положений советских авторов о развитии лесопромышленного комплекса в период «социалистической индустриализации», уделяют внимание темам, которые до конца 1980-х годов не находили адекватного отражения в советской литературе (например, «экономическая» и «социальная» история, роль «спецконтингента» в развитии отрасли, отношение к труду, его эффективность), анализируют проблемы развития отрасли на основе новых методологических подходов, ранее недоступных архивных источников. Изданы научные и научно-популярные работы об истории лесного комплекса [18], его отдельных отраслей [8], регионов [5], [7], [16]. В последние годы большую работу в изучении трансформаций отечественного лесного комплекса, в том числе в период модернизации конца 1920-х – начала 1940-х годов, в Карелии проводят И. Р. Шегельман и О. И. Кулагин [12], [13], [19], Поволжье – Е. В. Воейков [3], [4], в Уральском регионе – автор статьи [9], [10].

В последние годы круг исторических источников и сведений, точек зрения о развитии лесной промышленности Советского Союза значительно расширился. Основной комплекс источников, начиная с начала 1930-х годов, то есть с образования самостоятельного лесопромышленного ведомства, хранится в Российском государственном архиве экономики¹. Значимым трудом, в котором опубликованы документы об истории лесного комплекса регионов Европейского Севера страны с 1917 по 1941 год, является «Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941»². Особую важность в исследовании сыграли материалы, содержащие критику деятельности лесопромышленных ведомств. Они отразили далеко не те темпы развития, состояние отрасли, на которое рассчитывали в период модернизации партийно-государственные органы.

Следует отметить, что изучением истории лесного комплекса страны активно занимаются специалисты отрасли, есть региональные работы. Однако исторических исследований, где бы комплексно рассматривались и анализировались трансформации лесной промышленности, в том числе в 1930-х годах, не издано. Целью статьи, с одной стороны, является обобщение фактов и выводов советских и современных исследователей, введение в оборот ранее не публиковавшихся исторических источников по проблеме, с другой – формулирование объективной оценки развития отечественной лесной промышленности в ходе реализации первых пятилетних планов, рассмотрение малоизученных вопросов, в том числе в Уральском регионе, где сформировался крупный лесной комплекс.

Базовой теорией исследования выступила концепция модернизации. Поскольку модернизация представляет собой «всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу» [1], целесообразно выделить ключевые исследовательские проблемы, от которых в первую очередь зависело функционирование отрасли. Такими проблемами стали управление, финансирование лесопромышленного комплекса, экспорт лесных ресурсов и материалов, а также малоизученные вопросы: смена подходов к лесопользованию, взаимоотношения между предприятиями, трестами и отраслевыми ведомствами. Современное состояние лесного комплекса страны – системообразующей отрасли отечественной экономики – является следствием разнообразных реформ и трансформаций, осуществлявшихся в Советском Союзе. Поэтому адекватное понимание проблем и достижений формирования и развития отрасли в советскую эпоху позволит в XXI веке принимать эффективные решения в сфере лесопользования, направленные на повышение его эффективности.

УПРАВЛЕНИЕ ОТРАСЛЮ И ЕЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Политика советской власти в 1920–1930-х годах обусловила формирование новой модели управления лесами и лесопользования. В постановлении Всесоюзного центрального исполнительного комитета «О состоянии и перспективах развития лесного хозяйства» (конец 1929 года) был

«намечен пересмотр системы лесоустройства с целью ее упрощения и максимального приспособления к поставленным властью задачам эксплуатации лесов для обеспечения экспорта древесины» [17: 24–25].

Основными подходами лесозаготовки стали отрицание рынка в лесопользовании, размежевание лесного хозяйства и лесопромышленной деятельности, отказ от научной базы лесного хозяйства [18: 44], что привело к началу экстенсивной лесозаготовки.

Большое влияние на развитие лесопромышленного комплекса оказали реформы управления отраслью. Государственную политику в области лесопользования проводило образованное в 1932 году специализированное ведомство – Народный комиссариат лесной промышленности Советского Союза (далее – Наркомлес), которому были переданы леса промышленного назначения. Согласно постановлению Совета труда и обороны «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности» от 12 июля 1929 года, основными заготовителями стали предприятия, подведомственные советам народного хозяйства союзных республик и их местным органам, народным комиссариатам земледелия и путей сообщения. Лесные массивы в основных районах деятельности органов Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата путей сообщения передавались им в долгосрочное пользование (60 лет). Заготовители должны были выполнять ряд работ:

«...охрану лесов, лесоустроительные и мелиоративные работы, очистку мест рубок, работы по улучшению сплавных путей, дорожное и жилищное строительство, работы по уходу за лесом и по возобновлению леса, а также по составлению эксплуатационных планов с определением ежегодного размера рубки...»³

Для управления отдельными отраслями в структуре Наркомлеса были организованы главные управления и тресты, число которых увеличивалось по мере постановки новых задач перед отраслью или вследствие административно-территориального районирования. Если в 1936 году в системе Наркомлеса СССР функционировали 43 лесных треста, то в 1940 году – 20 главных управлений, объединявших 99 лесных трестов⁴. Реформирование центральных и региональных органов управления лесным хозяйством и лесопромышленным комплексом, пришедшее на период строительства и реконструкции предприятий отрасли, отрицательно

сказывалось на функционировании производств, несмотря на выстраивание строгой иерархии управления. Одному главному управлению или тресту подчинялись предприятия, работавшие в разных природных и организационно-экономических условиях, не связанные между собой хозяйственными, кооперационными, технологическими связями. В начале 1935 года Совет народных комиссаров Советского Союза и Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), столкнувшись с низкими темпами механизации лесозаготовки, объявили о создании механизированных лесопунктов, которые занимались бы механизированной трелевкой, вывозкой, погрузкой и разделкой древесины⁵.

С конца 1920-х и на протяжении 1930-х годов капиталовложения в лесопромышленный комплекс постепенно возрастали. Если в начале 1930-х годов капиталовложения инвестировались в основном в расширение и реконструкцию действовавших предприятий, то с середины десятилетия – на строительство новых производств, связанных преимущественно с глубокой переработкой древесины. Незначительные суммы тратились на лесохозяйственную деятельность⁶. Перед лесопромышленным комплексом стояли масштабные задачи. Было начато строительство большого числа производств, на действовавших предприятиях проводилась реконструкция. Следствием этого стало распыление средств, появление долгостроев, что требовало увеличения капитальных вложений. Так, в 1931 году было начато строительство трех объектов в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли и двух – в бумажной, два предприятия реконструировались. Продолжалось возведение 39 объектов в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли, пяти – в бумажной, шести – в лесохимической на общую сумму более 260 миллионов рублей, модернизировались 13 заводов⁷.

Общий объем вложений в лесопромышленный комплекс за 1933–1938 годы составил 6,42 миллиарда рублей, из них капитальные вложения – 2,75 миллиарда. Наибольший объем средств был инвестирован в 1936 году, когда официально вошли в строй крупные предприятия отрасли, – 1,3 миллиарда рублей, в том числе капитальных вложений – 740 миллионов⁸. Тем не менее в лесопромышленный комплекс страны было вложено фактически меньше средств, чем предполагалось. С одной стороны, недостаточное финансирование комплекса, несмотря на его значимость, в том числе с позиции партийно-государственных органов, для экономики страны, свидетельствует о приоритете отраслей, связанных с переработкой природных ископаемых, машиностроением, военной промышленностью. С другой стороны, внутри лесопромышленного комплекса распределение инвестиций осуществ-

лялось исходя из важности промышленного строительства и лесозаготовки, тогда как на создание жилищной, бытовой и социальной инфраструктуры отрасли тратились незначительные средства, к примеру, от 20 до 50 миллионов рублей в разные годы второй пятилетки. Диспропорции в целевом назначении капитальных вложений привели к отставанию развития жилищно-бытовой и социальной инфраструктуры, затягиванию решения проблемы формирования постоянных производственных коллективов предприятий.

Валовая продукция и стоимость основных производственных фондов лесопромышленного комплекса в годы первой пятилетки возросли за счет активного строительства и реконструкции новых предприятий, внедрения передовой техники⁹. При этом темпы роста производственных фондов, стоимости продукции в комплексе опережали динамику фактических показателей выпуска продукции. Эффект от внедрения новой техники и технологий проявился позднее, в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Строительство предприятий лесопромышленного комплекса, внедрение новых технологий, техники, использование принудительного труда сельского населения, спецпереселенцев и заключенных должны были приводить к снижению себестоимости производимой продукции. Однако, к примеру, в 1929–1932 годах этот показатель существенно возрос и был выше размеров, установленных планом¹⁰. Причиной такого положения были организационно-экономические трудности. Возведение предприятий не удавалось завершить в установленные сроки, что вело к удорожанию стоимости строительства. К высокой стоимости новой техники добавлялись проблемы ее медленного внедрения и освоения. Темпы роста заработной платы работников опережали рост цен, к тому же фонды оплаты труда в отдельные периоды перерасходовались. Отрасль испытывала дефицит сырьевых, энергетических, транспортных, трудовых ресурсов, из-за чего предприятия по несколько лет не могли достичь проектной мощности. Имели место перерасход, нецелевое использование средств, воровство, приписки.

Планы по снижению себестоимости не выполнялись и в последующие годы. Так, по итогам 1934 года себестоимость продукции лесной промышленности оказалась значительно выше плана из-за перерасхода ресурсов (цеховые расходы были превышены на 22,1 миллиона рублей, недостача сырья и материалов – на 14,3 миллиона, оплата простоев вагонов – на 1,6 миллиона, уплата штрафов и пени – на 4,1 миллиона). Нередко средства, предназначавшиеся на оснащение предприятий оборудованием, закупку материалов, промышленное и гражданское строительство, направлялись на другие цели¹¹.

ЭКСПОРТ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ И МАТЕРИАЛОВ

В период индустриализации экспорт лесных ресурсов и материалов приносил Советскому Союзу значительную валютную прибыль, которая направлялась на нужды индустриализации. В 1929 году страна занимала третье место среди европейских стран в экспорте данных товаров с показателем 17 % (удельный вес Финляндии равнялся 22 %, Швеции – 21 %) ¹². Удельный вес древесины и целлюлозно-бумажных изделий в структуре экспорта Советского Союза составил 16,6 %, уступая продовольственным товарам и минеральным продуктам, тогда как в 1913 году он равнялся 10,6 %. Наибольший объем древесины и целлюлозно-бумажных изделий экспортировался в 1929 году в Великобританию (49,2 %), Нидерланды (16,9 %), Германию (16,1 %) [2: 38, 51–52, 55–56]. За 1928/1929–1937 годы из страны было вывезено 41,1 миллиона тонн лесоматериалов, в том числе за 1933–1937 годы – 30,7 миллиона тонн на сумму 1,9 миллиарда рублей. Экспорт лесных ресурсов и продукции лесопромышленного комплекса был выгоден стране, равно как вывоз зерна, нефти и нефтепродуктов. За 1928/1929–1940 годы за счет вывоза лесоматериалов страна получила почти 2,3 миллиарда рублей, тогда как экспорт нефти и нефтепродуктов дал СССР чуть более 1,5 миллиарда, зерна – почти 1,3 миллиарда ¹³. Только одна Карелия, лесопромышленный комплекс которой был ориентирован в основном на экспортную деятельность, за 1928–1935 годы принесла стране выручку в размере около 115 миллионов золотых рублей [13: 150].

В 1929–1930 годах удельный вес пиломатериалов в экспорте леса не превышал 40 %, тогда как в Швеции он равнялся около 80 %, в Финляндии – около 60 % ¹⁴. Соответственно доля необработанной древесины была выше, чем у других экспортирующих стран с развитым лесопромышленным комплексом. В этот период Советский Союз не вывозил бумагу, экспорт которой Швецией и Финляндией приносил существенную прибыль. В 1938–1940 годах экспорт лесоматериалов в натуральном и стоимостном выражении сократился более чем в десять раз, выручка составила около 80 миллионов рублей, что было связано с уменьшением зависимости Советского Союза от импортных технологий и техники, направлением продукции механической обработки и глубокой переработки древесины на удовлетворение внутренних потребностей страны. Уменьшился удельный вес лесоматериалов в структуре экспорта (в 1938 году – 4,2 %, в 1940 году – 3,3 %). Стало больше вывозиться зерна, нефтепродуктов, хлопка-волокна, пушнины и мехового сырья, хотя абсолютные показатели экспорта этих товаров были также меньше по сравнению с 1933–1937 годами ¹⁵.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

В изучаемый период, в условиях трансформации системы управления лесным комплексом, смены подходов к лесозаготовке, управляющим органам, предприятиям вновь приходилось выстраивать организационно-экономические отношения, что сопровождалось появлением ряда трудностей. В условиях разделения полномочий в сфере лесозаготовки между лесным хозяйством, лесозаготовительными предприятиями, предприятиями по механической обработке и глубокой переработке древесины последние не могли управлять процессом поступления леса на производственные площадки. Это вело к противоречию между заказами предприятий и поставками древесины по сортности, из-за чего возникали экстремальные ситуации, которые приводили к невыполнению заводами планов по заготовке, механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов, их простоям.

Например, по данным на 10 октября 1931 года, в стране были пущены в сплав 77,3 миллиона кубических метров леса, в пути находились 8,9 миллиона. Прибыли к конечным пунктам сплава 68,2 миллиона кубических метров, из них выгружены на берег 48,7 миллиона. То есть к началу зимнего периода в воде остались 29,9 миллиона кубических метров древесины (34,4 % годового плана), часть которых так и не успели выгрузить ¹⁶. Леспромхозы, расположенные в верхнем течении реки Камы, вообще срывали сроки сплава древесины. В 1931 году в реке были заморожены 352 тысячи фемтметров древесины, в 1932 году – 763 тысячи ¹⁷. Лесопильные заводы, в свою очередь, не спешили расплачиваться за поставленную древесину с лесозаготовительными организациями, надеясь на поддержку треста, что приводило к напряженным взаимоотношениям между ними. В 1936 году в Республике Коми на первичных речках обсохло около 1 миллиона кубических метров леса, на р. Вычегда – около 300 тысяч, на р. Печора – 110 тысяч. Только спецдревесины было потеряно свыше 97 тысяч кубических метров. В результате лесопильные заводы города Сыктывкара и в районе реки Печоры оставались без древесины и простаивали ¹⁸.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в сфере заготовки лесных ресурсов наблюдалось распространение сплошных рубок, «прежние» подходы к лесозаготовке критиковались. Так, в Надеждинском лесном округе Уральской области в феврале 1930 года заготовка древесины велась в 366 кварталах на площади 16 тысяч квадратных километров. В публикациях того времени отмечались трудности управления, организации, контроля, снабжения лесозаготовителей, указывалось на необходимость перехода к сплошным рубкам, сочетания промышленной колонизации с широкой механизацией всех лесозаготовительных операций ¹⁹. В 1933 году специалисты вновь

подчеркивали, что лесозаготовительные работы, базировавшиеся на мускульном труде человека и лошади, с большим трудом могли быть обеспечены рабочей силой при «старых» методах работы²⁰ (имеются в виду выборочные рубки с целью заготовки крупномерной древесины для последующей ее реализации).

Возросшие потребности в древесине, отсутствие соответствующей организации выборочных рубок оставляли в стороне основополагающие принципы лесоводства и лесопользования, исключая возможность проведения комплексной механизации лесозаготовительных работ. В сферу сплошных лесозаготовок попадал даже фаутовый лес (пораженный пороками). Наркомлес хотя и издавал распоряжения о повышении эффективности использования лесных ресурсов, например положение об ответственных исполнителях по использованию отходов при трестах²¹, ситуация оставалась кризисной. Спецпереселенец И. Т. Твардовский, работавший в Северном Зауралье, писал о том, как организовывались лесозаготовительные работы:

«Бревна должны были вывозиться к реке для сплава, но зачастую они оставались на годы, а иногда и совсем не вывозились»²².

Обследование состояния лесного комплекса Коми автономной области, проведенное в начале 1929 года, выявило неудовлетворительное положение дел. Сплавные пути не очищались, а лесозаготовители осваивали в первую очередь ближайшие к путям сплава лесосеки. В результате заготовки постепенно отдалялись от рек, и, как следствие, увеличивалась средняя стоимость заготовки и вывозки одного кубического метра древесины²³.

Помимо этого, в условиях преобладания сплавного способа транспортировки леса древесные отходы не находили применения, что вело к нерациональному использованию ресурсов. По расчетам специалистов при планировании второго пятилетнего плана, при общем объеме лесозаготовок в Уральском регионе в 70 миллионов фемтметров количество древесных отходов должно было составить примерно 20 миллионов. С остававшимися на лесосеках пнями и сучьями объем древесных отходов увеличивался еще на 6 миллионов фемтметров²⁴. То есть более трети объема заготавливавшейся древесины, необходимой экономике страны, оставалось на лесосеках. Процент переработки древесных отходов, пней и сучьев был невысоким ввиду слабых кооперационных связей между трестами, первоочередной задачи выполнения и перевыполнения плановых заданий. Тем самым снижался и без того низкий, по сравнению с развитыми государствами с ведущей ролью лесопромышленного комплекса в экономике, показатель съема древесины с гектара лесопокрытой площади. В середине 1930-х годов целлюлозно-бумажные

предприятия Народного комиссариата лесной промышленности теряли в среднем 15–20 % древесной массы (1,5 миллиона кубических метров) на уколе балансовой древесины²⁵.

На протяжении 1930-х годов велся поиск решений, направленных на повышение эффективности функционирования предприятий лесопромышленного комплекса. Из-за неудовлетворительной работы производства могли передаваться из одного треста в другой, что произошло, к примеру, с Черноярским лесопильным заводом (Уральская область) в 1931 году (его передали лесозаготовительному тресту «Уралсевлес» для улучшения сбыта продукции)²⁶. Попытка объединения Лобвинского лесопильного завода с одноименным леспромпхозом (Свердловская область) в 1936 году в лесной комбинат не принесла ожидаемых результатов [7: 83–84]. В поле зрения руководства комбината оказывались нарушения леспромпхоза, использовавшего главным образом принудительный труд спецпереселенцев, завышавшего результаты своей деятельности для выполнения плана. Леспромпхоз все же сохранил функции управления движением древесины до ее поступления на площадки Лобвинского лесного комбината.

Неудовлетворительным оставалось взаимодействие предприятий, трестов и главных управлений лесопромышленного комплекса с другими отраслевыми ведомствами. Система распределения ресурсов, сложившаяся в 1930-х годах в Советском Союзе, не учитывала объективно потребностей разных отраслей и отдельных предприятий. В условиях разделения органов управления производством все сильнее проявлялась «тенденция отдавать в вопросах снабжения предпочтение “своим” предприятиям перед предприятиями, подчиненными другим ведомствам» [6: 203]. К примеру, газета «Лесная промышленность» сообщала, что на 1937 год Госплан отпустил Главлесдреву для цеха деревянных труб Лобвинского лесного комбината фонд металлической арматуры в 4 тысячи тонн. Но Главлесдрев из этого лимита выделил только 1,3 тысячи тонн. Еще в 1936 году Лобвинский комбинат из-за отсутствия материалов был вынужден отказаться от выполнения заказов 18 организаций²⁷.

Слабые места имелись на многих предприятиях лесопромышленного комплекса. Из-за имевшихся организационно-экономических проблем, нерациональной организации работ, дефицита рабочей силы, ресурсов производствам могли не доставить к сроку весь объем товара, а потребители нередко получали продукцию ненадлежащего качества. Народный комиссар лесной промышленности Советского Союза В. И. Иванов 15 ноября 1936 года на собрании работников ведомства сравнил самую худшую вискозную целлюлозу, японскую, с советской целлюлозой самого высокого качества. И сопоставление оказалось

не в пользу отечественной продукции. В. И. Иванов в подтверждение примера привел аргументы руководителей предприятий и трестов: «Гони какой угодно товар – все равно возьмут»²⁸. То есть производственники мало заботились о повышении качества продукции, поскольку дефицит подстегивал спрос потребителей на товар любых характеристик. Хотя в 1930-х годах ассортимент продукции механической обработки и глубокой переработки древесины, несомненно, существенно увеличился, экономика страны испытывала потребность в товарах, производившихся лесопромышленным комплексом.

Фактические показатели в сфере заготовки, механической обработки и глубокой переработки лесных ресурсов в Советском Союзе в конце 1920-х – начале 1940-х годов по сравнению с объемами лесопромышленного производства в стране в 1910–1920-х годах выглядят впечатляющими. В годы первой пятилетки происходил рост объемов заготовки и вывозки леса, производства продукции²⁹, прежде всего за счет освоения новых лесных массивов на Европейском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, реконструкции и строительства предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины. Однако, несмотря на увеличение объемов производства бумаги, в 1928 году потребность в ней покрывалась внутренним производством на 75 %, а в 1931 году, в связи с резко возросшими потребностями в этом товаре, только на 45 %³⁰.

Первый пятилетний план развития лесной промышленности страны подвергался корректировкам, притом в сторону уменьшения показателей. Результаты производственной деятельности отрасли в 1932 году были значительно скромнее, чем планировалось пять лет назад. В начале второй пятилетки произошел спад в ключевых видах деятельности лесопромышленного комплекса, и в целом отрасль не выполнила плана пятилетки 1933–1937 годов. Сведения о выполнении годовых планов отраслью уместно сравнить с данными предыдущих лет. Достижение показателей 1932 года сопровождалось существенными трудностями, несмотря на освоение новых лесных массивов, активное использование принудительного труда спецпереселенцев, заключенных, сельского населения, механизацию заготовки и вывозки леса, ввод в эксплуатацию новых предприятий. За 1933–1937 годы наиболее высокие темпы развития были в сфере производства бумаги, картона, фанеры. Незначительно увеличились объемы заготовки леса, выпуска пиломатериалов.

Вторым пятилетним планом предусматривалось увеличение производства пиломатериалов до 43 миллионов кубических метров в 1937 году, тогда как фактически было выпущено только около 29 миллионов³¹. Это было всего на 5 миллио-

нов кубических метров больше, чем в 1932 году. При этом в ряде регионов, например Карелии, достижение плановых показателей по заготовке и вывозке лесных ресурсов сопровождалось невысокими темпами развития механической обработки древесины. Это привело к укреплению «одностороннего характера развития лесной промышленности края» [13: 151]. Третьим пятилетним планом намечалось к 1942 году существенно увеличить вывозку древесины, производство пиломатериалов и бумаги. Однако в 1940 году показатели ожидалось ниже, чем в 1939 году³². При этом Наркомлес хоть и оставался ведущим ведомством в отрасли, его роль среди других субъектов лесопользования постепенно снижалась. Значимое место в лесопромышленной деятельности в конце 1930-х годов занял Народный комиссариат внутренних дел, объемы заготовки лесных ресурсов которого были сопоставимы с показателями лесозексплуатации на Урале или Европейском Севере.

Своего рода финальным мероприятием, на котором были подведены итоги индустриализации в Советском Союзе в 1930-х годах и намечены перспективы экономического развития страны, стал XVIII съезд партии, состоявшийся 10–21 марта 1939 года. Из текста решения³³ видно, что ключевые мероприятия развития лесной промышленности, связанные с превращением ее в индустриальную отрасль, не были целиком выполнены. В частности, механизация лесозексплуатации осуществлялась низкими темпами, ряд крупных предприятий (например, Камский, Соликамский, Соломбальский, Архангельский целлюлозно-бумажные комбинаты) возводился еще с первой половины и середины 1930-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование позволило отойти от рассмотрения истории лесопромышленного комплекса с позиции поступательного развития и не игнорировать имевшие место проблемы в сферах управления, финансирования, лесопользования. В рамках программ модернизации страны лесопромышленный комплекс, по замыслу высших партийно-государственных органов, должен был превратиться в индустриальную отрасль. Этому способствовали рост капитальных вложений, строительство крупных предприятий, особенно в сфере механической обработки и глубокой переработки древесины, внедрение передовых технологий и техники, освоение новых лесных массивов. Однако на протяжении 1930-х годов экспорт лесных ресурсов и материалов был представлен в основном необработанной древесиной.

Реформа сферы управления лесопромышленным комплексом привела к появлению непрофильных ведомств, занимавшихся лесопромышленной

деятельностью для удовлетворения внутренних потребностей (народные комиссариаты тяжелой промышленности, внутренних дел, путей сообщения), из-за чего многие социально-экономические, экологические вопросы лесопользования игнорировались. Сформировалась иерархическая, но весьма громоздкая система управления отраслью, усложнявшаяся по мере постановки партийно-государственными органами дополнительных задач, освоения новых технологий и видов продукции, дробления административно-территориальных единиц. Это, в частности, выразилось в слабом взаимодействии вышестоящих инстанций с нижестоящими и другими ведомствами. Капитальные вложения в первую очередь направлялись на промышленное строительство, по остаточному принципу финансировались формирование жилищной и социально-бытовой инфраструктуры, лесное

хозяйство. Несмотря на смену подходов к лесоземлепользованию, распространение сплошных рубок, в отдельные периоды наблюдались спады в развитии отрасли. Эти проблемы отразились и на развитии лесопромышленного комплекса Уральского региона, особенно в сфере заготовки лесных ресурсов и строительства новых предприятий.

Потребности страны в лесных ресурсах, продукции механической обработки и глубокой переработки древесины возрастали из года в год. Но решение проблемы увеличения объемов лесопромышленной деятельности со стороны партийно-государственного руководства страны сопровождалось в основном декларациями о необходимости выполнения плановых заданий и преодоления существовавших проблем, об открытии новых строек и требованиях ввода в действие сооружавшихся объектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7637.
- ² Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005.
- ³ Там же. С. 154.
- ⁴ Там же. С. 367–368.
- ⁵ Там же. С. 258.
- ⁶ Подробнее об объемах инвестиций в лесопромышленный комплекс: История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/node/7684 (дата обращения 02.09.2018); История индустриализации СССР. 1933–1937 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 51, 84; Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г.: Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М., 1929. С. 136–139.
- ⁷ Основные показатели народнохозяйственного плана на 1931 год // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 350–355.
- ⁸ История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. документов и материалов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения 03.09.2018).
- ⁹ Подробнее об объемах валовой продукции и стоимости производственных фондов в лесопромышленном комплексе: История индустриализации СССР. 1933–1937 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 19, 52, 83, 84, 114, 115, 131, 148; Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 256; Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г.: Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М., 1929. С. 10–11.
- ¹⁰ История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/node/7684 (дата обращения 12.09.2018).
- ¹¹ История индустриализации СССР. 1933–1937 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 83.
- ¹² Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 171.
- ¹³ История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения 03.08.2018).
- ¹⁴ Совалов А. Структура внешнего торгового оборота СССР // Народное хозяйство СССР. 1932. № 5–6. С. 120.
- ¹⁵ История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения: 03.08.2018).
- ¹⁶ История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/info/8821 (дата обращения 11.08.2014).
- ¹⁷ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие // Хозяйство Урала. 1933. № 4. С. 35.
- ¹⁸ Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 313.
- ¹⁹ Тарасевич В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината // Хозяйство Урала. 1931. № 2. С. 37, 42.
- ²⁰ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие // Хозяйство Урала. 1933. № 4. С. 28, 39.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.
- ²² Твардовский И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни. Смоленск, 1996. С. 94.
- ²³ Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 151.
- ²⁴ Тарасевич В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината // Хозяйство Урала. 1931. № 2. С. 44.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ²⁶ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-1518. Д. 7. Л. 69.
- ²⁷ Могилячки деревянных трубопроводов // Лесная промышленность. 1937. 3 июля. С. 3.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 44, 45.
- ²⁹ История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/info/8149 (дата обращения 05.08.2014), www.istmat.info/info/8508 (дата обращения 10.08.2014), www.istmat.info/info/8764 (дата обращения 11.08.2014).
- ³⁰ Бумажная промышленность // Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск, 1933. С. 507.
- ³¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 2 ч. Ч. 2. М., 1953. С. 748, 886.
- ³² Подробнее о показателях третьего пятилетнего плана: История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения 12.08.2018).
- ³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 2 ч. Ч. 2. М., 1953. С. 891, 902.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. В. Введение // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: Монография / Ин-т истории и археологии УрО РАН. М.: Наука, 2000. С. 3–9.
2. Афонцев С. А. От Российской империи к СССР: структура торговли со странами Запада // Экономическая история: Ежегодник. 2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 32–60.
3. Воейков Е. В. Женский труд в лесной промышленности Среднего Поволжья в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 133–138.
4. Воейков Е. В. Стахановцы лесозаготовок Поволжья в годы довоенной индустриализации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 5. Т. 15. С. 74–78.
5. Глузман В. Л., Маслюков М. Ф. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 384 с.
6. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / Пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. 2-е изд. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 400 с.
7. История развития лесной промышленности Среднего Урала / Сост. М. Ф. Маслюков. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. 398 с.
8. История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: РАО «Бумпром»: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера», 2009. 232 с.
9. Зыкин И. В. «Зеленое золото» индустриализации. Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. социально-педагогический ин-т (филиал) Российского гос. профессионально-педагогического ун-та, 2015. 140 с.
10. Зыкин И. В. Лесопромышленный комплекс Уральского региона (конец 1929 г. – первая половина 1941 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2014. 237 с.
11. Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М.: Экология, 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/rusles/koldanovocerk/Koldanov.htm> (дата обращения 12.08.2018).
12. Кулагин О. И. Особенности изучения лесопромышленного комплекса Карелии в историографии // Краеведческие чтения: Материалы X науч. конф. (11–12 февраля 2016 г.) / Нац. б-ка Респ. Карелия; Сост. П. Н. Соловьева. Петрозаводск, 2016. С. 155–159.
13. Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX–XX веков // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145–152.
14. Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. 19 с.
15. Петров Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л.: Гослесбумиздат, 1952. 146 с.
16. Северный лес на все времена. Сыктывкар: Издательская группа ООО «Коми республиканская типография», 2011. 431 с.
17. Страхов В. В., Писаренко А. И. О реформе лесоустройства в России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 3. С. 23–34.
18. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
19. Шегельман И. Р., Кулагин О. И. Особенности трансформаций в лесном секторе экономики России в 1917–1930 годы // Новое слово в науке: перспективы развития: Материалы IV Междунар. научно-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2015 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 447–449.

Zykin I. V., Secondary General School No 27 (Perm, Russian Federation)

TIMBER INDUSTRY COMPLEX OF THE SOVIET UNION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS: PROBLEMS OF MANAGEMENT, FINANCING AND FOREST MANAGEMENT

Modernization processes between the late 1920s and the early 1940s radically changed the economic image of the Soviet Union. The forest industry became one of the significant sectors which underwent system transformation during this period. Studying its history is relevant in connection with the long-standing problems which arose during that critical era, and which still affect the current state of the industry. Referring to the experience of the forest industry development enables to reveal and investigate its positive and negative sides, which certainly can be used by the contemporaries as the basis for determining the industry's development prospects and the ways of solving the problems. The article focuses on the Ural region, where forest industry has been given a major boost in development. The author studies the evolution of the management sphere, and the extreme situations arising during the operations of the enterprises, trusts, and head departments. The forest industry investment patterns are revealed with the priority given to facility construction and equipment acquisition over housing and social development. The article analyzes the changes in the approaches to forest exploitation: i.e., the transfer of forests to several large timber procurers, dissemination of clear-cutting method, fast development of available forest bases, suspension of solving the problem of forest resources complex processing, and the system mechanization of operations. It is noted that despite the financial backing the forest industry was not able to satisfactorily achieve the targeted goals and deliver high-quality forest products. The conclusion is drawn that by the late 1930s and the early 1940s the industry's new and existing problems had not been solved.

Key words: the Soviet Union, modernization, industrialization, first five-year plans, forest industry, management, financing, logging, facility construction

REFERENCES

1. Alekseev V. V. Introduction. *Russian modernization between the XVIII and the XX centuries: Monograph*. Moscow, 2000. P. 3–9. (In Russ.)

2. Afontsev S. A. From the Russian Empire to the USSR: the structure of trade with the Western countries. *Economic History: Almanac*. Moscow, 2006. P. 32–60. (In Russ.)
3. Voeykov E. V. Female workers of the forest industry in the Middle Volga region during the 1930s. *History Issues*. 2015. No 11. P. 133–138. (In Russ.)
4. Voeykov E. V. Stakhanovites of logging of the Volga region during the pre-war industrialization. *Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No 5. Vol. 15. P. 74–78. (In Russ.)
5. Gluzman V. L., Maslyukov M. F. Logging enterprises of the Central Ural Mountains. Yekaterinburg, 2001. 384 p. (In Russ.)
6. Gregory P. The political economy of Stalinism. Moscow, 2008. 400 p. (In Russ.)
7. History of the forest industry development in the Central Ural Mountains. (M. F. Maslyukov, Comp.). Yekaterinburg, 1997. 398 p. (In Russ.)
8. History of the pulp and paper industry in Russia. Arkhangelsk, 2009. 232 p. (In Russ.)
9. Zykin I. V. “Green gold” of industrialization. Timber industry complex of the Ural region between the late 1929 and the first half of 1941. Nizhny Tagil, 2015. 140 p. (In Russ.)
10. Zykin I. V. Timber industry complex of the Ural region (between the late 1929 and the first half of 1941): Diss. Cand. Sci. (History). Nizhny Tagil, 2014. 237 p. (In Russ.)
11. Koldanov V. Ya. Essays on the history of the Soviet forestry. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/rusles/koldanovocerk/Koldanov.htm> (accessed 12.08.2018) (In Russ.)
12. Kulagin O. I. Specific features of studying the timber industry complex of Karelia in historiography. *Local History Readings: Proceedings of X International Conference*. (P. N. Solovyova, Comp.). Petrozavodsk, 2016. P. 155–159. (In Russ.)
13. Kulagin O. I. The “gauge effect” of dependence in the forest industry of Karelia as a factor of the region’s socio-economic development in the late XIX and the XX centuries. *Regional Studies*. 2015. No 1 (47). P. 145–152. (In Russ.)
14. Kuznetsov A. F. The struggle of party organizations for the development of forest, woodworking, and pulp and paper industry of the Urals in 1933–1937: Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). Sverdlovsk, 1979. 19 p. (In Russ.)
15. Petrov B. S. Essays on the forest industry development in the Urals. Moscow, Leningrad, 1952. 146 p. (In Russ.)
16. Northern forest for all time. Syktyvkar, 2011. 431 p. (In Russ.)
17. Strakhov V. V., Pisarenko A. I. The forest management reform in Russia. *Use and Protection of Natural Resources in Russia*. 2010. No 3. P. 23–34. (In Russ.)
18. Shegelman I. R. Forest transformations (XV–XXI centuries). Petrozavodsk, 2008. 240 p. (In Russ.)
19. Shegelman I. R., Kulagin O. I. Specific features of the transformations in the forest sector of the Russian economy in 1917–1930. *New Word in Science: Prospects of Development: Proceedings of IV International Research and Practice Conference*. Cheboksary, 2015. P. 447–449. (In Russ.)

Поступила в редакцию 06.11.2018

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРЕНКОВ

кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела обеспечения сохранности документов
Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, Российская Федерация)
kuren62@mail.ru

ЗАЩИТА ВОЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВЛИТА В 1944 ГОДУ

Рассматривается проблема защиты военной и государственной тайны в 1944 году в ходе освобождения оккупированных ранее территорий СССР и стран Европы. Целью и задачами статьи являются выявление, описание состава и содержания засекреченных сведений, рассмотрение и анализ проводимых государством, партийными органами и Главлитом мероприятий по защите государственной тайны в данный период. Определены организационные мероприятия и направления действий по защите информации и их специфика. Выводы, сделанные в статье, подтверждают факты проведения государством в лице Главлита определенной цензурной политики по защите государственной тайны в целом во взаимосвязи с ходом боевых действий и политических событий, их влияния на состав и характер секретных сведений. Количество задержанной от разглашения государственной и военной информации говорит об осознанной необходимости проведения государством и Главлитом цензурной работы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная и государственная тайна, Главлит, Уполномоченный СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати, секретность, цензура

ВВЕДЕНИЕ

Открытая историография по защите военной и государственной тайны до недавнего времени практически не была представлена, так как в советский период многие документы по данной теме носили тот или иной гриф секретности. Это одна из причин, почему проблематика защиты информации в целом и защиты военной и государственной тайны в частности не была разработана открытым порядком. В постсоветский период эта тема вызвала определенный интерес, было положено начало в ее разработке и серьезном научном осмыслении. Деятельность государственных органов и секретность за период Великой Отечественной войны затрагивались в ряде общеисторических работ [12], [13], [14], [17], [20], конкретно по цензуре [1], [3], [15], правовой [2], [4], [18], [19] и специальной, то есть с точки зрения теории и практики защиты информации [16]. Как видно, данная тематика освещалась с точки зрения одной из дисциплин. Автор предлагаемой статьи пытается осветить вопрос защиты государственной тайны и цензурной политики в этом направлении в комплексном виде, применяя междисциплинарный подход к изучению темы в ее ретроспективной составляющей в ряде совсем недавно вышедших работ [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], то есть связывая воедино историческую, правовую, специальную (защита информации) составляющие. Показана деятельность Главлита (цензурная деятельность) в 1944 году как одного из элементов защиты государственной и военной тайны в рамках обще-

государственной системы защиты информации в военный период и ее роли в победе над врагом. Деятельность Главлита по защите государственной и военной тайны представлена на основе изучения архивных документов Государственного архива Российской Федерации, где находится на хранении фонд Главлита РСФСР. В других архивах имеются некоторые комплексы документов, которые в настоящее время можно использовать, но они или не так многочисленны, или до настоящего времени имеют гриф секретности и не рассекречены. Данная статья, возможно, внесет определенный вклад в дальнейшее изучение вопроса цензурной политики с точки зрения защиты государственной тайны.

КОНТРОЛЬ ПЕРЕЧНЕВЫХ СВЕДЕНИЙ

В предпоследнем году Великой Отечественной войны продолжалась работа как по определенным ранее, так и новым сведениям, составляющим военную и государственную тайну. Появлялись и новые направления в деятельности по защите информации. В основном это было связано с изменениями, произошедшими непосредственно в театре военных действий, и соответствующей военно-политической обстановкой вокруг Советского Союза и в мире в целом. А это, в свою очередь, было связано с успехами Красной армии и союзных сил на фронтах в Европе, освобождением ранее оккупированных территорий СССР, выходом на советскую государственную границу, освобождением европейских стран от фашизма и нацизма и вступлением на

территорию Германии. В данный период актуальными оставались сведения, ранее подлежащие засекречиванию. Как и прежде, больше всего «вычерков» (буквально зачеркнутых) из текстов при просмотре цензорами было произведено по материалам, освещающим боевые действия, дислокации воинских частей и соединений. Затем по количеству вычерков следовали вопросы военно-экономического характера, организации частей и соединений, информация по фамилиям командиров воинских подразделений, вооружению Красной армии, партизанскому движению, информация политического характера. К примеру, по-прежнему в 1944 году (по указанию заместителя начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Федосеева) запрещалось публиковать сведения по конструкции Костикова (гвардейские минометы РСЗО «Катюша») и статьи о его работе¹.

В 1944 году также появляются и новые сведения, требующие засекречивания в связи с изменяющейся военной обстановкой на фронтах и в тылу. Так, в общегосударственном масштабе принимались меры по защите информации в недавно освобожденных районах Советского Союза. К примеру, 27 сентября 1944 года НКГБ СССР направил всем наркоматам письмо «О мерах улучшения состояния работы секретных и шифровальных органов учреждений и предприятий, восстановленных на территориях СССР, освобожденных от противника»². В данном письме давалось указание наркоматам восстановить работу режимно-секретных подразделений и нормативные документы на подведомственных предприятиях и организациях и в целом способствовать принятию мер по улучшению секретной и шифровальной работы. Засекречивание сведений в данный период производилось как по инициативе ведомств, учреждений, так и военной цензуры. Механизм принятия решений и действий мог быть таков, как в случае с информацией о собаках-миноискателях. Так, письмом Отдела военной цензуры Генштаба Красной армии Уполномоченному СНК СССР по защите военной и государственных тайн в печати (далее – Уполномоченный СНК СССР) Н. Г. Садчикову от 11 января 1944 года № 30/1 (направленном также еще по 55 адресам) военная цензура просит запретить во всей печати Красной армии упоминание о наличии, подготовке и использовании собак-миноискателей³. В связи с этим Главлит письмом Уполномоченного СНК СССР от 18 января 1944 года всем крайобллитам требует запретить упоминать в печати и передачах по радиоинформации о наличии, подготовке и использовании собак-миноискателей⁴. Еще один пример взаимодействия. В письме военной цензуры Генштаба Красной армии (начальник отдела военной цензуры ГШ КА на август 1944 года – генерал-майор Березин) Уполномоченному СНК СССР

Н. Г. Садчикову от 29 мая 1944 года № 25455 отмечалось, что в штат армейских полков связи действующей армии включены отдельные группы ближней разведки средствами связи, что является секретом, поэтому запрещалось во всей открытой печати опубликование каких бы то ни было сведений об этих группах, а также о разведке средствами связи. При этом Генштаб просил настоящее указание довести до цензоров армий⁵.

Большое значение уделялось и сведениям по тылу. Так, к примеру, по сообщениям соответствующих органов власти, у населения к 1944 году на руках имелось большое количество поддельных продовольственных и офицерских аттестатов, карточек и других документов, которыми могли воспользоваться диверсанты и агенты противника и других иностранных разведок. Такое положение также дискредитировало и нарушало экономическую систему распределения продуктов и товаров в стране в военное время и дезорганизовывало продовольственное обеспечение населения и Красной армии. В этом деле необходимо было срочно навести строгий порядок. Так, начальник отдела военной цензуры Генштаба Красной армии в письме в Главлит от 29 января 1944 года № 25105с выходит с предложением запретить изготовление бланков командировочных предписаний, удостоверений личности для Красной армии частям, соединениям, учреждениям, армиям, а изготавливать их только централизованным порядком с выдачей разрешений. В свою очередь Уполномоченный СНК СССР циркулярным письмом от 3 февраля 1944 года № 4/123с дает указание всем крайобллитам:

«Запрещается изготовление типографическим способом бланков командировочных предписаний и удостоверений личности для Красной Армии по заказу соединений, частей и военных учреждений. Изготовление бланков означенных документов производится в централизованном порядке»⁶.

В 1944 году с 200 до 300 км расширяется зона, прилегающая к линии фронта, где запрещается опубликование сведений о железных дорогах. Циркулярным письмом Уполномоченного СНК СССР от 1 марта 1944 года № 8/226с всем крайобллитам:

«Впредь до моего разрешения не допускать к опубликованию никаких сведений о состоянии железных дорог, восстановительных работах на них и возобновлении железнодорожного сообщения в 300-км зоне, прилегающей к линии фронта»⁷.

Как известно, в районе Полтавы для посадки американских самолетов, совершавших бомбардировки противника в Европе, в 1944 году была создана военно-воздушная база и Восточное командование американских ВВС в Европе. Американцы направили советскому командованию, в дополнение к нашему, свой перечень сведений, подлежащих засекречиванию, из 28 пунктов,

причем рекомендовалось этот перечень довести до сведения советских корреспондентов и радиостанций⁸. По согласованию с ЦК ВКП(б) 4 августа 1944 года Уполномоченный СНК СССР циркулярным письмом всем органам цензуры отмечал:

«Запретить публиковать материалы в печати и по радио о боевых действиях, количестве и типе самолетов, количестве личного состава, месторасположения авиабаз и аэродромов, находящихся в ведении Восточного командования американских военно-воздушных сил в Европе... могут быть опубликованы только в официальном порядке сообщения ТАСС или коммюнике Восточного командования американских ВВС в Европе»⁹.

Из приведенных примеров видно, что продолжающаяся война вносила свои коррективы, появлялись и новые сведения, требующие защиты. Данные процессы отслеживались органами государственной безопасности и органами цензуры. Материал накапливался и анализировался, и к определенному моменту наступала необходимость вносить соответствующие изменения и дополнения как в основополагающие нормативные документы, так и в работу по защите военной и государственной тайны в целом. Так, приказом Уполномоченного СНК СССР от 8 мая 1944 года № 10/457с для работы цензурных органов вводится в действие новый дополненный «Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну на военное время». Рамки статьи не позволяют подробнее раскрыть состав и содержание данного документа, но можно отметить, что это были дополнения и изменения, продиктованные трехлетней военной практикой. На тот момент это был основополагающий документ для органов цензуры. Решались также и оперативные, но не менее значимые вопросы. Так, в конце войны Советский Союз был обеспокоен поступающими сообщениями и сведениями от разведки и других источников о попытке разработки Германией атомной бомбы. Предполагалось, что такие работы также могли вестись и у наших союзников. Соответственно, информация об этом ими строго засекречивалась, на что указывал ряд признаков. Была начата работа в данном направлении и в Советском Союзе. В связи с этим в 1944 году в Главлите появляются и первые документы по вопросам защиты сведений по советским атомным проблемам, изысканиям, разработкам и проектам. Так, в циркулярном письме Уполномоченного СНК СССР с грифом «Совершенно секретно» от 4 августа 1944 года № 15/834сс всем органам цензуры отмечалось:

«В газетах и радиопередачах появляются сообщения о циклотронных устройствах, имеющихся в СССР... В газете "Известия" за 23 июня 1944 г.... о состоянии циклотрона Радиевого института Академии наук СССР, в газете "Московский большевик" за 10 августа и радиопередаче 9 августа сообщалось об окончании сборки циклотрона Физико-технического института Академии

наук СССР... В "Известиях" была помещена заметка об организации геолого-разведывательной партии по поиску урана в Казахской ССР. Впредь запрещается опубликовывать в печати и передачах по радио всякого рода сведения о состоянии циклотронов и их работе, а также работах по урану»¹⁰.

Главлит направил письмо на эту тему «в верха» по инстанциям. Показательна резолюция на письме в адрес Молотова, Щербакова, Первухина от 11 августа 1944 года о сообщениях в печати относительно циклотронов и работ по урану: «Безусловно запретить печатание и сообщения по радио о циклотронах и работах по урану. В. Молотов 12.VIII.1944 г.»¹¹

Естественно, оставались актуальными и секретными данные об изобретении и введении в эксплуатацию, усовершенствовании технической связи, касающиеся автоматического шифрования и дешифрования и передачи радиостанций мешающего действия для борьбы с радиостанциями противника, подъемных антенн, телеграфирования через землю, данные о восстановлении всех видов сооружений связи на территории, освобожденной от оккупации, а также на территории противника. Продолжали оставаться секретными данные, кроме официальных правительственных сообщений, о закупках СССР за границей, сведения о вывозе за границу вооружений, промышленной, сельскохозяйственной продукции, сведения о строительстве СССР объектов за границей и ассигнованиях на это строительство, данные о валовом сборе и урожайности по хлебопродуктам, хлопку, льну, конопле по СССР в целом, отдельным республикам, краям, областям. Запрещалось опубликование оценки состояния посевов за месяц до начала уборки урожая и сведений об ухудшении видов на урожай, а также о плане и ходе заготовок и поставок государству по всем видам сельхозпродукции в абсолютном и процентном отношении (можно было сообщать только по отдельным колхозам и районам в процентах). Запрещалось опубликовывать цифровые статистические данные о количестве населения с разбивкой по полу, возрасту и т. п. в городах, районах, областях, краях, республиках, СССР в целом, а также сведения о займах, сведения и материалы о деятельности в пределах СССР антисоветских организаций и группировок и борьбе с ними, за исключением официальных правительственных сообщений¹².

В целях противодействия оперативной работе разведки противника отдел военной цензуры Генштаба Красной армии дал указание всем цензурным органам фронтов запретить публиковать в открытой печати Красной армии материалы о техническом состоянии военных объектов, авиабаз, испытательных станций и других сооружений противника, захваченных нашими войсками, а также степени пригодности их к использованию. Разрешение на данные публикации мог давать только Отдел военной цензуры Генштаба

Красной армии, о чем сообщалось в письме Уполномоченному СНК СССР 22 сентября 1944 года¹³.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДОПУСК К ЗАКРЫТОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Естественно, были в работе органов цензуры и внешнеполитические мотивы, на которые, безусловно, должны были обращать внимание. Так, 6 сентября 1944 года в сводных указаниях по военной цензуре Красной армии, утвержденных заместителем начальника Генштаба Красной армии генералом армии А. И. Антоновым, запрещалось публиковать карикатуры на глав государств и членов правительств государств, имеющих дипломатическую связь с СССР, а также сведения о въезде и выезде, пребывании в СССР официальных представителей стран, а интервью с ними разрешалось публиковать только в центральной прессе. Наряду с подготовкой и рассылкой документов перечневого характера по защите военной и государственной тайны Уполномоченным по СНК СССР давались рекомендации и разъяснения военно-политического характера. Так, в циркулярном письме от 4 января 1944 года № 1/3с всем крайобллитам, цензорам предлагалось строго следить за тем, чтобы в печати не были никаких упоминаний о нашей старой границе. Уполномоченным по СНК СССР Н. Г. Садчиковым отмечалось:

«Как известно, что границей Советского Союза является та, которая существовала к моменту вероломного нападения немецких захватчиков»¹⁴.

Ограничивался также допуск к литературе. Допуск к запрещенной литературе приравнивался к допуску к секретным документам и регистрации через режимно-секретный орган и хранению в спецхране. Штамп «дсп» ставился на литературу, не содержащей явных выпадов. К таким документам относились парламентские стенограммы и отчеты, законодательные акты капиталистических стран по социальным вопросам, библиографические каталоги, проспекты, рецензии, рефераты о запрещенной у нас литературе, труды буржуазных авторов по вопросам права, философии, религии и т. д.¹⁵ В разъяснениях по секретным («особым») фондам библиотек отмечалось, что «особые фонды» литературы на русском языке и языках народов СССР образуются только в центральных библиотеках в городах союзных, автономных республик и областей, а также в городах краевого и областного значения. Не разрешалось образование «особых фондов» в районных и сельских библиотеках¹⁶.

РАЗРАБОТКА НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Одним из направлений деятельности в работе органов государственной безопасности, отвечающих за сохранение военной и государственной тайны в стране, и прямо связанных с ними в этом вопросе органов цензуры было создание

основополагающих и нормативных документов и контроль за их выполнением. Первостепенное значение в охране военной тайны в военное время имели органы военной и военно-морской цензуры. Они были выделены из разведывательных отделов на флотах и флотилиях и преобразованы в самостоятельные отделы штабов флотов и отделений на флотилиях. В ходе войны возникла необходимость переиздания нормативных документов с учетом накопленного во время войны опыта. Так, приказом заместителя наркома обороны СССР от 15 февраля 1944 года № 034 и наркома Военно-морского флота от 15 февраля 1944 года № 0121 введены в действие «Правила сохранности военной тайны в Красной Армии и ВМФ». Другие ведомства во время войны также перерабатывали основные документы по защите военной тайны в своих структурах. Так, 30 мая 1944 года приказом начальника Главного управления гидрометеорологической службы Союза ССР при СНК было утверждено согласованное с V Управлением НКГБ СССР и VIII Управлением Генштаба Красной армии «Наставление о порядке сбора и распространения гидрометеорологических сведений по территории СССР (на военное время)»¹⁷. По указанию Совнаркома СССР Комитетом по делам геологии при СНК СССР и Уполномоченного СНК СССР был пересмотрен и уточнен перечень сведений, не подлежащих опубликованию, по полезным ископаемым, а также порядок помещения в печати и передачи по радио материалов по этим вопросам¹⁸.

Во время войны архивными органами страны продолжался сбор и отбор на государственное архивное хранение документов, в том числе и секретных, а также документов на оккупированных ранее и освобожденных территориях Советского Союза. В государственные органы власти в центре и на местах был направлен циркуляр «Об установлении порядка по обеспечению сохранности и отбору для уничтожения секретных, совершенно секретных документальных материалов государственного архивного фонда Союза ССР», изданный 12 мая 1944 года¹⁹.

НОВЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ НА ВОЕННОЕ ВРЕМЯ 1944 Г.

Главным событием в работе с основными нормативными документами по защите государственной тайны за рассматриваемый период было создание нового общесоюзного «Перечня сведений, составляющих военную и государственную тайну на военное время». Новый перечень был введен в действие приказом Уполномоченного СНК СССР от 8 мая 1944 года № 10/457с, при этом:

«Считать утратившими силу: а) “Перечень сведений, составляющих военную тайну”, введенный в действие приказом № 1/с 20 января 1940 года б) “Дополнения к перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну (на военное время)”, введенные

в действие приказом № 36/2010/с от 9 октября 1941 года в) “Перечень сведений, не подлежащих оглашению в открытой печати в целях охраны политических и экономических интересов СССР”, введенный в действие приказом № 20/с от 25 июля 1939 года и “Дополнение и изменения к нему”, утвержденные 10 июля 1940 года г) Все приказы и циркуляры по перечисленным вопросам, изданным с 9 октября 1941 года по 8 мая 1944 года за исключением циркуляра № 409с от 27 мая 1942 года и № 15/725/с от 18 мая 1943 года»²⁰.

Данный перечень в июне 1944 года был разослан цензурным органам для руководства и исполнения. В дополнение к этому 9 августа 1944 года цензурным органам было направлено циркулярное письмо № 820/с, по которому из Главлитов отзывались утратившие силу:

«...согласно приказа № 20/457 с от 8 июня 1940 года, 1. “Перечень сведений, составляющих военную тайну” – изд. 1940 г. 2. “Перечень сведений, не подлежащих оглашению в открытой печати в целях охраны политических и экономических интересов СССР” – изд. 1939 г. 3. “Дополнения и изменения к экономическому перечню” – изд. 1940 г. 4. “Дополнения к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну на военное время” – изд. 1941 г.»²¹

Фактически это был новый, но не первый перечень за время Великой Отечественной войны. Следует отметить, что первый в военные годы перечень в 1941 году не создавался как новый, а был разработан еще до войны и введен в действие как «Дополнение к перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну (на военное время)» приказом от 9 октября 1941 года. К 1944 году используемый на практике перечень на военное время представлял собой сведенный воедино из пяти действующих Перечней и циркулярных указаний за 1943 год. Новый, майский, перечень 1944 года, включающий в себя и все указания по цензуре за войну, состоял из основного текста перечня и трех приложений: 1-е приложение – «Перечень соединений, частей и учреждений Красной Армии, о составе и организации которых разрешается упоминать в печати», 2-е приложение – «Перечень вооружений и военной техники Красной Армии, разрешенных к открытому опубликованию в печати: упоминание названий, марок, калибров, полное техническое описание, тактико-технические данные, применение» (все ограничения оговорены), 3-е приложение – «Извлечения из Уголовного кодекса». Использование нового перечня заметно облегчало работу по охране военной и государственной тайны в стране в военный период.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ИТОГИ РАБОТЫ

Об огромном объеме работ, выполненном Главлитом в период Великой Отечественной войны по охране военной и государственной тайны, говорят некоторые цифры. Так, к примеру,

с 1 июля 1941 года по 31 декабря 1944 года были проверены 1 937 362 печатных единицы (книги, газеты, журналы и др.) внутренней и иностранной литературы, не допущено за годы войны к распространению 59 047 материалов, из них – 41 003 по военной и государственной тайне²². Например, за 1944 год не разрешено к опубликованию всего: 12 864 материала, из них 6 651 по мобилизации, организации, численности; 895 – по дислокации, боевой подготовке, боевым действиям, партизанам, боевой технике и вооружениям, дисциплине, политико-моральному состоянию; 536 – пути сообщений, военно-санитарное дело и здравоохранение, ветеринария, оборонительное строительство, содействие обороне страны, картография, фото- и гидрометеорология, морская гидрометеорология, связь, 3868 – по экономике и промышленности (больше всего); остальное по политике и идеологии²³.

Следует отметить, что первоочередной, главной задачей органов цензуры в годы войны была прежде всего охрана военной и государственной тайны в печати, а затем уже политико-идеологический контроль над всеми видами печатной продукции и радио. Под ошибками цензоров понимается пропуск в печать или на радио сведений, содержащих военную и государственную тайну, включенных в перечень (так называемых – перечневых ошибок), или же задержка или «вычерк» сведений, не составляющих тайны. Так, в 1941–1943 годах было 1452 перечневые ошибки, 63 политические. Причины ошибок цензоров руководство объясняло недостаточной бдительностью, слабой общей и политической подготовкой отдельных работников, недостаточным инструктажем, посылкой партийными органами работников цензуры в командировки, не связанные с их основной деятельностью, недостаточностью и текучестью кадров. Больше всего ошибок было у цензоров районной печати как наименее подготовленных²⁴.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛАВЛИТА С ЦК ВКП(б)

Как известно, Главлит работал под политическим и идеологическим руководством и контролем ЦК ВКП(б) непосредственно через секретарей ЦК и Управление пропаганды и агитации ЦК. За данный период совместно с ЦК решались и основные вопросы цензуры по сохранности военной и государственной тайны, утверждение основополагающих документов, а также оперативные вопросы, такие как представление сводок вмешательств Главлита, исправления карт после войны, разрешения обкомам утверждать решения на увеличение тиражей многотиражных газет, сокращение организаций, получавших иностранную литературу во время войны, утверждение проектов решений и инструкций и др. Совместно с ЦК разбирались, решались

и некоторые «щекотливые» вопросы политического характера. Так, к примеру, еще 3 декабря 1943 года в ЦК было направлено инициативное письмо начальника Новосибирского облплита т. Герасовой о том, чтобы цензуру передали в ведение НКВД. ЦК затребовало на этот счет мнение и ответ начальника Главлита. 6 апреля 1944 года Уполномоченный СНК СССР Н. Г. Садчиков пишет в ЦК ВКП(б) и отмечает:

«Несмотря на то, что цензура по своим выполняемым функциям имеет очень близкую связь с органами НКВД, однако передать последнему цензуру нецелесообразно по внешнеполитическим соображениям. Различные элементы внутри страны и за границей могут использовать этот факт как доказательство якобы того, что в нашей стране свобода слова и печати, предусмотренная Конституцией (основной закон) СССР, строго ограничена. Практически передача функций цензуры над печатью органами НКВД также не вызывается необходимостью, ибо у цензуры даже в ее нынешнем виде имеются широкие права, пользуясь которыми она может не допустить в печать и по радио любой материал, который разглашает военную и государственную тайну или содержит взгляды, враждебные нашей партии и народу»²⁵.

Естественно, такой ответ вполне удовлетворил ЦК партии. Следует отметить и такой момент. Организация работы по цензурированию информации в необходимых случаях переносилась и на освобожденные от нацизма страны Европы. Так, в 1944 году Главлит предлагал ввести перечень на военное время в Румынии, которую обязать соблюдать его, а также обеспечить контроль над печатью и радио в Болгарии и предусмотреть это в Венгрии. В освобожденных от фашизма странах Советским Союзом оказывалась помощь в создании новых государственных органов, в которых в определенной степени копировались и соответствующие государственные структуры по защите государственной тайны в СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, деятельность Главлита по защите государственной и военной тайны рассматривалась в рамках функционирования общественно-государственной системы, в результате чего были отмечены принятые решения и показано исполнение государственных функций по защите государственной тайны в период Великой Отечественной войны. Отмечена положительная роль Главлита по проведению цензурной работы как части контрразведывательной деятельности. Проведение Главлитом цензурной политики способствовало и было в определенном смысле необходимым условием победы над врагом. В предпоследний год войны органами цензуры продолжалась работа по защите уже имевшихся на тот момент сведений, составляющих тайну, но возникали и новые сведения, по которым требовалась защита. В данный период особо следует отметить защиту появившихся сведений по советским атомным исследованиям и изысканиям, а также сведений по восстановлению народного хозяйства в освобожденных районах, оперативной работе компетентных органов на территории освобожденных иностранных государств. В правовом смысле основным организационным мероприятием по нормативному обеспечению работы в области цензуры были разработка, утверждение и введение в действие нового перечня сведений, не подлежащих опубликованию в военное время (1944 год), который был дополнен и переработан уже с учетом опыта войны. В данном году в Главлите по-прежнему остро стоял вопрос о кадрах и большой нагрузке на работающих сотрудников. Но, несмотря на большие трудности и определенные недостатки, большое количество задержанной от разглашения государственной и военной информации говорит об эффективной функциональной деятельности государства в лице Главлита в военный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 206. Л. 29.

² Там же. Д. 39. Л. 32.

³ Там же. Д. 291. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 206. Л. 17.

⁵ Там же. Д. 291. Л. 34.

⁶ Там же. Д. 206. Л. 18.

⁷ Там же. Д. 206. Л. 22.

⁸ Там же. Д. 208. Л. 21–23.

⁹ Там же. Д. 206. Л. 30.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Там же. Д. 201. Л. 53.

¹² Там же. Д. 291. Л. 59–60.

¹³ Там же. Л. 61.

¹⁴ Там же. Д. 206. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 306. Л. 66–68.

¹⁶ Там же. Д. 297. Л. 33.

¹⁷ Там же. Д. 293. Л. 92–95.

¹⁸ Там же. Д. 201. Л. 36.

¹⁹ Там же. Д. 39. Л. 28–29.

²⁰ Там же. Д. 203. Л. 21.

²¹ Там же. Д. 39. Л. 29.

²² Там же. Д. 297. Л. 33.

²³ Там же. Д. 210. Л. 6–9.

²⁴ Там же. Д. 310. Л. 33.

²⁵ Там же. Д. 208. Л. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бормотова А. Р. Цензура печатных органов Курской области в начале Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 107. С. 27–30.
2. Верютин В. Н. Общественные отношения, возникающие в сфере отнесения сведений к государственной тайне // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 4 (84). С. 313–323.
3. Дианов С. А. Пермский обллит накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 годы) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 21–33.
4. Зеленев М. В. Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. Вып. 1. С. 143–159.
5. Куренков Г. А. Вопросы секретности на международных конференциях Второй мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 73–83.
6. Куренков Г. А. Обеспечение защиты информации накануне Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 48–59.
7. Куренков Г. А. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) – ВКП(б). 1918–1941 гг. М.: АИРО – XXI, 2015. 252 с.
8. Куренков Г. А. Защита военной и государственной тайны в первый период Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 84–96.
9. Куренков Г. А. Боевые действия и защита военной тайны во время Советско-финляндской и в начале Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 65–69.
10. Куренков Г. А. Защита военной и государственной тайны в печати во время коренного перелома в Великой Отечественной войне // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 5 (38). С. 74–87.
11. Куренков Г. А. Защита государственной тайны в СССР как элемент системы обеспечения безопасности страны перед Великой Отечественной войной // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 51–59.
12. Малышева Е. М. Органы НКВД-НКГБ в политической системе СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. Вып. 1. С. 38–45.
13. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 704 с.
14. Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
15. Петровичева Е. М., Тряхов И. С. Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Владимирского края) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. Т. 4. История. С. 49–59.
16. Печковский П. В. Цензура в печати как элемент государственной политики в области информационной безопасности Советской России // Вестник Брянского госуниверситета. 2015. № 3. История. С. 116–121.
17. Похил К. Ф. Особенности информационного взаимодействия структур НКВД – НКГБ СССР и органов власти в 1941–1945 годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 1 (45). С. 73–75.
18. Соколова О. С. Институт государственной тайны в российском законодательстве // Современное право. 2003. № 11. С. 14–17.
19. Устинков А. В. Государственная тайна как функция государства по отношению к обществу и личности // Право и безопасность. 2004. № 1 (10) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_7_14.htm (дата обращения 12.01.2019).
20. Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. 432 с.

Kurenkov G. A., Russian State Archive of Socio-Political History
(Moscow, Russian Federation)

PROTECTION OF MILITARY AND STATE SECRETS IN GLAVLIT'S ACTIVITIES IN 1944

The article analyzes the problem of protecting military and state secrets in 1944 during the liberation of the occupied territories of the USSR and the European countries. The purpose and tasks of the article are the identification and description of the structure and contents of the classified information; the analysis of the activities held by the state, party bodies and the Main Directorate for Literary and Publishing Affairs (Glavlit) for the protection of state secrets during that period. In the course of the study, organizational measures and fields of information security activity and their specifics are characterized. The conclusions drawn in the article confirm the facts of carrying out a certain censorship policy on the protection of state secrets in general by the state (represented by Glavlit) in interrelation with the course of fighting and political events, as well as their influence on the structure and contents of the classified information. The amount of the state and military information prevented from disclosure points to the necessity of censorship carried out by the state and Glavlit.

Key words: Great Patriotic War, military and state secrets, Glavlit, representative of the USSR's Council of People's Commissars for the protection of military and state secrets in the press, privacy, censorship

REFERENCES

1. Bormotova A. R. Censorship of publications in the Kursk region at the beginning of the Great Patriotic War. *Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 2009. Issue 107. P. 27–30. (In Russ.)

2. Verjutin V. N. The public relations arising in the sphere of classifying data as state secrets. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2010. Issue 4 (84). P. 313–323. (In Russ.)
3. Dianov S. A. Perm Regional Agency for the Protection of Military and State Secrets in the Press on the eve of and during the Great Patriotic War (1939–1945). *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2014. No 1. P. 21–33. (In Russ.)
4. Zelenov M. V. Military and state secrets of the RSFSR and the USSR and their legal support (1917–1991). *Leningrad Law Journal*. 2012. Issue 1. P. 143–159. (In Russ.)
5. Kurenkov G. A. The problems of secrecy at the international conferences of World War II. *Voprosy istorii*. 2013. No 2. P. 73–83. (In Russ.)
6. Kurenkov G. A. Ensuring information security on the eve of the Great Patriotic War. *Voprosy istorii*. 2014. No 7. P. 48–59. (In Russ.)
7. Kurenkov G. A. From conspiracy to privacy. Protection of the Party and state secrets in the All-Russia/All-Union Communist Party (Bolsheviks). 1918–1941. Moscow, 2015. 252 p. (In Russ.)
8. Kurenkov G. A. Protection of military and state secrets during the first period of the Great Patriotic War. *RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2016. No 1 (10). P. 84–96. (In Russ.)
9. Kurenkov G. A. Combat operations and protection of military secrets during the Russo-Finnish War and at the beginning of the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 5 (174). P. 65–69. (In Russ.)
10. Kurenkov G. A. Protection of military and state secrets during the radical change in the Great Patriotic War. *RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2018. No 5 (38). P. 74–87. (In Russ.)
11. Kurenkov G. A. Protection of state secrets in the USSR as part of the security system of the country before the Great Patriotic War. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 2018. Vol. 4 (70). No 3. P. 51–59. (In Russ.)
12. Malysheva E. M. Bodies of the People's Commissariat for Internal Affairs and the People's Commissariat for State Security in the USSR political system during the Great Patriotic War of 1941–1945. *The Bulletin of Adyghe State University*. 2006. Issue 1. P. 38–45. (In Russ.)
13. Medinskii V. R. War. Myths of the USSR. 1939–1945. Moscow, 2014. 704 p. (In Russ.)
14. Paramonov V. N. Privacy in the Soviet society in 1920–1940. *Vestnik of Samara State University*. 2012. No 2/2 (93). P. 125–133. (In Russ.)
15. Petrovicheva E. M., Trjahov I. S. Censorship during the Great Patriotic War of 1941–1945 (as exemplified in the materials of the Vladimir region). *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2015. No 1. Vol. 4. History. P. 49–59. (In Russ.)
16. Pechkovskij P. V. Censorship in the press as an element of the state policy in the field of information security of the Soviet Russia. *The Bryansk State University Herald*. 2015. No 3. History. P. 116–121. (In Russ.)
17. Pohil K. F. Information exchange between the structures of NKVD-NKGB and government authorities in 1941–1945. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 2013. No 1 (45). P. 73–75. (In Russ.)
18. Sokolova O. S. State secret institute in the Russian legislation. *The Modern Law*. 2003. No 11. P. 14–17. (In Russ.)
19. Ustinkov A. V. State secret as function of the state in relation to society and personality. *Law and Security*. 2004. No 1 (10). (In Russ.)
20. Hristoforov V. S. State security apparatus of the USSR in 1941–1945. Moscow, 2011. 432 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.03.2019

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАРЕЛОВ О ЗАБОЛЕВАНИИ *KALMA*

Впервые в отечественной этнографии рассматриваются религиозно-мифологические представления карелов о заболевании *kalma* ‘болезнь, которая, согласно верованиям карелов, приставала от могилы, кладбища или покойника’. Целью исследования является всесторонний анализ болезни *kalma* с применением сравнительно-сопоставительного, этнолингвистического и сравнительно-исторического методов. В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи: 1) собрать, систематизировать и определить происхождение наименований рассматриваемого недуга; 2) выявить этиологию заболевания; 3) сравнить представления о болезни *kalma* среди групп карелов, проживающих как на территории Карелии, так и в Тверской (тверские карелы) и Ленинградской (тихвинские карелы) областях. В результате были сделаны выводы, позволяющие проследить устойчивые представления о *kalma* лишь у некоторых групп карелов. Заболеванию предшествовало некорректное поведение в местах или с предметами, имеющими отношение к миру мертвых, что было свойственно для мифологических воззрений карельского этноса.

Ключевые слова: мифология, карельская народная медицина, культура карелов, этнос, этнография, этнолингвистика, верования

ВВЕДЕНИЕ

Теоретико-методологическая база исследования представлена научными работами по славянской мифологии и народной медицине финно-угорских народов, что обусловлено отсутствием трудов по рассматриваемой проблематике на карельском материале. Это определяет научную новизну данной статьи.

Прежде крестьяне видели во всех явлениях природы действие какой-то неведомой, таинственной и всевластной силы. Если явление природы шло на пользу человеку, то он считал, что эта сила или дух – его покровитель; если же наоборот – то его враг. Дух представлялся человеку не чем-то отвлеченным, а весьма реальным, имеющим человеческие чувства [1: 227]. В формирование языческого мировосприятия внесли свою лепту и культ предков, и обожествление элементов природы: земли, воды, огня, воздуха, и почитание различных духов-хозяев [5: 112]. Языческие верования веками были органически связаны со всем укладом традиционного крестьянского быта. Не исключением стала и народная медицина.

Одним из самых устойчивых религиозно-мифологических представлений карелов считалось верование в болезнь, которая, согласно карельским поверьям, «приставала» к человеку от кладбища или покойника (кар. *kalma*). Наименование *kalma* было известно беломорским карелам, карелам центральной Карелии, ливвикам и люди-

кам. Первоначальными и основными значениями слова *kalma* являются ‘могила и кладбище’. В названии самого заболевания прослеживается метафорический перенос. Возможно, когда начали верить, что при несоблюдении правил мертвые насылают на человека недуг, то стали обозначать его этой же лексемой.

Другим наименованием, используемым суоярвскими карелами для обозначения данного недуга, является лексема *kalmahine* – букв. ‘мертвая, могильная’, образованная суффиксальным способом: к имени существительному *kalma* ‘смерть, могила’ присоединен суффикс *-hine*, посредством которого образуются названия мифических и живых существ. Возможно, ранее данной лексемой обозначали и некоего мифологического персонажа, например «хозяина кладбища» (ср.: у карелов *vedehine* ‘хозяин воды’, *meššähine* ‘леший, хозяин леса’), верования в которого со временем утратили свою актуальность.

Источник заболевания *kalma* (ск.), *kalmu* (ливв.) ‘могила’, *kuolii* (ливв., люд.) ‘умерший, покойник’ прослеживается в основе номинации следующих наименований: *kalman/nenä* (ск., ливв., фин.) – букв. ‘могилы + нос’ [9: 168], *kuolien/nenä* (ливв., люд.) – букв. ‘мертвого + нос’. Судя по этим названиям, от могилы и покойника можно было получить внутренние болезни, объединенные понятием *nenä*.

Карелы, проживающие в Калевальском районе (например, д. Войница), выделяли несколько

видов болезни *kalma*: *vesi/kalma* (букв. водяная + смерть, могила) и *ristimätön kalma* (букв. некрещеная + смерть, могила). *Vesikalma* проявлялась в тех случаях, если испугаешься чего-нибудь во время стирки одежды умершего, а *ristimätön kalma* приставала от некрещеного мертвого ребенка.

По сведениям информантов, болезнь *kalma* считалась серьезной: *kalman d'ielos eule šuutkimistu* – ‘болезнь смерть – нешуточная’ (Тулмозеро), *voimatta rod'ivuin kalmannenä on, etko kuole, etko elä* – ‘я без сил был, когда смертью болел, ты не живешь и не умираешь’ (Суоярви) [8: 36]. Этим недугом человек мог заболеть в том случае, если он испугался покойника. Причиной появления данного заболевания было также непочтительное отношение к умершим предкам. Об этом говорят следующие поверья: заболевали, если, проходя мимо кладбища, не перекрестились. Нельзя было пугаться покойников, это могло оскорбить их. Так, карелы деревень Кондока и Войница верили, что *kalma* проявлялась при испуге от известия о смерти или увиденного во сне покойника [12: 223]. Исследователь И. В. Ильина отмечает, что для народа коми характерны такие же представления: «...благополучие и здоровье живущих зависело от благорасположения ушедших в иной мир». Гнев умерших родственников, возникший вследствие неуважительного отношения к их памяти, несоблюдения правил и норм поведения в почитании усопших, мог стать причиной неожиданных болезней [4: 68]. Жители д. Римпи верили, что *kalma* приставала, если выкинешь гробовую доску [11: 140]. Повенецкие карелы (Олонецкая губерния) были уверены: если, находясь у могилы, человек выругается или вспомнит умершего плохим словом, то он захворает и для выздоровления надо ходить к этой могиле и просить прощения. Другой причиной болезни было заражение через соприкосновение с объектами и предметами мира мертвых, которые считались нечистыми.

У олонецких карелов бытовали предостережения, которые соблюдали, чтобы *kalma* не пристала. Для этого было необходимо сжечь все вещи (мыло, веник, солома), которые остались после обмывания покойника. Закончив погребение, уходя с кладбища, тщательно счищали землю с ног [3: 47–49]. Паданские карелы после смерти родственника сразу клали его в гроб и зашивали голову в холст. Во время отпевания родня покойника отказывалась снимать ткань, это делал сам священник. Страх был связан именно с суевериями, относящимися к болезни *kalma*.

Беломорские карелы примечали, что заболевание *kalma* проявлялось в послеобеденное время и усиливалось к полуночи, после чего начинало отступать. Это было связано с тем, что ночь – время мертвых. В качестве симптомов жители д. Сямозеро выделяли холод по всему телу, боли в суставах и синева на лице [8: 448], что являлось признаками мира мертвых и покойника. Сортавальские карелы (г. Сортавала) уверяли, что при

этом заболевании человек все время смотрел в одну точку и не мог ничего делать. Беломорские карелы (д. Римпи) отмечали опухание всего тела [11: 140].

Очиститься от *kalma* помогал очаг. Возвратившись с кладбища в дом умершего, каждый участник похорон троекратно (ладонями и тыльной стороной кисти) прикладывал руки к печи. В Калевальском районе (д. Войница) от всех видов *kalma* избавлялись, облившись водой, которую несли на кладбище [10: 81], то есть смытую болезнь возвращали в место ее обитания – мир мертвых.

При лечении этой болезни обращались и к знахарю, который прежде определял наличие данного недуга у больного с помощью гадания с использованием нательного креста: *kalmahizen oijendi t'iedoinikka* – ‘болезнь ‘смерть’ вылечил знахарь’ (Суоярви), *ristu ozuttau t'iedoin'iekal kalmannenän* – ‘крест показывает знахарю, что это смерть’ (Сямозеро) [8: 36]. Так, в качестве магического способа лечения можно привести следующий пример, бытующий на территории проживания беломорских карелов (д. Кондока). Если больной точно знал, что *kalma* пристала от покойника, то надо было идти во двор, где стоял гроб с мертвым, трижды поклониться и произнести заговор, отсылающий покойника в мир мертвых:

<i>Kuin ollet kuolleen kojišta,</i>	Если ты из дома мертвых,
<i>katonehen kartanosta,</i>	из усадьбы пропавших,
<i>ikimännehem majasta,</i>	навсегда ушедший
	из жилища,
<i>märännehem moaemästä,</i>	от хозяйки сырой земли,
<i>mänes kuolleen kot'ih,</i>	иди-ка ты в дом мертвых,
<i>katonehen kartanoh,</i>	в усадьбу пропавших,
<i>ikimännehem majah,</i>	в жилище навсегда
	ушедших,
<i>märännehem moaemäh!</i>	к хозяйке сырой земли!
[13: 223]	
(д. Кондока)	(Перевод автора)

При опухании тела топили баню, обязательно используя ключевую воду. Затем разводили ведро горячей воды, а, когда больной заходил в баню, всю эту воду выливали ему в лицо. Положительный эффект был только в том случае, если больной сильно испугается. Если больной не испугался, то топили баню повторно и при обливании произносили: *Kačom mie jotta eikö tästä lähe kočmat!* – ‘Посмотрю я сейчас, выйдут/пройдут ли из этого (человека) недуги!’ [11: 140]. Обитель *kalma* – это одновременно и кладбище, которое отождествляется с загробным миром, Маналой, Туонелой, где обитают «дети калмы» [6: 94].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассматриваемое заболевание у карелов считалось внутренним и очень серьезным. У карелов Карелии были чрезвычайно развиты представления о болезни. У тверских и тихвинских карелов их не удалось зафиксировать. Видимо, они оказались утраченными.

Представления о различных видах *kalma* были широко распространены и у финнов [7: 80]. У пермских народов также одной из наиболее распространенных причин заболеваний была кара предков за непочтительное к ним отношение, однако от таких

недугов они избавлялись по-другому: совершением поминовений и жертвоприношениями животных. В вепсской медицинской традиции эта причина болезней оказалась мало популярной, а указанные способы избавления от них неизвестны [2: 107].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А., Усачева В. В. Болезнь человека // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 225–227.
2. Винокурова И. Ю. Религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 205–206.
3. Даншова О. Н. Древние обряды, обычаи и поверья карелов // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец: Сб. науч. статей. Вып. 1. Олонец: МУП «Спектр», 1999. С. 39–50.
4. Ильина И. В. Народная медицина коми. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, 2008. 236 с.
5. Криничная Н. А. Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лешем как покровителе диких животных и охотников // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии / Отв. ред. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск: Версо, 1993. С. 112–117.
6. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с.
7. Симонсури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. Н. А. Прушинской. Петрозаводск: Карелия, 1991. 209 с.
8. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, II, 1974. 591 s.
9. Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Jyväskylä: WSOY, 1992.
10. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. 186 s.
11. Virtaranta P. Polku sammui. Vammala: Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 s.
12. Virtaranta P. Vienen kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 s.
13. Virtaranta P. Vienen kyllä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KARELIANS' RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL IDEAS ABOUT *KALMA* DISEASE

This article covers the religious and mythological representations of the Karelians about *kalma* disease ('a disease which, according to the Karelians' beliefs, originated from graves, cemeteries or the deceased') for the first time in the domestic ethnography. The aim of the study is a comprehensive analysis of *kalma* disease using comparative, ethnolinguistic and comparative-historical methods. In accordance with the goal, the following tasks were set: 1) to collect and systematize the names of the studied disease and determine their origins; 2) to reveal the disease etiology; 3) to compare the perceptions of *kalma* disease among the groups of the Karelians living in Karelia, as well as in the Tver and the Leningrad regions (the Tver Karelians and the Tikhvin Karelians, respectively). As a result, the conclusions were drawn which enabled to trace stable ideas about *kalma* disease only within some groups of the Karelians. The disease was preceded by incorrect behavior in places or with objects related to the world of the dead, which was typical of the mythological views of the Karelian ethnos.

Key words: mythology, Karelian folk medicine, culture of the Karelians, ethnos, ethnography, ethnolinguistics, beliefs

REFERENCES

1. Agapkina T. A., Usachova V. V. Human disease. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1. P. 225–227. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Religious and mythological ideas about the origin of diseases in Vepsian medicine. *Rol' nauki v reshenii problem regiona i strany: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*. Petrozavodsk, RAS Karelian Research Centre Publ., 2016. P. 205–206. (In Russ.)
3. Danshova O. N. Ancient rites, customs and beliefs of the Karelians. *Alango – Alon's' – Olon's' – Olonets: Sbornik nauchnykh statey*. Issue 1. Olonec, 1999. P. 39–50. (In Russ.)
4. Il'ina I. V. Traditional Komi medicine. Syktyvkar, Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN Publ., 2008. 236 p. (In Russ.)
5. Krinichnaya N. A. Paganism and peasant life: mythological stories about Leshy as the patron of wild animals and hunters. *Traditsionnaya kul'tura: obshchechelovecheskoe i etnicheskoe. Problemy kompleksnogo izucheniya etnosov Karelii*. (T. V. Krasnopolskaya, Ed.). Petrozavodsk, Verso Publ., 1993. P. 112–117. (In Russ.)
6. Petruhin V. Ya. Myths of the Finno-Ugrians. Moscow, 2005. 463 p. (In Russ.)
7. Simonuuri L. Index of the types and motifs of Finnish mythological stories. (N. A. Prushinskaya, Trans. from German). Petrozavodsk, Karelia Publ., 1991. 209 p. (In Russ.)
8. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, II, 1974. 591 s.
9. Nykysuomen sanakirja. Porvoo, Helsinki, Jyväskylä, WSOY, 1992.
10. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo, WSO, 1924. 186 s.
11. Virtaranta P. Polku sammui. Vammala, Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 s.
12. Virtaranta P. Vienen kansa muistelee. Porvoo, Helsinki, WSO, 1958. 804 s.
13. Virtaranta P. Vienen kyllä kiertämässä. Porvoo, Helsinki, WSO, 1978. 700 s.

Поступила в редакцию 04.04.2018

АЛЕКСЕЙ КОНККА

старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное учреждение науки Федеральное исследовательское учреждение «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
aleksikonkka@hotmail.com

ЕЛЬ КАК ДЕРЕВО ЛЕСНЫХ ДУХОВ В ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЯХ И ОБРЯДАХ КАРЕЛ И НАСЕЛЕНИЯ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ*

Цель исследования, включая опубликованную ранее первую часть, – показать роль, которую занимала ель в карельской мифологии и обрядности, в частности ипостась мирового дерева, жертвенное дерево семьи и рода и главное дерево потустороннего мира. Подобный анализ материала происходит впервые. Задачей статьи является поиск доказательств тезиса «ель – дерево духа леса». В Карелии, а также в Восточной Финляндии был известен дух леса под именем Тапио (Tapio), хозяин лесных зверей, к которому охотники обращались с просьбами об удаче. В качестве алтаря выбиралось особое дерево – ель с плоской вершиной («стол Тапио»). В начале охотничьего сезона в некоторых местах следовало произнести заговор и принести Тапио жертву в виде ржаной лепешки, муки или воды из ключа, которые клали или выливали на «стол Тапио». Ветку с «ели Тапио» охотники на медведя носили с собой во время «обхода», заставляя зверя устроиться на зиму внутри определенного охотниками круга. Ель Тапио использовали также при лечении скота и охране молодых оленей от порчи. Для нужд умиловости «лесной силы» (в том числе при лечении болезней) могли использовать любую ель или еловую хвою, помогающую от сглаза. Одним из выводов данного исследования является то, что чаще всего в рассказах карел и населения Европейского Севера в связи с лесными духами фигурирует ель. Ель выступает в качестве жилища лешего; унесенных лешим людей находят под елью; мох, растущий на ели, называют бородой лешего; а сам леший в быличках превращается в ель.

Ключевые слова: Европейский Север, карелы, верования, дух леса Тапио, жертвоприношения, охотничьи и скотоводческие обряды, лечебная магия

В Беломорской и Приладужской Карелии, а также в Восточной Финляндии был известен дух леса под именем Тапио (Tapio), хозяин лесных зверей, к которому, прежде всего охотники, обращались с просьбами о ниспослании удачи на промысле.

«Охотники в качестве своеобразного жертвенного алтаря выбирали в лесу невысокую густую ель, ветви которой смотрели вниз, на землю»¹, –

писала в книге «Стол в верованиях карелов» Н. А. Лавонен. Иногда на еловые ветви клали ольховую щепку, которую можно рассматривать как своего рода столешницу. Такое дерево получило название *Tapion pöytä* («стол Тапио»). Вторым, более редким названием, – пишет Лавонен, – было *Tapion kämmen* («ладонь Тапио») [6: 29]. Начало общераспространенного охотничьего заговора, который зачастую произносили у «стола Тапио», звучит так: *Mielly metsä, / kostu korpi, / taivu ainoinen Tapio* («Будь благосклонен лес / одари корба² / уступи единственный Тапио»). Из этих слов понятно, что Тапио отождествляется с лесом, а лес, как замечает Аймо Турунен, это «лес охотничьей добычи», в котором дичь и лесные звери – это «стадо Тапио». Сам термин

Tapio финский языковед Э. А. Тункело возводил к эстонскому *taba* «замок» и связывал значение слова с поставленными на охотничьем путике ловушками (петлями), тем более что выражение *Tapion lukko* «замок Тапио» часто используется в фольклоре и в рассказах о практической магии, где он – магический предмет, которым можно «замкнуть» лес, например, в случае если лес «спрятал» пасущийся в нем скот [17: 329–330] (см. также [12: 60–61]).

В начале охотничьего сезона следовало произнести заговор и принести Тапио жертву в виде ржаной лепешки, муки или воды из ключа, которые клали или выливали на «стол Тапио». Тогда же могли положить остатки от первой трапезы или съесть первую попавшуюся в силки птицу, предварительно положив ее на ель. При этом первую добычу, как правило, варили целиком, не очищая и не потроша ее. Помимо ели с плоской вершиной, «столом Тапио» называли «башмак ели», то есть развилку из трех еловых корней, выступающих над землей. Охотничью удачу в финской Северной Карелии добывали так: из котла, в котором варилась первая добытая птица, брали пену, насыпали в нее ржаной муки и замешивали

три «лепешки». Первую лепешку клали на восточную сторону этого «тройника», настрогав на нее серебра (как правило, с монеты), вторую – на средний корень и третью – на оставшийся. При этом каждый раз читали вышеприведенный заговор, обещая Тапио золото и серебро [16: VII, 5, 3324. Nurmes].

Ветку с «ели Тапио» охотники на медведя из Беломорской Карелии использовали как магический предмет, который помогал им провести «медвежий обход», чтобы зверь не ушел далеко, а устроился на зиму в берлоге внутри определенного охотниками круга: Когда поздней осенью отправляются по медвежьим следам и собираются делать вокруг медвежьей берлоги обход, то берут с ели Тапио ветку, и когда найдут следы медведя, то веткой чертят три пятиконечника на следах медведя и втыкают эту ветку внутрь последнего пятиконечника. Три следа поворачивают в обратную сторону и прибавляют их к земле ольховыми гвоздями. При этом говорят заговор, обращаясь к Миеликки – хозяйке леса, к Анникки – дочери Тапио и Теллерво – пастуху Тапио, прося их «привязать свою собаку», убрать ее в «дубовый хлев», в «сосновое гнездо», надеть на Отсо (эвфемизм имени медведя) «рябиновый намордник» (в других вариантах наряду с рябиновым перечисляются также железный и медный) или «дубовый застегнуть», чтобы не открыл своей пасти, когда гости придут к его избе, «к дверям драгоценного Отсо». «Тогда не уйдет далеко, а устроится в том месте, где нашли его следы, и не нападет на охотников, когда придут убивать его в берлоге» [16: I, 4, 1197. Тихозерская волость; 15: I, 299 р]. На границе Северной Карелии и Средней Финляндии, в приходе Йоутса, когда готовились к охоте на медведя, поступали иначе:

Брали три елки, связывали их вместе и втыкали в кочку. После этого привязывали дощечку к веткам и на нее ставили бутылку вина или пива. Это был «стол Тапио».

«Ель Тапио» на границе Финляндии и Карелии в нацпарке «Рииситунтури». Источник: Vartiainen P. Vallan ja vastuun suuret siirtymät // Vaasan yliopisto. 28.02.2017 (https://www.univaasa.fi/fi/blogs/expert/ihmisen_aani/vallan_ja_vastuun_suuret_siirtymat/)

Затем охотник кропил (ронял несколько капель) под деревья и, обращаясь к медведю со словами «золотой король леса», обещал его сам доставить из леса домой (вероятно, здесь намек на обычай охотников, которые с почетом сопровождают убитого медведя в дом, где происходит так называемый медвежий праздник) [16: IX, 982].

Однако не только охотники прибегали к воздействию на лес через «стол Тапио». Так, в Китее (Северная Карелия), когда пропадало молоко у коровы или в нем появлялась кровь, то «лес задабривают с помощью муравейника» и «стола Тапио»: относят туда три семени льна, три ячменных зерна, три крупы соли, строгают с трех монет серебро и произносят заговор, в котором, обращаясь к Тапио, просят дать скотине свободно гулять по лесу, охранять ее и помочь вызволить молоко из Маналы (подземный мир), расписывая в подробностях, как оно необходимо в доме [16: VII, 5, 3929]. В дер. Лубосалма Поросозерской волости в 1884 году был записан способ освобождения от порчи молодоженов с использованием «лесной силы», который состоял в том, что сначала знахарь находил ель с плоской вершиной, обламывал с нее трижды девять (27) «веток Тапио» и относил их молодоженам. Из трех родников набирал с заговором воды (в обмен на строгание серебра и три ветки ольхи) и обливал брачную пару, пропуская воду через пучок «веток Тапио», одновременно произнося заклятия:

«Ты лети теперь, колдовская стрела (noijan nuoli)... и порazi того хозяина, который навел (порчу). Если ты не послушаешь, то я тебя отправлю в темную Похьолу, за ворота Похьи... (то есть на тот свет. – А. К.)» [16: II, 1077].

Эти действия соответствуют манипуляциям с «вихревым гнездом» (ср. в обоих случаях аномально растущие ветки деревьев).

Помимо «стола» и «ели Тапио», существовало также понятие «пень Тапио». О нем в заговоре о рождении медведя (kontien synty), который охотники в дер. Поньогуба Вокнаволоцкой волости читали перед медвежьей охотой, сказано:

«Где наш Охто рожден?... В темной Похьоле... В знаменитом доме корбы, / Позади пня Тапио, / На корнях седой ели, / Под красивым можжевельником, / Под елью с цветущей кроной, / С цветущей кроной, с золотой хвоею» [16: I, 4, 1412].

Интересно, что «пень Тапио» здесь помещен в один ряд с «елью с золотой хвоею», что, несомненно, говорит о его высоком статусе. В то же время порода дерева этого «пня» остается неясной. Судя по материалам С. Паулахарью из Войницы, при лечении болезни «нос леса» (metsännenä)³, имеющей свойство «приставать», если человек испугался принесенной в дом охотничьей добычи (зверя или птицы), разорванной медведем туши коровы и пр., необходимо вскипяченной три раза водой омыть больного, после

чего вылить ее под три найденных в лесу «пня Тапио». «Пень Тапио», отмечает Паулахарью, представляет собой пень высотой около двух футов (собственно, отросток), который вырос из корня растущего рядом живого дерева (любой породы) [14: 80–81]. Кроме того, в обрядах часто присутствует смолистый пень, который является объектом тех или иных действий, связанных с лесом. В приходе Нурмес в Северной Карелии в начале сезона, когда добывали первую птицу, окуривали дымом силки и приносили жертву у смолистого пня.

«В лесу разводили огонь, взяв из трех смолистых пней 3 скола и 3 ветки от трех елок, силки в этом смолистом дыму разглаживали и окуривали. В берестянку наливали воды и вслух комментировали свои действия: “...первую птицу не понесу домой, а здесь ошиплю, сварю и съем”, а птички ноги клали под корни этого смолистого пня. Потом они птицу добывали хорошо» [15: I, 578].

Здесь, вероятнее всего, для большего эффекта приобщения к «лесной силе» использовали как ветки ели, так и щепки от смолистого пня.

«Если охотничья собака испорчена (лает на дерево, на котором зверя нет. – А. К.), – рассказывали в 1889 году в Бабьей Губе, – то надо найти в лесу насквозь прогоревший в лесном пожаре пень (kesuven kanto) с такой дырой, через которую пролезет собака (карельские лайки были небольшими. – А. К.), а если эта дыра расположена с севера на юг, то и того лучше. Собаку пронимают сквозь этот пень два раза в южную и один раз в северную сторону. Потом булавкой тыкают собаке в нос, чтобы потекла кровь. 3 капли собачьей крови капают в корни этого пня, а остаток скармливают в хлебе самой собаке. Булавку кладут под корень пня в жертву. Когда скармливают собаке хлеб с кровью, то вслух спрашивают: “Что забило нос собаки?” и предполагают: “Не сглаз ли это, пришедший от дурного взгляда, ведь (собака) на хвою лает”» [16: I, 4, 1171].

В дер. Сопасалма Юшкозерской волости знали, как навести порчу на невод, если положить угли от пня, который был в трех лесных пожарах, в грузила сети невода [16: I, 4, 1331]³.

Центральная роль ели в охотничьих обрядах добывания удачи особо проявляется в тексте, записанном в Северной Карелии в 1880-е годы (здесь приведены только действия, связанные с елью): если удача оставляла охотника, то он в канун Миккели (соответствует Покрову 01.10) отправлялся в лес со своей собакой, добывал белку и варил из нее в котле похлебку, которую со всем содержимым закапывал у корней большой густой ели, растущей у родника. После этого под елью закапывал еще и просфору, которую получил в церкви на причастии, снимал шапку с головы и пожимал рукой еловую лапу («давал руку еловой лапе») [15: I, 5].

У охотников были и специальные приемы для управления поведением диких животных – представителей леса. Так, в Суоярви для отвращения лисы, повадившейся воровать дичь из силков, следовало под ель насыпать металлических

опилок из кузницы [15: I, 687i]. Дело в том, что опилки были продуктом огня и железа, «кузнечной силы» (rajan väki), которая, по рассказам охотников из Тихтозера, была лучшим подспорьем для медвежьей охоты: у кого была rajan väki, тот обладал силой, способной остановить медведя одним только словом, потому что «кузнечная сила» была старше «лесной силы» [16: I, 4, 1197]. При охоте на белку охотнику часто мешает ее прыткость, стремительное движение по деревьям. Для предотвращения этого у бельчатников из дер. Хяме Тихтозерской волости был такой способ: в лесу следовало положить в карман три годичных зеленых ростка с вершины елки (kuusen kerkkä). Когда собака найдет белку и стрелок подойдет к дереву, он берет эти ростки в зубы и произносит заговор, в котором перевозит на все лады белку, особенно упирая на ее величину. Собаку же называет щенком, а себя дитём, лук у которого из лучины, а стрелы как спички, которые далеко не летят. Благодаря этому белка не шевелится, а сидит напротив стрелка, «так как нет ей дороги вверх, ведь вершина дерева у охотника в зубах» [15: I, 557]. Положенная в рот птице еловая хвоя помогала и от сглаза, когда охотник возвращался с добычей в деревню [15: I, 734. Каави, Северная Карелия], так же поступали и с добытым зайцем в Салми, которому хвою клали в ухо, а при подходе к деревне произносили заговор, в котором желали всем людям со злыми речами «черную ель из корбы с железными ветвями и берестянку со смолой под нос» [15: I, 520]. В Тихтозере знали, как отвести хищников от охотничьих путиков: если лиса, рысь или ворон съедали птицу из силков, то брали земли или снега из-под трех их следов, клали в череп собаки или в ее берцовую кость, которые красной нитью привязывали к вершине ели, растущей на северном склоне сопки. И «когда ветер будет раскачивать эту ель, то им (разорителям) придется уйти (или улететь) с этих мест в северную сторону» [15: I, 708, 709].

Когда у крестьянина пропадала пасущаяся в лесу корова или лошадь, то это называли metsänpeitto, то есть «лесной схрон», что означало, что скотину спрятал лес. В арсенале знающих людей было несколько способов воздействия на силы леса, но большинство из них были связаны с деревьями. Приведем два варианта рассказов, записанных в Беломорской Карелии. В лесу вершины двух елок, растущих по разные стороны коровьей тропы, связывают крученой вицей и между елей и вокруг вершин протягивают красную нитку, но не связывают. Ходят вокруг елок и читают заговор, в котором предупреждают лес, что «если не отпустишь нашего добра, то тогда ночь от ночи, день ото дня будем сжимать, будем ходить и стучать по корням». Если это не помогает, то вбивают между деревьев деревянный клин, ударяя по нему три раза. Один человек спрашивает: «“Что делаешь?” – “Грыжу

(килу) делаю!» — отвечает со злостью другой [16: I, 4, 1471. Ладвозеро]. Во втором варианте, записанном, как и первый, от Саарен Пекко, внука Архиппа Перттунена, вместо клина фигурирует камень, который повешен на вицах к склоненным вершинам елок, оттягивая их вниз [16: I, 4, 1471]. Еще в одном варианте, записанном в Нурмесе в 1885 году, знахарь находит в лесу три елки, растущих в одну линию, расщепляет их пополам начиная от вершины и связывает снизу и сверху красной нитью, а в расщепы вставляет серебро (вероятно, монеты). Потом он делает ольховый веник и хлещет им по корням елок. Когда хлещет, то приговаривает: «Возьми плетку рябиновую, / Бей Виркку (кличка коровы) вицей, / Заставь ленивую бежать!» Так три раза под каждой елкой. А потом, когда уходит, то говорит: «Птица летела из Лаппи, / У которой глаза были под крылом, / Зрачки на каждом перье».

Первая часть заговора представляет пожелание лесным духам пригнать скот, а вторая — предупреждение, так как речь идет о всевидящей птице — помощнике колдуна, которая благодаря своим сверхъестественным свойствам способна контролировать ситуацию [16: VII, 5, 3979].

Одним из способов воздействия на лес и лесных духов было задабривание (жертвоприношение), которое обычно применялось при лечении болезней. В приладожском Суйстамо в 1884 году уже упоминавшийся «нос леса» лечили так:

«Идут с больным в лес, произносят для хозяина и хозяйки леса заговор — просят прощения, если были неправы, берут льняную одежду и красную нить, а потом обнесут вокруг себя и кладут на вершину елки. Это дают в подарок. Идти надо ночью» [16: VII, 4, 2487].

В Импилахти, если болезнь пришла от испуга, то больного отводили в то место, где он испугался в лесу. Там накрывали стол, кормили всех присутствующих и просили прощения. Одежду больного надевали на елку — рубашку сверху, а «в корнях как мужика делали» (одевали мужиком) [16: VII, 4, 2478]. Относительно описанной антропоморфной фигуры на дереве следует заметить, что, возможно, здесь существует связь с обычаем относить и вешать на деревья, при «пришедшей из леса» болезни, тряпичных кукол разных цветов с множеством лоскутков на них, который был зафиксирован нами в с. Панозеро Беломорской Карелии в 1999 году [5: 385]. Интересны также манипуляции с крестом в Суйстамо: когда идут с больным в лес, то берут с собой немного вина, из олова выливают крест, а в него вдевают красную нить в качестве гайтана. В лесу недалеко от развилки дорог находят ель с плоской вершиной и около нее муравейник. Затем капают вина в муравейник и «надевают этот крест на шею елке», кланяются в разные стороны и обращаются к лесным хозяевам с просьбой простить их, не забыв упомянуть лесного старика

и старуху, лесных батраков и батрачек, отдельно «золотого короля леса», «красивую хозяйку леса в синей мантии» и «болотную хозяйку в красных чулках», после чего поворачиваются по солнцу в сторону дома, чертят крест в ногах и отправляются прочь, не оглядываясь все время, пока не окажутся «в избе с дымом» (возможно, имеется в виду курная изба) [16: VII, 4, 2485].

Жертвы лесовику приносили на территории всего Европейского Севера, например в таком полиэтничном регионе, как Прикамье:

«Рыбник обязателен и в ряде хозяйственных обрядов. Так, если в лесу потерялась корова, пишут записки. Лесному записку положат, так скотина выйдет. Ручкой пишут, этому мужику лесному запишут: “Отпусти нашу скотинку, не держи нашу скотинку”. Кладут кто на пень, кто куды. Рыбный пирог пекут обязательно и кладут на пень. Или на елку в красном платке вешают» [8: 90].

У удмуртов, на юге бывшего Сарапульского уезда, кости жертвенного животного, лоскуток холста и монетку складывали в лукошко и привешивали к ели в глубине леса. Еще в конце XX века в северных районах мужчины осенью ходили в лес на особое место под ель жертвовать гусей, уток Нюлэсмурту (хозяину леса), чтобы была удача в охоте и в разведении скота. Для излечения от болезней северные удмурты приносили дары (яичные лепешки, яйца, крупа) хозяину леса на пенек в лесу [11: 57]. Примечателен пример, записанный в том же уезде:

«Если удмурт, отпустив домашний скот в лес, не находит его в течение трех-четырех недель поиска, тогда плетет лесному духу / лешему лапоть длиной три четверти, относит [его] в лес и вешает на еловый сук со словами: “Вот тебе, *палэсмурт*, [я] лапоть сплел и принес; если удержишь мою лошадь / моего коня, отпусти, пожалуйста» [3: 64].

В связи с лесными духами чаще всего в рассказах карел и населения сопредельных северных территорий фигурирует ель. Николай Лесков в конце XIX века так описывал метаморфозы южнокарельского лешего:

«Стоит он, примерно, подле высокой ели, и кажется тебе, что подле ели стоит еще другая ель, а между тем на самом-то деле — это и есть леший»⁴.

В Войнице и Каменном озере Вокнаволоцкой волости лес «хватают за бороду», пока он не отдаст потерявшуюся скотину. Отрывают со ствола старой ели сколько-то мха (длинные клочья сероватого мха, лишайник уснея) и зажимают его в сделанной в дереве расщелине. В Каменном озере срывают мох с трех елей и в трех небольших елках делают расщеп: «Если не отпустишь, то я твою бороду сорву и еще зажму в расщеп» [13: 31]. В указателе финской мифологической прозы Л. Симонсуури имеется несколько пунктов, указывающих на связь «лесного хозяина» с елью: дух леса показывается в облике человека: впереди, как человек, сзади — волосатый, как еловый пень, покрытый бородастым лишайником

(К 2). У костра охотника появляется лесная дева, пытается вовлечь одинокого мужчину в любовный флирт, но сзади она – как поросшая мхом ель, суковатое полено (К 106). Коса, подаренная духом леса (нельзя смотреть на лезвие), превращается в еловую ветку (К 15) и т. д. И. Ю. Винокурова приводит быличку из вепсской деревни Сяргозеро о том, что место обитания лешего находилось под елью [2: 205]. Неслучайны и сравнения вепсов: леший является «ростом с хорошую ель» [7: 240].

Леший в Архангельской губернии именуется «хозяином елей» [4: 104], а жильем лесного духа может служить и сама вековая ель: срубивший ее крестьянин был наказан лешим [4: 107]. Недаром в Шенкурском уезде «ель жаровая» выступала как одна из ипостасей лешего при обращении к нему⁶. В статье Я. Ю. Соловьевой, в которой анализируются былички Вятского региона о проклятых людях, в приводимых автором рассказах о том, как леший «носит» проклятых по лесу, или описывается место, где их находят, говорится практически только о елях: (леший) «унесет в елки куды-нибудь» [9: 149]; «А они с лешим шли все по елкам, твердо так, как по полу»; «И он... несет так быстро, и как птица летит дак, над елками не достаю» [9: 151], «...Парня носило... Помолелбствовали. Нашли. Лежит под елочкой живой. “Где ты был?” – “Я с деушкой был. Все ходил с ним”» [9: 152].

Связь с лесом является основным признаком лешего и может обнаруживаться в различных его характеристиках. Например, о нем говорят, что он «весь еловый», – пишет автор книг о мифологической лексике русских Европейского Севера О. А. Черепанова. Она приводит каргопольскую быличку о появлении лешего на святки:

«В одной деревне были святки, а там есь лешева тропа рядом с деревней. Один раз там было гостыбище, все веселятся, пляшут. А в одну язбу, там беседа была, зашел леший. Его и не заметили. Он зашел, голову на воронец положил и хохочет. Сам весь еловый, и руки, и голова. Тут его и заметили. Испугались все, а он и пропал» [10: 30, № 136].

Говоря о древности древесного образа лешего, Черепанова приводит отрывок из старого народ-

ного стиха о Егории Храбром, в котором описаны лесные духи:

«И пастят стада три пастыря, / Три пастыря да три дѣвицы ... / На них тѣла, яко еловая кора, / Влас на них, как ковыль трава...» [10: 90].

Судя по всему, ель может связываться не только с лешим, но и с иной нечистой силой, в том числе стать местом обитания чуди, как то бывало у жителей деревень Терского берега Белого моря:

«Ягель у нас осенью собирают в кучи и ставят метку... После сбора ягеля у елки боролись и плясали... Пошли спать, и тут запело. Сестра монашка... ходит вокруг ели, да закрестит, да молитву прочтет, а нам: “Сказывайте сказки!”, чтобы не слушали... В Пялицах тоже было: остановились так у ели, а вдруг зачудило, зашумело там – нечистая сила. Они и собаку спустили, и науськали, и как зачало там собаку драть! И они сперва стали головнями кидаться, а как полетели головни им назад, да зауськало, да засвистело, так они уж затенулись под эту ель да и замолчали. Так вот эта чудь чудит» [1: 355–356, № 117, Чаваньга].

Думается, также не случайно, по старым материалам, именно ель-карсикко выступает «знаковым деревом» (залазью) на широких пространствах Архангельской и Вологодской губерний и далее вплоть до Колымы и Якутии.

Таким образом, ель выступает у карел и населения смежных с Карелией севернорусских территорий как дерево лешего, духа леса. Так, жертвенным алтарем карельских охотников была «ель Тапио», ель духа леса, на которой оставляли приношения (например, ржаные лепешки), а также первую добычу в начале охотничьего сезона. Как магический предмет ветви с «ели Тапио» использовали как охотники, так и знахари для лечения болезней. По верованиям, зафиксированным в Архангельской губернии, жильем лешего служила старая ель, а сам он иногда, как и у карел, принимал образ ели, леший на праздничной беседе представлялся «еловым» и т. д. Интересна также роль ели как маркера местообитания легендарной чуди у населения Терского берега Белого моря.

* Данная статья продолжает начатое в предыдущей работе исследование: Конкка А. Ель с золотой вершиной, или дерево предков (материалы по карельской мифологии и обрядности) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 113–121.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует добавить, что у такой ели отсутствовала вершина, то есть на каком-то этапе рост дерева вверх прекращался и ветки начинали расти вниз, образуя подобие стола (ствол-ножка, на которой относительно ровное пространство, образуемое ветвями).

² Корба – «дремучий лес, чашоба».

³ Подробнее о «лесном носе» см. в статье: Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 68–73.

⁴ Kesu – высохший пенёк, с которого сошла кора, смолистый пенёк. См.: Karjalan kielen sanakirja III, 148, Кестеньга.

⁵ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 418.

⁶ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность. М., 1878. 284 с. Жаровая ель, жаровая ель – ель с мелкослойной древесиной, дающая много жара при горении; высокоствольная, прямая ель [4: 226].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря. Л.: Наука, 1970. 446 с.
2. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск, 2015. 524 с.

3. Владыкина Т. Г., Панина Т. И. Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре: палэсмурт («половинный человек / человекообразное существо – половинка») // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2015. С. 59–67.
4. Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008. 622 с.
5. Конкка А. От колыбели до могильного креста (обряды и верования в рассказах панозерцев) // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 384–427.
6. Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. 176 с.
7. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 284 с.
8. Подюков И. А. Мифологический аспект промысловой традиции Прикамья // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 9. Гуманитарные и общественные науки. Пермь, 2013. № 1. С. 85–95.
9. Соловьёва Я. Ю. Сюжетные версии былички о проклятых людях (к проблеме вариативности фольклорной традиции) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4 (2). С. 148–156.
10. Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. 212 с.
11. Шутова Н. И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56–71.
12. Haavio M. Suomalainen mytologia. Helsinki, 1967. 544 s.
13. Holmberg U. Metsän peitossa // Kalevalaseuran vuosikirja. 1923. № 3. S. 16–60.
14. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Jyväskylä, 1995. 248 s.
15. SKMT – Suomen kansan muinaisia taikoja. I–III. Helsinki, 1891–1912.
16. SKVR – Suomen kansan vanhat runot I–XXXIV. Helsinki, 1908–1948, 1995.
17. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Pohjois-Karjalan kirjapaino OY, 1981. 415 s.

Konkka A., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

SPRUCE AS THE TREE OF WOOD SPIRITS IN TRADITIONAL BELIEFS AND RITUALS OF THE POPULATION OF KAERLIA AND THE SURROUNDING AREAS

Spruce is the tree of the wood spirits. In Karelia and Eastern Finland Tapio plays this role. He is the Lord of the forest beasts, and hunters ask him for luck. A tree with a flat top chosen as a kind of an altar was called “Tapio’s table”. At the beginning of every hunting season, special charms were addressed to him to be successful in hunting. Hunters were to put a rye flat cake on the Tapio’s table or give Tapio water from a spring to make a sacrifice. Also they would take a branch from the tree to keep bears sleeping in winter. Tapio tree was also used to look after cattle or to protect the newlyweds from the evil eye. To cure diseases people could use fir needles, taken from the magic tree. In the European North and Karelia we heard stories about tree spirits, which helped people to get rid of the evil eye. Some people hidden by a wood spirit could be found under spruce trees. So, this tree was considered to be the spirit’s home, and moss growing on it was often called the wood spirit’s beard.

Key words: European North, Karelians, beliefs, wood spirit Tapio, sacrifices, rituals of hunters and cattlemen, healing magic

* This article is the continuation of the previous publication: Konkka A. Spruce with golden top or tree of ancestors (materials on Karelian mythology and ceremonial rites). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 7 (176). P. 113–121.

REFERENCES

1. Balashov D. M. Tales of the Tersky Coast of the White Sea. Leningrad, 1970. 446 p. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Mythology of the Veps. Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
3. Vladykina T. G., Panina T. I. Images of forest spirits in the Udmurt mythology and folklore: palesmurt (“half man / humanoid creature – half”). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. Izhevsk, 2015. P. 59–67. (In Russ.)
4. Vlasova M. N. Encyclopedia of Russian superstitions. St. Petersburg, 2008. 622 p. (In Russ.)
5. Konkka A. From the cradle to the grave cross (rituals and beliefs in the stories of the Panozero people). *Panozero: the heart of the White Sea Karelia*. Petrozavodsk, 2003. P. 384–427. (In Russ.)
6. Lavonen N. A. The table in the beliefs of the Karelians. Petrozavodsk, 2000. 176 p. (In Russ.)
7. Pimenov V. V. The Veps. An essay on the ethnic history and genesis of culture. Moscow, Leningrad, 1965. 284 p. (In Russ.)
8. Podukov I. A. The mythological aspect of the hunting tradition of Prikamye. *Bulletin of Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Ser. 9. Humanities and Social Sciences*. Perm, 2013. No 1. P. 85–95. (In Russ.)
9. Solov'yova Ya. Yu. Plot variations of the story about the cursed people (the problem of the folk tradition variability). *Vestnik of Vyatka State Humanitarian University*. 2009. No 4 (2). P. 148–156. (In Russ.)
10. Cherepanova O. A. Mythological stories and legends of the Russian North. St. Petersburg, 1996. 212 p. (In Russ.)
11. Shutova N. I. Tree in the traditional Udmurt worldview. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2011. No 2. P. 56–71. (In Russ.)
12. Haavio M. Suomalainen mytologia. Helsinki, 1967. 544 s.
13. Holmberg U. Metsän peitossa. *Kalevalaseuran vuosikirja*. 1923. No 3. S. 16–60.
14. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Jyväskylä, 1995. 248 s.
15. SKMT – Suomen kansan muinaisia taikoja. I–III. Helsinki, 1891–1912.
16. SKVR – Suomen kansan vanhat runot I–XXXIV. Helsinki, 1908–1948, 1995.
17. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Pohjois-Karjalan kirjapaino OY, 1981. 415 s.

Поступила в редакцию 10.03.2019

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ШАДРИНА

кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация) shadrina.olga.29@mail.ru

Рец. на кн.: Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. – Архангельск: САФУ, 2018. – 623 с.

Предлагаемая вниманию читателей книга профессора В. И. Голдина «Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918» является первым томом задуманного автором трехтомного исследования. В. И. Голдин исходит из предпосылки, что «северная цивилизация – во многом особый путь развития» и субъектом ее истории является «особый тип человека, сформировавшийся здесь на протяжении веков посредством величайшего трудолюбия». Свободолюбие, упрямство в достижении цели, вера, традиционность, общинность в укладе жизни, ориентированность на подвиг – черты коренных жителей, тех, кто любит Север. К их числу относится и сам автор, посвятивший многолетний профессиональный труд историка исследованию того клубка противоречий, что составили бурную эпоху революции и Гражданской войны в России, и вписавший в эту картину судьбу Русского Севера.

В. И. Голдин отмечает «сформировавшийся к началу XX века северный регионализм», но видит в нем, как и в сибирском областничестве, «конструктивный, а не сепаратистский характер».

На наш взгляд, это особенно важно, так как интервенция делала ставку именно на «федерализацию» Русского Севера: «Северная федерация с центром в Архангельске устраивала Британию» (с. 211), что в дальнейшем могло бы привести к утрате государственности в результате объединенных усилий антибольшевистских сил и интервентов, простирающих свой геополитический интерес через всю территорию России – к Крымскому полуострову и Черному морю. Несмотря на усиленную агитацию, на декабрьском «Северо-Восточном съезде представителей семи губерний» (1917 год) «идея отделения и создания сепаратной федерации не получила поддержки за пределами Архангельска, ибо участники съезда боялись спровоцировать гражданскую войну» (с. 210), – докладывал британский консул в Архангельске Д. Янг. Примером воинствующего сепаратизма явилась тяжелая история Великого Княжества Финляндского, выступившего против России:

«использовать территорию Финляндии для боевых действий против Петрограда и Русского Севера в качестве “северного моста”, который связал бы Германию через Финляндию и Карелию с Арктикой» (с. 104).

Проект «Великой Финляндии» перестал быть угрозой России только после серии войн XX века: Зимней (1939–1940 годов) и Советско-финляндской (1941–1944 годов).

Книга состоит из семи глав, каждая из которых – глубокое самостоятельное исследование, встроенное в логику общего повествования. Пониманию цели и задач автора служит предпосланное *Введение*, в котором профессор В. И. Голдин подчеркивает актуальность темы реформ и военно-революционных потрясений в России; сложившейся опасной зависимости Отечества от стран Запада в результате международной и внутривнутриполитической конъюнктуры. Обращение к данной исторической проблематике должно послужить необходимым уроком в ситуации становления государственности после распада СССР (с. 7).

В первой главе «Русский Север в начале XX века: проблемы историографии и источниковедения» автор подробно инвентаризирует основные концептуальные подходы к пониманию исторических политических процессов (от формационного до цивилизационного); подчеркивает важность методологического аппарата исторического регионоведения, позволяющего анализировать «Гражданскую войну как сложный социокультурный, национально-этнический, духовно-нравственный феномен» (с. 25). Рассматривая основные направления современных дискуссий по заявленной тематике, исследователь выделяет три базовые научные школы: Карельскую (под руководством профессора Петрозаводского государственного университета М. И. Шумилова); Мурманскую (возглавляемую профессором Арктического государственного университета в Мурманске А. А. Киселевым), Архангельскую (собравшую плеяду замечательных ученых (В. И. Коротаева, Е. И. Овсянкина и др.) и сегодня возглавляемую профессором Северного (Арктического) федерального университета В. И. Голдиным).

Структурируя по хронологическому принципу материал тома, максимально объективно,

детально-описательно, можно сказать: реконструируя эпоху, автор придерживается сравнительного подхода, приводя и поясняя различные интерпретации одних и тех же событий в трудах отечественных и зарубежных исследователей, а также современников, наблюдавших меняющуюся картину «с разных полюсов». Масштабность, междисциплинарность представленного исследования позволяет ставить непозволительные с точки зрения исторической науки гипотетические вопросы: «Можно ли было защитить Архангельск от иностранного вторжения?»; «Что нужно было сделать для консолидации общества и обороны города?»; «Можно ли было России избежать участия в Первой мировой войне?». Видится, что именно эти стратегические внутри- и внешнеполитические проблемы, как это, отзывающиеся в нашем времени, являются действительным предметом профессионального интереса В. И. Голдина.

На сегодняшний день можно говорить о непрекращающихся дискуссиях вокруг отдельных тем «Гражданской войны и революции» в отечественной и зарубежной историографии, а также в историографии края, неизменным участником которых является профессор В. И. Голдин. Выделим следующие: о развитии российского капитализма и ходе процесса модернизации в конце XIX – начале XX века; реформах и реформируемости страны; состоянии общества и власти; причинах революций в России; о неравномерности национального развития, готовности страны к социальным экспериментам, процессах маргинализации, стратегических просчетах внешней и внутренней политики Российской империи.

Свое понимание сложившейся ситуации на Русском Севере в конце XIX – начале XX века в свете вышеуказанной проблематики, следуя многоакторному подходу, В. И. Голдин представил во второй главе *«Российская империя и Русский Север в начале XX века: попытка модернизации, диалектика реформ и революций»*. Автор монографии не выявляет стартового механизма революционного времени в отечественной и мировой истории в его региональной составляющей, так что ситуация характеризуется одновременно как «внезапная» и «подготовленная». «Провал столыпинской аграрной реформы на Севере», затянутость вопроса строительства Мурманской железной дороги, а также устройства глубоководного незамерзающего порта (проект С. Ю. Витте), позднее принятие ледокольной концепции России (адмирал С. О. Макаров), необразованность населения, промышленная отсталость Севера и др. все-таки не объясняют лояльности общества (включая духовенство) к революционной смене строя, принятию весьма хаотичного (что и привело в итоге к радикализации демократического движения) управления на местах, организованного Временным правительством.

В третьей главе *«Первая мировая война и Европейский Север»* для автора важен факт, вы-

текающий из политики Российской империи, в целом недооценивающей стратегическую роль Русского Севера, что оборона единственного незаблокированного порта – Архангельска – для ведения войны с Германией не была подготовлена. Ценой военно-стратегических ошибок стала интервенция. Сложилась беспрецедентная ситуация – межсоюзническая система обороны северных вод на территории России под командованием англичан (с. 102). Автор замечает, что «позиции Великобритании в северных русских морских водах последовательно укреплялись в годы Первой мировой войны» (с. 105), так что в 1916 году в Северном Ледовитом океане уже была создана Арктическая эскадра (The Arctic Squadron или British North Russia Squadron), база которой первоначально находилась в Иоканье, бухте Баренцева моря, в дальнейшем – в Мурманске и Архангельске. Заслуживает упоминания и факт включения Северной России в зону влияния Великобритании в результате межсоюзнического разграничения русской территории в 1917–1918 годах (23.12.1917, Париж, секретная англо-французская конвенция о разделе сфер влияния в России (с. 208)).

Профессор В. И. Голдин подчеркивает, что фактор миграции играл значительную роль в событиях революции, интервенции и Гражданской войны на Севере России. Так, строительство Мурманской железной дороги собрало 70 тыс. человек различных этносов (по данным В. В. Голубева, до 170 тыс. человек). Совокупное население г. Архангельска (включая окраины) к 1917 году увеличилось до 160 тыс. человек. Во многом это уже был «другой» Архангельск. При этом северная деревня лишилась к 1917 году 47,4 % трудоспособного мужского населения, треть хозяйств не имели мужчин-работников, был значителен процент обедневших хозяйств (без скота, без коров, без посевов).

Период с февраля по октябрь 1917 года, рассмотренный в четвертой главе *«Февраль 1917 и развитие революционного процесса на Севере России»*, можно метафорически охарактеризовать как «Пастырская разруха» (с. 170). Сложилась уникальная ситуация: к Февральской революции в Архангельской и Олонецкой губерниях не было действующих губернаторов (с. 127). До октябрьского переворота в Петрограде все партии, кроме большевиков, успели «побывать в министрах», но это не принесло плодов. В провинции устали от выборов, никто не хотел «брать власть». Запоздавшее земское самоуправление в Архангельской губернии было неэффективным (с. 151). Надежды связывали сначала с Временным правительством, затем – с Учредительным Собранием.

«Сложным было отношение к происходящим событиям российского духовенства и Православной церкви» (с. 135).

«Состоявшийся в Архангельске в июне 1917 года общепархиальный съезд духовенства и мирян направил телеграмму Временному правительству: “переживая со всей Великой Россией радость обновленного строя

государственной жизни на началах свободы, выражает полную готовность всеми силами содействовать ему в устроении государственной жизни»» (с. 147).

Однако надежды на «свободную церковь» (не встроенную в государственно-бюрократическую систему) не оправдались. Профессор В. И. Голдин, анализируя «Архангельские епархиальные ведомости» осени 1917 года, комментирует:

«Временное правительство приняло вероисповедный закон, ввело вместо обер-прокурора Святейшего Синода министра вероисповеданий», что «открыло двери агитации безверия» (с. 170).

Русский крестьянский Север, изначально не голосовавший радикально, постепенно революционизировался. Автор замечает: «...настроения большей части северной деревни летом 1918 были не в пользу советской власти» (с. 507). Решающим фактором, после которого история обрела необратимый ход, было отречение Николая II, в которое просто не могли поверить:

«В Усть-Цильме печорский уездный исправник, получив телеграмму об отречении императора, неделю скрывал ее от населения, забирая на почте всю корреспонденцию, и, в конце концов, уехал, предоставив событиям развиваться самим собой» (с. 127).

Хотелось бы остановиться на теме «безграмотности», «темноты» крестьянства – основного населения Русского Севера в этот период. Действительно, севернорусское школьное образование было абсолютно «не в фокусе» государственного управления Российской империи, но вывод государственной комиссии по устроению земского самоуправления в Архангельской губернии о «недостаточной культурности и зажиточности» государственных крестьян (не знавших крепостного права), а значит «недостойных» самоуправления – по меньшей мере, недалек от истины. Вот что обсуждали на Архангельском губернском съезде крестьянских депутатов в июне 1917 года «темные» крестьяне:

«В принятой резолюции указывалось, что желательной формой правления является полное народовластие в виде демократической республики и федерации, с однопалатным парламентом и без президента, с прямым народным законодательством и с правом всенародного голосования (референдума), и законодательного почина (инициативы), а также предоставлением отдельным народностям и областям широкого самоуправления» (с. 152).

В главах пятой «*Октябрьский разлом и Русский Север*» и шестой «*Мурманский гамбит: Север России на пути к интервенции и Гражданской войне*» описано трудное самоопределение Русского Севера в условиях информационного вакуума, постепенное вовлечение в Гражданскую войну и осуществление целей интервентов по захвату управления на Севере. «Северяне боятся, что край (Мурманский край) может стать предметом торга Советской России и Германии» по итогам Брест-Литовского мирного договора (с. 294), не понимают установки Л. Д. Троцкого на сотрудничество с Антантой при отказе продол-

жать войну. Желание советской власти «использовать одних империалистов в борьбе против других империалистов» (то есть Антанту против Германии), реализованное в практической политике Мурманского краевого Совдепа, привело в итоге к захвату власти интервентами на Мурмане. В тексте совместного меморандума № 31 от 3.06.1918 «Союзная интервенция в русских портах Северного Ледовитого Океана» страны Антанты заявляли о начале реализации масштабного геополитического проекта: «...занятие Мурманска Антантой защитит фланги союзных армий, которые со временем будут действовать в Сибири» (с. 354).

Значительную часть более чем 500-страничного труда занимает глава седьмая «*Кровавое северное лето восемнадцатого*» (200 страниц). События на Русском Севере с конца XIX века по весну 1918 года рассмотрены автором как пролог к драме Гражданской войны и интервенции. Богатый ресурсами Русский Север рассматривался Антантой как «плата» за долги царской власти, за помощь в Первой мировой войне (с. 470). Отсчет интервенции ведется с разрыва сотрудничества между Мурманским краесоветом и советским правительством (30.06.1918 года). Автор подчеркивает особую роль в этом процессе председателя Мурманского краесовета А. М. Юрьева. На территории Русского Севера велась активная разведывательная деятельность, так что «наладить эффективную систему противодействия проникновению антибольшевистских элементов на Север так и не удалось», – признался руководитель советской ревизии М. С. Кедров. Исследователь упоминает дискуссионную тему участия в подготовке интервенции в Россию и на Русский Север одного из легендарных шпионов XX века – англичанина Сиднея Рейли (с. 470). Контрреволюционная деятельность и интервенция стимулировались присутствием в Вологде союзных посольств, которые, отмечает автор, «являлись центром антисоветских настроений и действий» (с. 477). Был умело подготовлен антисоветский заговор в Архангельске, повлекший за собой сдачу города интервентам Верховным управлением вновь учрежденной (2.08.1918 года) Северной области с центром в Архангельске.

В *Заключении* автор очерчивает тематику последующих томов и предлагает задуматься, каким образом «малая» Гражданская война в стране смогла перерасти в широкомасштабное фронтовое противоборство в последующие годы (с. 554).

Книга представляет собой фундаментальный научный труд, адресованный не только профессиональному сообществу, но всем, кто интересуется проблемами Севера, и прежде всего современной молодежи, ибо уже не однажды «Россия молодая» вершила историю Отечества и должна понимать ее славные и роковые страницы.

Поступила в редакцию 04.03.2019

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ МАКУРОВ

(10.07.1947 – 13.04.2019)

Видный карельский историк,
кандидат исторических наук

В. Г. Макуров родился в д. Юшковская Коношского района Архангельской области. Трудовую карьеру он начал в узле связи и на журналистском поприще в районной газете «Призыв». Окончив в 1969 году историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета, а в 1974 году – аспирантуру Карельского филиала Академии наук СССР, он пришел в сектор истории Института языка, литературы и истории, в котором плодотворно проработал до самой смерти. В 1975 году В. Г. Макуров защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Развитие лесной промышленности Европейского Севера в послевоенный период». С 1989 по 2006 год заведовал сектором истории ИЯЛИ КарНЦ РАН.

В центре научных интересов Василия Григорьевича – история Карелии и Европейского Севера XX века, а в последние 27 лет – проблемы Великой Отечественной и Второй мировой войн. В. Г. Макуров – автор около 200 научных работ, в том числе 10 монографий (две монографии по истории лесного комплекса Карелии, «Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941–1945» (2005) и др.), а также научно-популярных изданий, учебных пособий, исторических очерков.

Василий Григорьевич – автор и соредатор целого ряда изданий, в том числе коллективных трудов: «История Карелии с древнейших времен до наших дней» (2001); «Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1703–2003 гг.» (2002), «История Петрозаводска: власть и горожане» (2008). Он один из авторов школьного учебника «История Карелии» для 10–11-х классов (2007, 2013) и нескольких десятков статей в трехтомной энциклопедии «Карелия» (2007–2011). В. Г. Макуров стал составителем и научным редактором ряда сборников документов: «По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944» (1995), «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни респуб-

лики. 1921–1940» (1997), «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956» (1999), «Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941» (2004); «Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945» (2005), «Эвакуированная Карелия. Жители республики об эвакуации в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Воспоминания» (2015), «Петрозаводск в Великой Отечественной войне: 1941 год. Статьи и воспоминания, документы и материалы». Издание 2-е, дополненное (2017) и др. Совместно с Н. А. Кораблевым Василий Григорьевич подготовил аннотированный и иллюстрированный свод памятников «Великая Отечественная война в Карелии: памятники и памятные места» (2015). В книге впервые научно описываются 300 наиболее значимых памятников и памятных мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны на территории Карелии.

В. Г. Макуров – участник и координатор ряда международных программ и проектов, организатор и руководитель Карельского отделения Академии военно-исторических наук (АВИН), академик АВИН с 1999 года. Он активно участвовал в экспертной деятельности, в частности в научном обосновании предложения о присуждении городу Петрозаводску статуса «Город воинской славы». В последние годы занимался сбором сведений о погибших в годы Зимней войны воинах, имена которых не вошли в опубликованные списки. Награжден Почетными грамотами Президиума АН СССР, РАН, РК.

Василия Григорьевича отличала постоянная готовность оказывать помощь. К коллегам он всегда относился внимательно и доброжелательно, поддерживая ценными советами и консультациями. Смерть Василия Григорьевича – неожиданная, невосполнимая утрата для всех нас.

Коллектив ИЯЛИ КарНЦ РАН

Международная научно-практическая конференция

МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ В ИСТОРИИ КАРЕЛИИ И РОССИИ

12–13 сентября 2019 года, г. Петрозаводск

Учредители и организаторы конференции: Министерство культуры Республики Карелия, Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург), Институт Петра Великого (Санкт-Петербург), Институт истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Национальный музей Республики Карелия.

Цели проведения:

- реализация указа Президента РФ «О праздновании 350-летия со дня рождения Петра I» от 25 октября 2018 года;
- изучение и популяризация истории Петровской эпохи на основе современных подходов и представлений;
- разработка рекомендаций по охране, актуализации и использованию памятников истории и культуры Петровской эпохи в целях развития туризма;
- содействие развитию краеведения на Европейском Севере РФ.

Тематика докладов:

- Деятельность Петра I на Русском Севере в историографии и краеведении;
- Памятники и памятные места Петровской эпохи на Русском Севере и перспективы развития историко-культурного туризма;
- Карелия в контексте Северной войны;
- История медицины в Петровскую эпоху;
- История открытия и деятельности петровского курорта «Марциальные воды»: итоги и перспективы изучения и использования;
- Марциальные воды в послепетровский период: изучение целебных источников в 1725–1917 гг.;
- Марциальные воды в послепетровский период как туристическая достопримечательность (1725–1917 гг.);
- Церковь Петра и Павла в Марциальных водах – выдающийся памятник деревянной архитектуры Петровской эпохи;
- Изучение целебных источников и грязей Марциальных вод в советский период (1917–1964 гг.);
- История музея «Марциальные воды» (1946–2019 гг.);
- История санаториев «Марциальные воды» и «Дворцы»;
- Знаменитые люди в Марциальных водах;
- Петровский курорт «Марциальные воды» в исторической памяти, историографии, краеведении, фольклоре и топонимике.

К участию в конференции приглашаются все заинтересованные лица и организации, занимающиеся изучением и популяризацией Петровской эпохи, историки, краеведы, студенты, сотрудники учреждений культуры, представители туристских организаций и др.

По итогам планируется выпуск сборника научных статей с размещением в РИНЦ.

Председатель оргкомитета конференции: Пашков Александр Михайлович, д. и. н.,
профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ

Конт. тел.: 8-911-4012-38-38. E-mail: pashkov@mail.petrso.ru

Международная научно-практическая конференция

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ КАРЕЛИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

24–25 октября 2019 года

Конференция состоится в рамках проведения в Российской Федерации Международного года языков коренных народов и празднования в 2020 году 100-летия образования Республики Карелия в г. Петрозаводске.

Организаторами выступают: Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, автономное учреждение Республики Карелия «Издательство «Периодика».

На конференции планируется обсудить вопросы этнической истории, национальной политики и национальных движений в Республике Карелия, проблемы идентичности коренных народов края – карелов, вепсов, русских, а также развитие и современное состояние их языков и культур в Карелии и России. Представляется важным уделить внимание миграционным процессам XX века и результатам постоянно расширяющихся контактов коренного населения с другими этносами и этнолокальными группами.

Предполагается работа по следующим направлениям:

- I. Исторические и современные аспекты этнического развития коренных народов Карелии.
- II. Карелы в Карелии и за ее пределами: идентичность, язык, культура.
- III. Вепсы в России: межрегиональные контакты, ареалы, границы, традиции.
- IV. Русские Карелии во взаимодействии с соседними этносами.
- V. Миграционные процессы в Карелии XIX–XXI веков: экономические, социальные и этнокультурные эффекты.

Оргкомитет приветствует междисциплинарные доклады и академическую полемику, рассматривая Конференцию как площадку для презентации различных точек зрения, методологических подходов к решению обозначенных проблем.

К участию в Конференции приглашаются представители научного сообщества, образовательных организаций и учреждений культуры, общественных объединений финно-угорских народов, органов государственной власти РК, органов местного самоуправления в РК, а также средств массовой информации.

Контактные данные координаторов:

*Минвалеев Сергей Андреевич, м. н. с. сектора этнологии ИЯЛИ КарНЦ РАН,
+79814001906, e-mail: careliana2019@gmail.com (прием заявок)*

*Шильниковская Ирина Владимировна, ведущий специалист по кадрам АУ РК «Издательство «Периодика»,
8 (814) 78-36-29, e-mail: periodika@rkperiodika.ru (организационные вопросы)*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Представляемые вами рукописи должны соответствовать научным направлениям журнала (*исторические науки и археология, филологические науки: литературоведение, языкознание*) и содержать материалы, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, обзоры, рецензии, научную информацию.

Ответственность за предоставленные данные несет автор(-ы) статьи.

Статьи, не соответствующие предъявленным ниже требованиям, редакция не рассматривает.

СТАТЬЯ предоставляется в электронном виде на адрес электронной почты журнала или ответственного секретаря, после рецензирования предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

ОБЪЕМ оригинальной и обзорной статьи не должен превышать один печатный лист.

Статья набирается в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется с расширением .doc. **Поля:** верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 2 см. Абзацный отступ – 0,5 см. **Шрифт:** Times New Roman, размер – 14 пунктов, межстрочный интервал – 1,5. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих структурных элементов:

на титульном листе статьи (12 пт, 1 интервал) размещаются:

УДК (индекс Универсальной десятичной классификации) в левом верхнем углу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ справа:

ИМЯ, ОТЧЕСТВО, ФАМИЛИЯ автора(-ов) полностью прописными буквами жирным шрифтом.

С новой строки через запятую: ученая степень, звание, должность, кафедра, факультет (институт).

С новой строки аффилиация автора(-ов): вуз / научная организация в именительном падеже. Название должно совпадать с названием в Уставе организации, полный почтовый адрес (включая индекс, город и страну). Авторам необходимо указывать все места работы, имеющие отношение к проведению исследования. Если в подготовке статьи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо указать принадлежность каждого автора к конкретному учреждению.

Электронный адрес *курсивом*.

ИВАН ПЕТРОВИЧ СИДОРОВ

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Института истории
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ivanps@persu.ru

ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ жирным шрифтом прописными буквами (12 пт, 1 интервал, не более 10–12 слов). Заголовок должен быть информативным, лаконичным, точно отражающим содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. Не рекомендуется использовать знаки препинания, кавычки, цифры, инициалы и сокращения.

АННОТАЦИЯ (14 пт, 1 интервал) (**объем от 150 до 250 слов**) включает актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели и методы исследования, результаты и основные выводы. В аннотацию не следует включать впервые введенные термины, аббревиатуры (за исключением общеизвестных), ссылки на литературу.

Аннотация является кратким резюме большей по объему работы. Она может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Аннотация является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних фраз (например, «автор статьи рассматривает...»), не включать несущественные детали. Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных документов, избегать сложных грамматических конструкций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (12 пт, 1 интервал) – от 5 до 10 слов или словосочетаний в именительном падеже, отражающих специфику темы, объект и результаты. Помните: во всех библиографических базах данных возможен поиск по ключевым словам. При подборе ключевых слов рекомендуется использовать общеупотребительные термины вместе со специальными, избегать слишком широких и многозначных понятий, не использовать аббревиатуры. В конце списка ключевых слов точка не ставится.

Для цитирования (12 пт, 1 интервал)

– ФИО, Название статьи. Слеш. Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Год. Номер. Страница. DOI.

ТЕКСТ СТАТЬИ (14 пт, 1,5 интервал)

Статья должна быть структурированной и содержать разделы: введение, основное содержание работы, разбитое на отдельные части, заключение.

ССЫЛКА. В журнале используется Ванкуверский формат цитирования, который подразумевает отсылку на источник в квадратных скобках и последующее упоминание источников в списке литературы, оформленном по алфавиту. Страница указывается внутри скобок, после номера источника, двоеточия и пробела: [1: 138]. Каждая ссылка дается в отдельных квадратных скобках через запятую: [1: 138], [5: 24], [7].

Если цитируемый материал занимает более трех строк, то необходимо придерживаться следующих правил:

- начинать цитату с новой строки,
- изменить шрифт на меньший (использовать шрифт в 12 пт и 1 интервал).

Помните: обилие прямых цитат на каждой странице, следование цитат друг за другом без должного авторского анализа производит впечатление несамостоятельности работы.

Обращаем внимание на следующее:

Буква *ё* ставится лишь в тех случаях, когда замена на *е* искажает смысл слова.

Годы указываются арабскими цифрами, например: 1920-е годы, а не двадцатые годы. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью: 1920 год, 1920–1922 годы, XX век, XII–XV века. Века обозначаются римскими цифрами.

БЛАГОДАРНОСТИ (12 пт, 1 интервал)

ГРАНТЫ, ГОСЗАДАНИЯ (12 пт, 1 интервал) указываются после текста статьи и оформляются через символ *, он же ставится у последнего слова в названии статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ (12 пт, 1 интервал) даются в виде концевых сносок после статьи, оформляются через верхний индекс, например,¹. В Примечаниях могут быть размещены архивные, малодоступные, редкие, анонимные источники, художественные тексты, литература XIII–XIX веков (в некоторых случаях и начала XX века), ссылки на анонимные источники в сети Интернет, ссылки на учебники, учебные пособия, ГОСТы, статистические отчеты, статьи в общественно-политических газетах и журналах, авторефераты, диссертации (если нет возможности процитировать статьи, опубликованные по результатам диссертационного исследования), комментарии автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (12 пт, 1 интервал) должен быть представлен в соответствии с ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления».

Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество)) нумеруется и приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы. Рекомендуется не менее 15 изданий и желательно, чтобы были исследования на иностранных языках. В список литературы включаются только рецензируемые источники, упоминающиеся в тексте статьи. При описании источника следует указывать его DOI, если удастся его найти (для зарубежных источников это удастся сделать в 95 % случаев).

Ссылки на принятые к публикации, но еще не опубликованные статьи должны быть помечены словами «в печати»; авторы должны получить письменное разрешение для ссылки на такие документы и подтверждение того, что они приняты к печати. Информация из неопубликованных источников должна быть отмечена словами «неопубликованные данные/документы», авторы также должны получить письменное подтверждение на использование таких материалов.

В ссылках на статьи из журналов должны быть обязательно указаны год выхода публикации, том и номер журнала, номера страниц.

В описании каждого источника должны быть представлены все авторы.

Ссылки должны быть верифицированы, выходные данные проверены на официальном сайте журналов и/или издательств.

На **АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК** (12 пт, 1 интервал) необходимо перевести и разместить после списка литературы:

ФИО автора(-ов) в последовательности: полное имя, инициал отчества, фамилия (Anna S. Ivanova), место работы, город, страна (если это Российская Федерация, то Russian Federation). Необходимо официальное англоязычное название учреждения. Фамилии на английском языке необходимо указывать в соответствии с их написанием в ORCID ID, Researcher ID, заграничном паспорте или так, как она была указана в ранее опубликованных статьях.

ЗАГОЛОВОК (оформляется прописными буквами)

АННОТАЦИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (Key words)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ (Cite this article as:)

БЛАГОДАРНОСТИ (ACKNOWLEDGMENTS)

*** ГРАНТЫ, ГОСЗАДАНИЯ**

REFERENCES – при оформлении списка литературы на английском языке после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: (In Russ.)

ФИО авторов на латинице (На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Для этого, выбрав вариант системы Board of Geographic Names (BGN), мы получаем изображение всех буквенных соответствий);

ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ (КНИГИ) на английском языке;

НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА (курсив) на английском, если нет англоязычного названия, то на латинице;

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ, их надо указывать сокращениями английских слов, а не транслитерацией: (Vol., Issue, No, P. или p.);

DOI при наличии.

Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы предоставляются в текстовом редакторе Microsoft Word (форматы .doc или docx) или табличном редакторе Microsoft Excel (форматы .xls илиxlsx). **Иллюстрации** (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и предоставляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .bmp). В бумажной версии на обороте каждой

иллюстрации ставятся номер и пометка «верх», «низ». В тексте статьи указывается место таблицы или рисунка. Предпочтительны таблицы, пригодные для редактирования, а не отсканированные или в виде рисунков.

Все таблицы должны иметь заголовки. Название таблицы должно быть переведено на английский язык. Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Если таблица в тексте одна, то она не нумеруется. Отсылки на таблицы оформляются следующим образом: «В табл. 3 указано, что...» или «Указано, что...» (см. табл. 3)». Заголовок таблицы выравнивается по центру и включает порядковый номер таблицы (пишется справа и выделяется жирным) и ее название:

Таблица 4

Государственные налоги погостов Куркиёки
и Тиурула в 1582 году

Table 4

State taxes imposed on the Kurkijoki
and Tiurula Pogosts in 1582

Точка после заголовка таблицы не ставится.

Английский вариант заголовка таблицы следует располагать после заголовка таблицы на русском языке.

РИСУНКИ должны иметь подрисуночные подписи. Нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Если рисунок в тексте один, то он не нумеруется. Отсылки на рисунки оформляются следующим образом: «На рис. 3 указано, что...» или «Указано, что...» (см. рис. 3)». Подрисуночная подпись включает порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру:

Рис. 3. Случайные находки из окрестностей
Куркиёки

Figure 3. Random archaeological finds made
in the vicinity of Kurkijoki

Точка после подрисуночной подписи не ставится.

Подрисуночные подписи приводятся на русском и английском языках. Английский вариант подрисуночной подписи следует располагать после подрисуночной подписи на русском языке.

Правила предоставления иллюстраций. Растровые форматы: рисунки и фотографии должны иметь разрешение не менее 300 dpi (формат tif), без LZW уплотнения, в градациях серого. Векторные форматы: рисунки должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial.

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Vtorushin M. I.</i>	THEORY OF AMERICAN AND PRUSSIAN VARIANTS OF CAPITALISM DEVELOPMENT IN RUSSIAN AGRICULTURE DURING THE XIX AND THE EARLY XX CENTURIES	66
Interview		<i>Davydova A. S.</i>	CONSTRUCTING THE BIOGRAPHIES OF THE CLERGYMEN OF ONE CHURCH	75
Interview with E. V. Anisimov	8	<i>Zykin I. V.</i>	TIMBER INDUSTRY COMPLEX OF THE SOVIET UNION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS: PROBLEMS OF MANAGEMENT, FINANCING AND FOREST MANAGEMENT	83
ARCHEOLOGY		<i>Kurenkov G. A.</i>	PROTECTION OF MILITARY AND STATE SECRETS IN GLAVLIT'S ACTIVITIES IN 1944 ...	92
<i>Kochkurkina S. I., Petrova M. I.</i>		ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY		
ARCHEOLOGY AND HISTORY OF THE KIRYAZH POGOST. FORMATION OF THE SETTLEMENT STRUCTURE	11	<i>Pashkova T. V.</i>	KARELIANS' RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL IDEAS ABOUT <i>KALMA</i> DISEASE	100
WORLD HISTORY		<i>Konkka A.</i>	SPRUCE AS THE TREE OF WOOD SPIRITS IN TRADITIONAL BELIEFS AND RITUALS OF THE POPULATION OF KAERLIA AND THE SURROUNDING AREAS	103
<i>Soyegov M.</i>		Reviews		
SONS OF TURKMENISTAN IN SANDARMOKH. ...	19	<i>Shadrina O. N.</i>	The book review: Goldin V. I. Russian North on the Way to the Civil War: Attempts at Reform. Revolutions. Foreign Intervention. 1900 – the Summer of 1918.	109
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH		Memory		
<i>Antoshchenko A. V.</i>		In memory of V. G. Makurov		112
HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE STUDIES ON THE LIFE AND WORK OF A. V. KARTASHEV	26	Scientific information		113
<i>Kukushkin V. L., Kukushkina I. A.</i>		Info for the authors		115
ORDER BOOK OF VOLOGDA MEDICAL TRAINING SCHOOL OF 1935 AND 1936 AS A HISTORICAL SOURCE	34			
<i>Lyubeznikov O. A.</i>				
ARCHITECT N. P. NIKITIN AND HIS BOOK <i>AUGUSTE MONTFERRAND</i> : PROBLEM OF SCIENTIFIC REPRESENTATION OF THE HISTORY OF ST. ISAAC'S CATHEDRAL IN THE STALIN ERA.	41			
<i>Yastrebova O. M., Pischurnikova E. P., Kostikov S. E.</i>				
RUSSO-PERSIAN LANGUAGE CONTACTS OF THE SAFAVID ERA: RUSSIAN LOANWORDS IN THE PETITIONS OF KUPCHINA KHWAJAH RAHMAT	48			
RUSSIAN HISTORY				
<i>Vasiliev Yu. A.</i>				
THE FATE OF THE KOMSOMOL LEADERS IN THE HISTORY OF THE "LENINGRAD CASE"	56			

В. И. Голдин

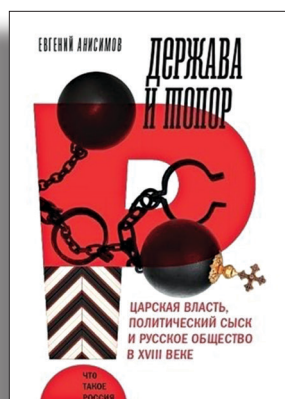
СЕВЕР РОССИИ НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В книге раскрываются сложные и противоречивые процессы развития Русского Севера в начале XX века, диалектика реформ и революций, влияние Первой мировой войны на развитие края. Исследуются истоки и начальный период международной интервенции и Гражданской войны на Севере России.

Предназначено для всех интересующихся проблемами отечественной истории и международных отношений, прошлым Русского Севера.

Голдин, В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918: монография / В. И. Голдин. – Архангельск: САФУ, 2018. – 623 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

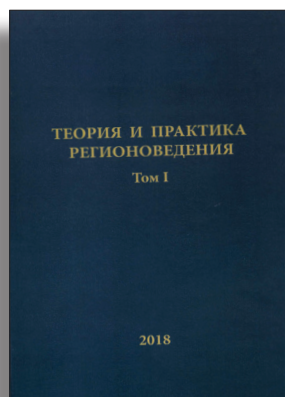
Евгений Анисимов

ДЕРЖАВА И ТОПОР

Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке

Самодержавие и политический сыск – два исторических института, теснейшим образом связанные друг с другом. Смысл сыска состоял прежде всего в защите монарха и подавлении не только политической оппозиции, но и малейших сомнений поданных в правомерности действий верховной власти. Все самодержцы и самодержицы XVIII века были причастны к политическому сыску: заводили дела, участвовали в допросах, выносили приговоры. В книге рассмотрена система государственных (политических) преступлений, эволюция органов политического сыска и сыскная практика: донос, арест, допрос, следствие, пытки, вынесение приговора, казнь или ссылка. Читатель сможет понаблюдать, как в течение XVIII века проявлялось самосознание русского общества, каковы были его чаяния и как на них откликалось государство, меняя уголовное законодательство.

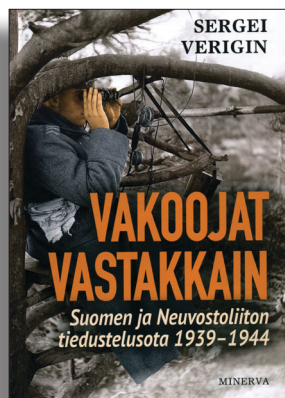
Анисимов Е. Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке: Монография. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

В первый и второй тома сборника научных статей и материалов проекта «Теория и практика регионоведения» вошли работы участников I Международной научно-практической регионоведческой конференции, проведенной НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена 7 декабря 2018 года. Статьи посвящены различным темам, связанным с отечественной историей, культурой, регионоведением, краеведением, сохранением культурного наследия, образования и др.

Теория и практика регионоведения. Т. I. Т. II. Труды I Международной научно-практической регионоведческой конференции. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018. / Сост. и гл. ред. В. В. Яковлев, отв. ред. Т. В. Вольская. – СПб., 2018. – Т. I – 416 с. Т. II – 368 с.

Sergei Verigin

VAKOOJAT VASTAKKAIN

В Финляндии в издательстве «Минерва» на финском языке переиздана книга директора ИИПСН ПетрГУ, профессора С. Г. Веригина «Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944)». Финляндский читатель сможет познакомиться с точкой зрения российского историка на слабо изученную проблему в историографии Второй мировой войны. Монография подготовлена на базе широкого круга источников, основу которого составили архивные документы из фондов государственных и ведомственных архивов России и Финляндии.

Sergei Verigin. VAKOOJAT VASTAKKAIN. Suomen ja Neuvostoliiton tiedustelusota 1939–1944. Venäjän kielestä kääntänyt Mirko Harjula. Minerva Kustannus Oy Helsinki. 2019. 312 s.

